

山形石雄

illustration

宮城

5 花 男 将 の

- [Ишио Ямагато](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Послесловие](#)
-

Ишио Ямагато
Герои Шести Цветов Том 5
Перевод: Kuromiya Ren

一輪の聖者
Saint of a flower

六花の勇者5

イラスト／宮城

俺はピンチの仲間を放っておけない性質なんだ

というわけで、俺はお前を助けてやることにした

物語の舞台は魔哭領の奥へと進んでいくのだが……？

Пролог

Ожидание Черного Пустоцвета

В комнате под землей, квадратной, пять метров в длину, были

два Къема. В центре стояли стол и кресло, один Къема лежал на столе, а другой сидел, скрестив ноги, в кресле.

Шел тринадцатый день с момента пробуждения Маджина, над ними едва забрезжил рассвет.

Къема на столе был в виде инжира, на котором виднелся маленький рот.

— Уже скоро. Уже скоро ко мне вернется Фреми, — сказал высоким голосом Тгуней.

Другой Къема, что слушал Тгуней, был Къема-ящерицей, что ходил на задних лапах и отличался тремя крыльями. У него не было имени, а Тгуней использовал его как тело.

Чуть раньше гонец-Къема сообщил ему, что барьер Тумана Иллюзий, что удерживал Героев в ловушке, рассеялся, а Нашетания, что напала на Героев, теперь пытается сбежать. Появился другой Герой. К счастью, седьмой внедрился в ряды Героев без происшествий, как и предсказывал Тгуней.

— Я рад. Она чуть не сорвала мой план. Я и не думал, что такое случится.

— Наверное, она работает на Доззу.

— Конечно. Каргикку не хватило бы извилин придумать такую ловушку. Но мне интересно, откуда у Доззу фальшивая метка. Странно, — Тгуней захихикал. Впрочем, ладно. Мы миновали опасность. Я буду рад снова увидеть Фреми.

— Это вас обрадует, господин Тгуней? тихо спросил Къема с тремя крыльями.

— Ах, я скоро увижу Фреми. Я хочу увидеть ее лицо. Я хочу узнать, как она будет вести себя, ведь мы не виделись полгода. Может, она и сама понимает, как сильно я хочу ее увидеть.

Тгуней радовался. Он не мог подавить воодушевление и принялся бормотать, не обращая внимания на Къема с тремя крыльями.

— Мне нравятся лица людей. Я люблю на них смотреть. Лица величайший инструмент людей. Они куда интереснее любой книги, даже книги по философии. Улыбающиеся лица скучны. Нет смысла показывать ум. Красивые лица лишь боль и страдания. Но лица

отражают состояние людей, состояние их сердец, и я это тоже чувствую, — он говорил неустанно, и клювик его двигался. Я хочу видеть лица людей. Хочу видеть, как они страдают. По сравнению с этим, даже возрождение Маджина не так важно.

Тгуней вздернул клювик, словно пожал плечами.

— Не стоило так говорить. Не рассказывай об этом другим Къема.

Къема с тремя крыльями и не нужно было кивать. Он долгое время использовался Тгунеем как тело.

Он знал о мыслях Тгуinea, как никто другой. Тгуней не служил Маджину. Он лишь сражался в свое удовольствие. Он жил для того, чтобы видеть страдание на лицах людей, Къема, кого угодно, только не свои страдания.

Последователи Тгуinea об этом ничего не знали.

— Фреми уже показывала мне прекрасное лицо, когда ее признали бесполезной. Это лицо я не смогу забыть никогда. Отчаяние, когда она поняла, что ее семья использовала ее, как пешку. Это было невыносимо. Но Фреми покажет мне лицо, что будет еще лучше. Сражение с Героями загонит ее дальше в пучины отчаяния.

«Он, как и всегда, слишком воодушевлен», — подумал Къема с тремя крыльями. Он часто давал Тгунее советы.

— Нельзя думать только о Фреми. Вы ведь хотите выйти победителем.

— Верно. Так и есть, и я не забыл. Если мы проиграем, все будет кончено.

Если он убьет Героев, то Доззу и Каргикк станут его пешками, и тогда все вокруг будут слушаться его приказов.

Тгуней хотел занять место Маджина. Такое было возможно, хотя на пути и были трудности. Зато все Къема станут его оружием, а люди будут жить в бесконечных страданиях, радуя Тгуinea.

«Не знаю, наступит ли такое будущее», — если такое и могло случиться, то только благодаря Черному Пустоцвету. Вся ответственность лежала на плечах седьмого, которого Тгуней внедрил в ряды Героев.

Но седьмой еще не скоро начнет действовать. Сначала Тгуней обвинит седьмой Мору Честер и добьется того, чтобы ее убили. К этому он уже давно готовился.

Кьема с тремя крыльями уже хотел развить эту тему, когда Тгуней сказал:

— Убивать ли Фреми? Очень сложный вопрос. Убивать ее самому, или пусть это сделают Герои? Способов много, но какой доставит ей больше всего страданий?

Тгуней не переставал думать о Фреми.

— Фреми покажет прекрасное лицо, и не важно, как именно я ее убью. Но есть еще невероятный вариант. Можно заставить Фреми совершить самоубийство. Тогда она покажет мне наипрекраснейшее лицо. Я загоню ее в угол, и ей придется лишь умереть.

Тгуней рассмеялся.

— Конечно, я еще не знаю, как пойдет сражение с Героями. Но шанс заставить Фреми убить себя еще есть Нет

Рот Тгуней растянулся в омерзительной усмешке.

— Седьмой точно доведет Фреми до самоубийства.

Небо становилось все светлее. Седьмой и Герои еще не пришли, но сражение с ними уже маячило на горизонте.

Глава первая

Святые и священные слова

一章
聖者と神言

Часть первая

«Почему вообще меня так волнует Фреми?» — вдруг задумался Адлет, пока бежал по лесу.

Шел восемнадцатый день с пробуждения Маджина, солнце уже опускалось к горизонту. Адлет бежал по лесу на севере земель Воющих Демонов. Ханс, Голдоф, Ролония и Фреми следовали за ним, все они направлялись к горам Обморока. По словам Доззу и Нашетании, там была важная подсказка, что могла повлиять на сражение с Къема.

Говорилось, что в тайне Тгуней построил храм, посвященный Богине Судьбы в горах. Хуже того, в храме Тгуней создал оружие, что могло уничтожить Героев: так называемый Черный Пустоцвет.

Адлет и остальные собирались проверить информацию и, если слова Доззу и Нашетании были правдой, определить, где Черный Пустоцвет. Полчаса назад они убили Темного специалиста Номер 9, Къема, что защищал путь к храму. А теперь Мора, Чамо, Доззу и Нашетания ждали в центре леса, пока придут Адлет и остальные.

По всему лесу валялись трупы солдат, но не было времени огорчаться из-за их смерти.

— Адлет, ты отклонился от дороги, — позвала Фреми. Но он не ответил и продолжал бежать прямо. — Адлет!

Услышав ее зов во второй раз, Адлет пришел в себя.

— Ты слышишь? Я сказала, что ты ушел с дороги.

Адлет сверился с мысленной картой местности и понял, что они слегка отклонились от дороги к месту встречи. Он исправился и продолжил бежать.

— В чем дело? Ты странный, — сказала Фреми.

Адлет слегка покачал головой, словно говорил, что все в порядке.

Но она была права. Он не был спокоен. Только что умерли все люди из его деревни, в том числе, и его друг Раина. Он помнил тот ужасный день, когда Раина спас Адлету жизнь. Когда Адлет еще был ребенком, он хотел быть похожим на Раину. Его друг выжил и боролся, чтобы передать Героям Шести Цветов важную информацию,

хоть и стал солдатом-трупом. Друг умер на руках Адлета, успеи он чуть раньше, он мог бы его спасти.

— Фреми-сан, не дави на него. Случилось ужасное, — сказала Ролония.

— Да, но я все еще хочу, чтобы вы объяснили, что случилось, — сказал Голдоф.

Ханс ответил:

— Нья. Так и сделаем, как только встретимся с остальными, нья.

Тревожился Адлет не только из-за друга. Адлет страдал из-за последних важных слов Раины.

Он рассказал о Черном Пустоцвете, Святом инструменте, созданном Тгунеем.

«Черный Пустоцвет Святой инструмент в облике человека. Это девушка с белыми волосами и рогом на лбу. Девушка с холодным взглядом».

Адлет не знал, кто еще, кроме Фреми, подходит под описание.

Но слова Раины еще не были доказаны, как и не было доказательств, что говорил он о Фреми. Могла быть и другая девушка с холодным взглядом и рогом на лбу.

Но Раина не мог соврать. Да и вряд ли кто-то, а не Фреми, мог быть Черным Пустоцветом.

«А если она и есть Черный Пустоцвет? Если я не убью ее, мы не сможем спасти мир?» — Адлет должен был убить ее. Он был Героем Шести Цветов. Его долгом было спасение мира.

Но Адлет не мог принять этого, ему казалось, что все тело содрогается при мысли. Если ему придется убить Фреми, чтобы спасти мир, Адлет лучше откажется от миссии.

Если бы он сам был Черным Пустоцветом, то решился бы пожертвовать собой, чтобы защитить мир, и хотя ему было бы не просто, если бы Черным Пустоцветом был кто-то другой из товарищей, он все равно не так страдал бы.

Фреми была другой. Для Адлета Фреми была особенной. Она была особенной с того момента, как они встретились.

Но, если подумать, у него не было хороших воспоминаний о Фреми. Она спасла ему жизнь, но она же несколько раз направляла на него ружье.

Она холодно реагировала на его добрые слова. Она отрицала его тревоги. Снова и снова она говорила, как ей не нравятся его действия.

Но здесь, хоть и не в том смысле, что сказал бы Ханс, были и другие девушки. Например, его друг Ролония. И, конечно, он знал девушек, с которыми тренировался, которых встречал в путешествиях. Но никого из них нельзя было сравнить с Фреми.

Адлет всем сердцем молился, чтобы Фреми не была Черным Пустоцветом. Но он понимал, что такое желание вряд ли исполнится.

— Что-то не так, нья, — сказал Ханс.

Они выбрались из леса и услышали крики Къема. Там, где их ждали Мора и остальные, разразилось сражение.

Путь в храм охранял Темный специалист Номер 9 и его солдаты-трупы, но теперь он был мертв, и Къема должны направляться сюда, чтобы остановить Героев, Доззу и Нашетанию. Более того, силы Тгуня тоже идут, скорее всего, сюда. Адлет предсказывал, что они доберутся сюда к полуночи, но не знал, что тогда произойдет. Но ему казалось, что на них нападут со всех сторон.

Им нужно спешить. Было в храме что-то или нет, но они не могли останавливаться.

— Похоже, сражаться придется всю ночь, — сказала Фреми, схватив ружье.

Она прицелилась и выстрелила в голову Къема. Ханс и Голдоф вооружились и поспешили на помощь Море и остальным.

В мгновение ока около пятнадцати Къема было убито, а потом восемь человек и Къема сорвались с места. Не было времени радоваться тому, что все живы.

— Вы опоздали. Что случилось? спросила Мора на бегу. Они должны были встретиться сразу после убийства Номера 9.

— Тупая корова вас задержала? Пусть подойдет, и Чамо забьет ее до смерти, — сказала Чамо.

— Ааа! завопила Ролония и отскочила в сторону.

Фреми, Голдоф, Доззу и Нашетания смотрели на Ролонию с подозрением.

«Придется все-таки объяснять, что случилось», — решил Адлет.

Но Адлета беспокоило и то, что он должен рассказать то, что поведал Раина. Адлет хотел молчать, сколько может, чтобы избежать лишней суеты и взаимных подозрений, да и если он расскажет, они могут убить Фреми на месте.

Адлет сомневался, а Ханс сказал:

— Ньяхихихи, я удивился. Внезапно Адлет обнял Фреми.

— Что? побледнела Мора.

— Он пытался утащить ее в ближайшие кусты, нья. Мы с Ролонией останавливали их, но Адлет не хотел нас слушать. Он начал раздеваться, у меня упала челюсть. Я дара речи лишился.

— Эй, не сочиняй.

Рот Моры был широко раскрыт. Фреми недовольно смотрела на Ханса.

— Что? Зачем он раздевался? Адлета ранили? Чамо почесала голову, не понимая.

— Ты можешь говорить серьезно? спросил Доззу, Ханс пожал плечами. Он взглянул на Адлета, прося его все объяснить.

Адлет знал, что думает Ханс. Они оба хотели скрывать правду и дать Фреми действовать.

Помимо того вопроса, была ли Фреми Черным Пустоцветом, был и другой важный вопрос. Сколько знала сама Фреми? Может, она и не знала, что она Черный Пустоцвет, а, может, скрывала правду.

Если Фреми скрывает то, что знает это, то она точно их враг, но если она ничего не знает, это меняет дело. Тогда Тгуней использует Фреми, она попала к Героям, не зная ничего о своей истинной сущности. А, значит, Фреми тоже хочет, чтобы Черный Пустоцвет был остановлен.

Адлет все решил. Он будет скрывать правду и следить за Фреми.

— Ах, так я начну

Они бежали, Адлет начал рассказывать товарищам о

случившемся в лесу. Он не спускал глаз с Фреми.

* * *

Среди солдат был кто-то живой. Он знал о Черном Пустоцвете. Только Ролония это поняла. Тот человек был другом Адлета. Они слышали от него о Черном Пустоцвете. Все это Адлет быстро описывал остальным.

Он не сказал только одного. Он не сказал, что Раина успел описать Черный Пустоцвет как Святой инструмент в облике девушки с белыми волосами и рогом.

— Раина тот солдат-труп пытался что-то рассказать. Но его уже не было слышно. Ролония пыталась исцелить его, но

Адлет покачал головой, воцарилась тишина, они бежали дальше по лесу.

— Я, конечно, не могу сказать тебе, чтобы ты не расстраивался. Но, Адлет, хотя это больно, не дай этому разрушить тебя, — сказала Мора, пытаясь приободрить его.

Товарищи остановились, Нашетания положила ладонь на грудь.

— Смелый юноша достоин почтения, — сказала она.

Голдоф тоже приложил к груди руку, Доззу остался на задних лапах, а передними коснулся груди. Чамо склонила голову, по лицу ее было видно, что она не знает, что сказать.

Задумавшись, Фреми смотрела на Адлета.

— В чем дело, Фреми?

— Прости. Меня не учили, что нужно говорить, когда люди умирают.

— Да? Не беспокойся, — сказал Адлет, глядя на ее лицо.

Он не мог понять, беспокоится она за него или притворяется.

Ханс тоже следил за Фреми краем глаза. Может, он уже что-то заметил.

— Но Черный Пустоцвет важнее. Мы должны найти еще больше информации, иначе Раина не сможет упокоиться.

Другие кивнули в ответ на слова Адлета, они продолжили бежать.

— Украсть силу Судьбы Может ли такой инструмент существовать? Поверить не могу, — говорила бледная Мора.

— Почему ты так думаешь? спросил Адлет.

— Две причины. Во-первых, я никогда не слышала, чтобы инструмент мог забирать силу. Только у отмеченного богом может быть сила бога. Даже если такой инструмент можно создать, забрать с его помощью силу Святой

— Тгуней может, — сказал Доззу, перебивая Мору. И его тон не казался раздраженным. Он просто отмечал, что Тгуней на такое способен.

— Почему ты так уверен? Откуда ты знаешь? спросил Адлет.

Доззу явно знал больше, чем Мора, хотя она знала о Святых многое.

— Это из-за Хаюхи. Больше ничего сказать не могу.

«Странно, — подумал Адлет. Он знал, что Доззу использовал силу Хаюхи, чтобы искать в прошлом, но они с Тгунеем хотели увидеть то, что связано с истинной сущностью Маджина. Откуда у них тогда знания о Святых инструментах? Более того, Святая Одного Цветка должна была рассказывать все, что знала, главам храмов. Если Доззу и заглядывал в прошлое, он не может знать больше, чем Мора, о Святых. Почему бы Святая Одного Цветка рассказывала главам не все?»

И все сейчас важнее была проблема Черного Пустоцвета и Фреми.

— Адлет-сан, Ролония-сан, Ханс-сан, это все, что вы услышали от солдата-трупа? спросил Доззу.

— Да, так и есть.

— Как был создан такой Святой инструмент, как Черный Пустоцвет? Это самый важный вопрос обычно инструменты представляют собой камни, письма, барьеры, метки или цветы

— Раина умер, не успев рассказать всего.

— Жаль. Я должен был поверить Ролонии-сан. Это моя ошибка.

Я тоже видел надпись.

— Тебя не в чем винить. Даже я не сразу ей поверил, — ответил Адлет, взглянув на мордочку Къема.

Доззу не смотрел на Адлета с подозрением, да и вряд ли он что-то скрывал.

— Информация достоверна? спросила Фреми.

— Это вряд ли игры Тгуней, нья. Мы ведь нашли его случайно. Если бы это была уловка, информацию было бы легко найти, нья.

Ролония сказала:

— И-и эмм он не выглядел как приспешник Тгуней.

— Ясно, — ответила Фреми без эмоций.

— Но есть шанс, что сам солдат получил ложную информацию. Тгуней врал не только мне, но и другим Къема, чтобы никто не знал его настоящие намерения. Потому он мог услышать ложь.

— Вполне возможно, нья, — сказал Ханс.

Адлет тоже не отрицал такую возможность.

— А откуда он это узнал? Он не рассказал?

— Он умер раньше. Если бы мы нашли его раньше, он бы смог рассказать нам больше, нья.

— Жаль. Очень жаль.

Фреми задумчиво отвела взгляд. Она казалась по-настоящему расстроенной тем, что они ничего толком не узнали, она была холодной, но и у нее были заметны эмоции.

— Но с этой информацией мы даже действовать не можем, потому все равно придется идти в Храм Судьбы, — сказал Доззу.

— Как и ожидалось. Поспешим, — сказала Фреми.

Она действовала привычно, выглядела отчаявшейся найти еще хоть что-то о Черном Пустоцвете.

— Бабуля, ты явно не с нами, — вдруг сказала Чамо.

Мора была отвлечена, словно использовала второе зрение.

— Бабуля, ты ведь можешь использовать технику поиска Святых

инструментов? Она может найти и Черный Пустоцвет.

— В-верно. Простите.

— Попробуем.

Мора в спешке произносила заклинание. Ее глаза засветились. И таким взглядом она разглядывала товарищей и окрестности, смотрела повсюду.

— Похоже, если Черный Пустоцвет не рядом с Героями, его способности не проявляются. Потому он может принадлежать седьмому, да? сказала Нашетания.

Чамо прервала ее.

— А если седьмой подберется близко к Чамо и другим? Если у него с собой Черный Пустоцвет, и у нас вдруг исчезнут метки, то все умрут.

— Кроме меня, — добавила Фреми.

Адлет заметил, что Чамо побледнела.

— Ты в порядке, Чамо?

— Чамо боится. Если враг атакует Чамо, то он проиграет. Но камень в желудке Джума Чамо или Святой инструмент, что может убирать метки Чамо ничего не сможет поделать с этим.

— Успокойся, Чамо.

— Чамо спокойна. Спокойно, — сказала Чамо, хлопая себя снова и снова по щекам. Она все еще боялась. Бабуля, как там поиски? Еще не нашла Черный Пустоцвет?

— Следы Святого инструмента только на восьмой метке. Других следов нет ни на дороге, ни в округе.

— Значит, Черного Пустоцвета здесь нет? Хорошо, Чамо в порядке, — сказала она, склонив голову.

Заговорил Адлет:

— Конечно, ты не сможешь найти инструмент, что не использовался.

— Верно. Я могу найти лишь след использования. Я могу увидеть и места, где Святой инструмент использовался раньше.

— Может, когда о Черном Пустоцвете узнали, его перестали использовать? спросила Чамо.

— Может, Тгуней знает о существовании техники, что находит Святой инструмент. Он мог это учесть, — сказал Доззу.

«Вряд ли величайшее оружие Тгуinea можно заметить одной техникой», — подумал Адлет и спросил:

— Мора, можно ли как-то скрыть следы Святого инструмента?

— Не знаю точно. В прошлом преступники пытались так сделать, многим это удалось. Но если даже не знать об облике Черного Пустоцвета — Мора вздохнула.

Адлет вспомнил вчерашние события. Когда Адлет искал Голдофа, Мора передала ему способность искать Святые инструменты. Он смотрел тогда на Фреми и не видел ничего необычного.

«Значит, Фреми не Черный Пустоцвет? Или она не использовала способность. Или мы не видим ее способность?» — у него не было ответов на вопросы.

— Мора-сан, прошу, продолжай и дальше использовать технику поиска. Я не знаю, поможет ли это, но это все-таки может защитить нас от силы Черного Пустоцвета, — сказал Доззу.

— Верно. Не сложно будет использовать второе зрение и искать. Предоставьте это мне, — согласилась Мора и побежала дальше.

— Ролония, — сказала Фреми с добрыми нотками в холодном голосе. Хорошо поработала. Спасибо. Если бы не ты, мы бы ничего не узнали.

— В-верно. Рада, что ты так думаешь, — ответила Ролония с неловкой улыбкой.

«Если бы Фреми знала, что она Черный Пустоцвет, — подумал Адлет, — говорила бы она так?» — они не знали главного, и она должна была радоваться этому. Но Фреми была такой же, как обычно.

«Значит, она не знает, что она седьмая», — так казалось Адлету.

— Сзади приближается около тридцати Къема, — предупредила Мора. У горы тоже есть в засаде Къема.

Адлет цокнул языком. Какое-то время враги не нападали, но они, похоже, готовились атаковать Героев.

— Нам не нужен план, нья. Просто расправимся с ними, — сказал Ханс и развернулся, чтобы сражаться с Кьема. Остальные последовали за ним.

* * *

Следующие два часа Герои вступали в схватку за схваткой по пути к Храму Судьбы. Кьема нападали и погибали, пытаясь их остановить. Кьема порой отступали, и если Герои преследовали их, они возвращались с подкреплением. Кьема становилось все меньше, а Адлет и остальные медленно продвигались вперед.

Впереди сражались Голдоф и Ролония. Хотя они и были союзниками, видеть Голдофа, что без эмоций убивал врагов, и Ролонию, что сыпала проклятиями и сражалась, было немного странно.

— Фреми! Осторожно! Адлет был сзади. Фреми целилась, а тем временем Кьема-змея появился сзади, намереваясь напасть на нее.

Адлет напал на него и свернул Кьема шею. Он отрезал голову, но тело Кьема еще двигалось, пока он не вонзил в него несколько дротиков.

— Спасибо.

— Я прикрою, — сказал Адлет и прижался спиной к ее спине, чтобы они видели всю местность. Перед ним было много Кьема, и он сдерживал их мечом и дротиками.

Адлет думал об их трудном положении, пока сражался. Думать о чем-то другом, работая мечом, было сложно, но Адлет тренировался, чтобы уметь так делать, и он уже успел привыкнуть к этому.

Было сложно поверить, что Фреми знала, что она Черный Пустоцвет. В барьере Тумана Иллюзий именно Фреми спасла ему жизнь, она помогла ему вывести Нашетанию на чистую воду. И на территории Воющих Демонов она помогала Героям. Когда они убегали от Тгуinea, она прикрывала их, а в лесу Сломанных Пальцев она разведывала местность.

Фреми подстрелила Номера 9. Она ничего не сделала Море, Голдофу и Ролонии.

Но доказательств, что Фреми этого не знает, не было. Она могла просто скрыть это в барьере Тумана Иллюзий. Да и в сражениях на территории Воющих Демонов она могла помогать, чтобы не выглядеть подозрительной.

Это была сомнительно, ведь Адлет встретил ее до барьера Тумана Иллюзий. Фреми сказала, что еще не пересекалась с Героями. Если она встретила бы их, то Фреми убили бы. Это Адлет заставил ее пойти с ним.

Если Фреми была Черным Пустоцветом, она должна убивать, а потому такие действия нелогичны. Она бы не смогла использовать силу Святого инструмента, если бы не пересеклась с Героями.

«Что бы делала Фреми, если бы я не втянул ее в это?»

Думая об этом под таким углом, Адлет все же признал, что Фреми не знает о своей истинной сущности.

— Адлет. Ты явно отвлечен, но у меня будут проблемы, если ты не сосредоточишься на сражении.

— Не бойся. Я могу сражаться и думать. Я же самый сильный в мире.

— Ты силен, но уж слишком самоуверен, — вздохнула Фреми.

— Бойся за себя и не расслабляйся. Будет плохо, если ты поранишься.

— Путь будет лишь опаснее. Нужен свет, — сказала всем Мора.

Солнце уже садилось, они сражались в слабом свете угасающих лучей. Но света не хватало. Адлет коснулся светящегося камня в кармане и прошептал святое заклинание. Хотя их все равно не нашли бы, он постарался спрятать камень так, чтобы свет был как можно слабее.

Къема не мешала тьма. Они нападали слаженно, их направлял командир.

— Прорываемся!

Голдоф с силой пробивался сквозь ряды Къема. Их атаки ударяли по нему, но не наносили вред, а от силы удара они сами

отлетали назад.

Адлет продолжал думать. Фреми не знала правду о себе. Если это так, то Адлету было еще больнее.

Если Фреми была их врагом, то Адлет мог бы убить ее. И воспоминания о ней хоть и были ему дороги, он мог бы забыть их, как сон.

Но если Фреми сражалась с Героями если все ее слова были правдой

— Черт.

«Я не могу ее убить», — Адлет не мог этого сделать. Даже если он предаст из-за этого весь мир. Даже если умрет сам. Даже если ему придется рисковать собой.

Почему? Адлет не понимал.

С первой встречи Фреми не покидала мыслей Адлета. Ему хватило увидеть, как она обнимает собаку. Он видел девушку, которой очень больно. Она страдала сильнее, чем собака, которую она обнимала.

Любовь Адлета не вспыхнула внезапно, она была ноющей болью в груди.

Он узнал о прошлом Фреми в барьере Тумана Иллюзий. Она была предана Тгуней и матери, она убивала тех, кто мог стать Героем Шести Цветов, но ее победила Чамо, и ее признали бесполезной, ее выгнали.

Адлету Фреми сказала, почему она хочет мести. Это был не из-за ненависти, не из-за того, что она хотела убить их. Это было из-за того, что Тгуней, ее мать и так называемые друзья воспользовались ее любовью, чтобы получить желаемое. Они годами обманывали Фреми.

«Я не могу простить им не то, что они пытались меня убить. А то, что притворялись, что любят меня».

Адлет не мог забыть ее лица, когда она это говорила.

Фреми использовала ненависть, чтобы выжить. Она была сломлена, потеряв дом. И Адлет и сейчас видел в ее глазах отчаяние. Адлет понимал страдания Фреми, и ему было больно. Он жил так же, как и она. У него тоже не оставалось причин, чтобы жить, он жил

лишь ради мести. Он был лишь убийцей. Он остался один.

Но Адлет думал, что в сердце Фреми были не только ненависть и отчаяние. Адлет видел настоящую Фреми, когда она обнимала собаку, когда спасла его, когда он был ранен. Если забыть обо всей боли, она была доброй. Адлет был в этом уверен.

Адлет хотел увидеть настоящую Фреми, но она скрывалась за отчаянием и ненавистью.

«Думает ли она, что настоящая Фреми умерла давным-давно?» — он не знал ответа, но это не имело значения. Он все еще хотел ей помочь.

Он любил Фреми, но это казалось Адлету сном, в котором он хотел, чтобы она была счастливой. Но даже сон мог разрушиться, если окажется, что Фреми Черный Пустоцвет. Велика вероятность того, что им придется убить ее, чтобы остановить Святой инструмент.

— Я нашла Храм Судьбы! разнесся над лесом голос Мору.

Вторым зрением она проверяла путь, оставаясь в центре. Ближе к горам поле действия ее способности расширялось.

— Храм в центре горы. Поднажмите! Осталось немного!

Товарищи согласно кивнули и поспешили по склону.

— А что с Кьема?

— Проверяю. В храме похоже, никого нет. Все Кьема атакуют нас. Если мы разберемся с ними, то никаких проблем не останется на пути.

Адлет взглянул на небо. Ночь уже сгущалась. Вскоре придут силы, которыми командует Тгуней. Но время у них еще оставалось.

— Голдоф, Чамо, защитите Мору. Остальные разбираются с Кьема, нья.

В ответ все бросились в бой.

— Мора, тебе можно не сражаться. Ищи внутри храма. Ищи Святой инструмент.

Мора кивнула и сосредоточилась. Адлет бросал ядовитые дротики в оставшихся Кьема. Ханс появился сзади.

«О чем ты хочешь поговорить?» — удивился Адлет.

Пора. Адлету тоже было о чем поговорить с Хансом. Он тоже слышал последние слова Раины. Он должен был проверять реакцию Фреми.

— Как ты думаешь? едва слышно спросил Ханс, иначе их услышала бы Мора.

— Ничего странного в поведении Фреми нет. И если вспомнить все, что уже происходило, она вряд ли знает, что она Черный Пустоцвет, — уверенно ответил Адлет.

Но Ханс холодно посмотрел на Адлета. Тот еще не видел у Ханса таких эмоций.

— Первый раз, нья.

— Что?..

— Первый раз я в тебе разочарован.

Слова ударили по Адлету. Он мог, конечно, шутить, он делал так и раньше. Но слова Ханса звучали иначе.

— По пути к храму Фреми чем-то озадачена, и она, похоже, пытается скрыть от нас, что ее что-то тревожит. А ты не можешь даже этого понять?

— Что ее тревожит?

— Не знаю, нья, — сказал Ханс и вздохнул. — Я думал, ты сознательный, нья но ты такой ребенок, — Ханс, как убийца, повидал многих людей, а Адлет полжизни провел на горе Атро. У них была огромная разница в опыте чтения людей.

Но Адлет верил, что они с Фреми связаны на эмоциональном уровне. У Ханса этого не было. Адлет все равно не мог не доверять Фреми.

— Конечно, она тревожится. Но я не вижу в ней врага. Пусть все пока что идет своим чередом, нья.

Адлет тоже так думал.

«Что в Храме Судьбы? А если мы что-то узнаем, и будет уже поздно?»

Если они будут долго говорить, их заподозрят, потому Адлет уже собирался отстраниться от Ханса, а тот прошептал?

— Скажу одну вещь. Потом передай ее Ролонии. Но я должен был сказать ее до того, как мы встретили остальных, нья.

Адлет посмотрел на Ролонию, чтобы была впереди и сыпала проклятия на Кьема.

«Наверное, не лучшее время сейчас говорить с ней».

— Если мы убедимся, что Фреми Черный Пустоцвет, я убью ее.

Адлет, пытаясь скрыть потрясение от услышанного, возразил:

— Фреми не знает, что она

— Ты прав. Есть шанс, что она не знает, что она Черный Пустоцвет. Но я все равно убью ее.

Адлет не успел ничего сказать, Ханс угадал его ответ и добавил:

— Ты не остановишь меня, Адлет.

И, словно они договорили, Ханс отошел. Глядя ему в спину, Адлет не понимал его.

Если Фреми знала правду и врал им, то Адлет сам убьет ее. Это решил и Ханс.

Но если Фреми не знала, если ее использовали, то Адлет защитил бы ее. Он мог найти способ, при котором она не умрет, а ее не убьют другие.

Это было опасно. Может, это привело бы к разрушениям. Но Адлет решил действовать так, а холодные слова Ханса лишь убедили его в этом.

Должен быть способ защитить Фреми. Если они попадут в Храм Судьбы, то смогут найти способ запечатать силу Черного Пустоцвета. Может, и их силы никто не поглотит, если они найдут способ, то и Фреми убивать не нужно.

Но у Адлета был и другой план.

«Разве Раина не говорил, что если Черного Пустоцвета не будет рядом с Героями, эффект не сработает? Значит, все будет в порядке, если Фреми и Герои пойдут разными путями».

Адлет боялся оставлять Фреми одну, но она была сильной. Она сможет выжить.

Ему будет больно потерять товарища, но их еще было много,

потому особой проблемы не будет. Может, только так Адлет мог защитить ее.

Адлет мечтал сделать Фреми счастливой. Он просто не мог смириться с мыслью, что никогда не увидит улыбки самого важного для него человека.

— Я сильнейший человек в мире, — прошептал Адлет.

А сильнейший в мире человек не может не помочь одной девушке обрести счастье.

Часть вторая

Несколько сотен метров оставалось до Храма, но больше Къема им на пути не попадалось. Ролония бежала первой по пути, который указывала Мора.

— Адлет, это странно, — Мора общалась с помощью горного эха.

Адлет сосредоточился на ее голосе.

— Къема двигаются не так, как раньше. Некоторые уходят от нас и прячутся.

«Странно», — подумал Адлет. До этого Къема мешали их продвижению, нападая на Героев. Им нужно было остановить Героев, потому было неожиданно слышать, что они убегают.

— Что ты думаешь? Веди нас.

— Это точно ловушка. Когда мы ворвемся в храм, они тут же вмешаются. Потому разобраться с ними лучше до того, как мы попадем в храм. Я пойму, куда прячутся Къема, и передам всем.

Мора раздавала указания, Герои разделились и разбирались с Къема.

Адлет сражался с Къема и убеждался, что Мора говорила правду. Къема отличались от тех, с кем он уже сражался. Раньше Къема нападали без всяких стратегий, но именно этот отступал, чтобы не получить ранения от атак Адлета.

Адлету казалось, что кто-то умный приказывает Къема. Наконец, парализующий дротик попал в Къема. Он замер, а потом прогремел

выстрел, пуля пронзила голову Къема.

— Что такое? Мне не нужна помощь, — сказал Адлет, не оборачиваясь.

Фреми уже бежала рядом с ним.

«В чем дело?» — подумал Адлет.

— Тебе уже полегчало после солдат-трупов?

— Ах, у меня нет времени думать об этом. Я должен продолжать ради Раины.

— Верно, и это хорошо.

Фреми срезала путь через кусты.

— Ты долго о чем-то думал. О чем?

Мора позвала их и сказала, где еще один Къема.

Адлет направился туда и притворился спокойным, когда ответил:

— Я думал о многом. Почему создали Черный Пустоцвет? Где он сейчас? Кто седьмой? Что мы будем делать в храме? О таком.

Фреми вскинула ружье и выстрелила в Къема.

— Это понятно. А еще я думал, как сделать тебя счастливой.

— У тебя хватает на это времени? холодно спросила Фреми.

— Я постоянно об этом думаю. Это не изменилось с первой нашей встречи.

— Думай о чем-то другом. Мое счастье очевидно. Тебе об этом думать не нужно.

— И в чем оно?

— В успешной мести. А потом умереть с миром. Вот это мое счастье.

Адлет замолчал, они продолжали отыскивать врагов под командованием Моря.

— Но счастье не только в этом. Потому я и думаю об этом.

— Ты не можешь решать, что для меня счастье, — парировала Фреми. У тебя не времени думать о такой бессмыслице.

Сосредоточься на сражении.

«Это не бессмыслица, — подумал Адлет. Ведь это о тебе».

— Прости, но я не собираюсь прекращать. Вряд ли я могу прекратить. Я даже не понял, как это произошло, а уже думал, как сделать тебя счастливой.

— Дурак.

— Ты не можешь решать, о чем мне думать.

— Видимо, так

Между ними повисла напряженная тишина. Вдали были слышны проклятия Ролонии, приказы Моры, фразы Къема, напоминающие код, но они молчали.

— Смерть не сделает тебя счастливой. Не ты ли сказала, что хочешь снова увидеть свою собаку?

— Я уже перестала надеяться. Да и это бессмысленно. Я умру, и он уже не будет моим питомцем, а потом и он умрет.

— Но ты все еще хочешь его увидеть?

— Невозможно. Земли Воющих Демонов огромны. Если я позову его или дуну в свисток, он не услышит. Я не смогу его найти.

«Но ты все еще хочешь его увидеть», — понял Адлет.

— Может, это и мелочь, но ты от этого станешь счастливой, а потому я готов все силы бросить на это дело. Я так чувствую из-за тебя.

— Ладно. Поступай, как знаешь.

— Обещаю, я сделаю так, что ты увидишь свою собаку снова. Я сильнейший человек в мире, потому обещание не нарушу.

Фреми покачала головой, словно это были лишь пустые слова.

— Кстати о собаке, как его зовут?

— Люди дают собакам клички. Я недавно узнала об этом.

— Так ты назовешь его, когда вы увидите снова? Думаю, он будет рад.

Фреми выглядела раздраженной, словно не видела в этом смысла.

— Я не могу себя сдерживать, когда ты так себя ведешь. Я хочу пристрелить тебя.

«О Фреми у меня все же не лучшие воспоминания», — подумал Адлет. Но, что странно, это никак не влияло на его чувства.

— Не знаю, о чем вы говорите, но в вашу сторону идут два Къема. Они прошли мимо Чамо и бегут к вам, — сообщила Мора.

Адлет и Фреми встрепнулись и принялись озираться. Они слышали крики Къема, словно они кодом передавали друг другу указания.

«Они близко», — понял Адлет.

Вдруг двое Къема выпрыгнули из кустов: среднего роста лев и небольшая белая ящерица.

Адлет бросил несколько парализующих дротиков, Фреми выстрелила, но они промазали. Они пытались обойти Адлета и Фреми, но Адлет смог остановить Къема-льва.

— Позаботься о белом! крикнул он Фреми.

«Она быстро его убьет», — надеялся Адлет. Но случилось что-то необычное. Фреми перезаряжала ружье, и пуля выскользнула из ее пальцев, упав на землю, а Къема-ящерица промчался мимо.

Фреми не сводила лаз с белой ящерицы, но она не собиралась за ним бежать.

«Она в чем-то сомневается».

Но времени думать не было, Адлет бросился следом за Къема-ящерицей.

Ящерица постоянно что-то кричала. Судя по тону, Къема мог говорить, как человек, но Адлет не понимал слов. А потом Адлет увидел, как издалека к ним бежит Доззу.

— Помощь не нужна, — крикнул Адлет.

Он пробрался сквозь кусты и по камням добрался до небольшой равнины в центре горы.

Там лежало около десяти мертвых Къема. Он понял по их ранам, что убила их Ролония. Но Къема-ящерицу он уже не видел.

А потом Къема, что были мертвыми, встали и напали всем

скопом на Адлета.

Трое Къема достигли его первыми, но они не были врагами, с которыми он мог с легкостью расправиться. Адлет пригнулся и избежал их атаки. Мечом и бомбами он смог разобраться с ними и выдохнуть.

— Осторожно! крикнул Доззу, его молния поджарила Къема, что был рядом с Адлетом.

Он ударил и по остальным, Къема кричали и извивались от боли, а потом повалились замертво.

«Двойная засада?» — удивился Адлет.

Къема притворялись мертвыми, чтобы заманить Героя. А пока он не будет этого ожидать, они собирались напасть, но как только Герой разберется с ними и расслабится, нападут другие.

Среди врагов оказались умные Къема.

— Ты в порядке? услышал он Доззу. Адлет кивнул.

— Ты остановил Къема-ящерицу?

— Он бежал не сюда.

«Плохо дело», — подумал Адлет. Может, он и отдавал приказы. Он не хотел, чтобы Къема, что может расставлять такие ловушки, жил и дальше.

— Адлет, Доззу. Похоже, всех Къема уничтожили, — донеслось до них эхо Моры.

— Правда? Къема-ящерица мертв?

— Живых Къема не осталось. Я проверила, расслабьтесь.

Адлет направился в указанное Морой место. Но он не мог избавиться от плохого предчувствия из-за пули Фреми и белой ящерицы.

Было и еще нечто странное.

«Почему Доззу пришел на помощь? Есть ли в этом подвох?» — но Адлет заставил себя не думать об этом.

* * *

Адлет и остальные, наконец, оказались перед Храмом Судьбы.

Они видели неподалеку храм, пока разбирались с оставшимися Къема, но теперь он был прямо перед ними, и они нервничали. Храм был почти скрыт среди камней, потому рассмотреть его получилось не сразу. Но, если долго на него смотреть, проглядывала крыша, а посреди камней виднелась дверь. Но она была запечатана цепью. Здание не было похоже на храм, больше оно напоминало крепость или тюрьму.

— Мы не сможем быстро обыскать такое большое здание, — сказал Адлет, но Мора покачала головой.

— Оно не такое и большое. Я не вижу ничего, кроме обычных комнат, где жили люди, и большой комнаты для Къема. Может, под землей что-то важнее.

— Под землей?

— Там комната нет, лабиринт. Погоди, я ищу путь.

«Впереди здание и не похоже на храм, — подумал Адлет. Храму не нужны комнаты под землей, лабиринт и такие стены».

Мора вдруг сглотнула и побледнела.

«Может, что-то нашла», — понял Адлет.

— Э-это

— В чем дело, Мора? спросил Адлет.

А Мора молчала, а потом посмотрела на Доззу и Нашетанию.

— Простите, но мы не возьмем вас с собой.

— Что? закричала Нашетания. Зачем тогда мы вели вас сюда? Чтобы вы нас бросили?

— Нельзя впускать врагов Героев Шести Цветов.

— Что ты нашла, Мора? спросил Адлет.

Она покачала головой, словно боялась сказать хоть что-то.

— Но мы можем помочь с поиском правды о Черном Пустоцвете. Может, это прозвучит грубо, Мора-сан, но мы никак не можем с этим согласиться.

Чамо отозвалась:

— Но вы ведь уже сыграли свою роль и привели нас сюда? Давайте убьем вас.

Атмосфера накалялась, Чамо поднесла стебелек лисохвоста ко рту, но Фреми успела схватить ее за руку.

— Нам нужны Доззу и Нашетания. Пока что.

В другой руке Фреми создала бомбу, которую бросила во врата храма. После нескольких взрывов цепь, что сдерживала проход, разбилась и упала на землю.

— Важнее найти правду о Черном Пустоцвете. Впрочем, надо быть настороже с Доззу и Нашетанией.

— Ты хочешь быть союзником? Большое спасибо, — отозвался Доззу.

Фреми ответила холодно:

— Это не ради вас.

Доззу и Фреми пошли к храму, но Мора встала на их пути.

— Фреми сказала правильно, но если я пущу их внутрь

— Хватит упрямства. Что случилось? спросил Адлет, но Мора замешкалась с ответом.

— Посреди лабиринта в огромной комнате сидит Святая. Она похожа на труп, но она, без сомнения, живая.

— Как это связано с нами? уточнила Фреми.

Мора молчала еще дольше перед ответом.

— Я проверила вторым зрением, но у меня нет доказательств. Я могу ошибаться, так что не смейтесь. Но я думаю, что это... Святая Одного Цветка.

Все Герои застыли. Нашетания и Доззу со спокойным видом переглянулись. Они словно думали: «все-таки она здесь».

* * *

Голдоф и Адлет навалились плечами и выбили дверь, и все зашли в Храм Судьбы. Но Чамо оставила снаружи охрану из Джума.

И хотя снаружи этого не было видно, внутри храм оказался ярким. В потолке было много стеклянных ламп, в каждой мерцали драгоценные камни, такие же светящиеся камни, как у Адлета и остальных. Хотя они были дорогими, храм использовал их вместо ламп, и это поражало. Даже в Пиене во время турнира не было таких роскошеств.

Снаружи храм был скромным, а внутри он совсем не напоминал храм. Ковры лежали на полу, в широкой прихожей висели гобелены. Они словно попали в особняк аристократа.

Мора рассказала им, что находится под землей, и о лабиринте. А тот, кто напоминал ей Святую Одного Цветка, находился в самом центре лабиринта.

— Это точно Святая Одного Цветка? громко спросила она.

Адлет и остальные шли по лабиринту, не обращая внимания на комнаты, что могли быть столовыми и приемными.

«Святая Одного Цветка», — Адлету она всегда казалась скорее сказочным персонажем, чем реально существовавшим. И хотя Мора сказала, что она жива и в этом храме, он все еще не мог осознать этого.

Тысячу лет назад Святая Одного Цветка внезапно появилась, когда Маджин и Кьема почти разрушили мир. Она показала силы, каких никто не видывал, сразилась с Маджином, который был до этого неуязвимым.

Запечатав Маджина в долине Пролитых Слез, она оставила метки Шести Цветов и храмы, чтобы выбирать Героев. Она показала, как становиться Святыми. Адлет и остальные могли сражаться с Кьема благодаря наследству, оставленному Святой Одного Цветка.

Она появилась и исчезла внезапно, люди не могли найти ее следов.

Она словно не была человеком. Впрочем, были и те, кто верил, что она была богиней.

— Она вполне может быть живой. Силы Святой Судьбы мы себе даже представить не можем. Потому она вполне может обладать вечной жизнью.

— После исчезновения Святой Одного Цветка ее наследников

так и не появилось. Мы думали, что ее сила особая, что она не передается. А если все намного проще?

Но проблемой было не то, жива она или нет. Почему она оказалась здесь, что Тгуней делал в храме? И что планировал делать в храме Доззу?

Как и сказала Мора, подпускать Доззу и Нашетанию к Святой Одного Цветка было опасно. Но Адлет понятия не имел, что они собираются делать. А их знания могли пригодиться при поиске правды о Черном Пустоцвете.

— Вот, — сказала Мора и открыла железную дверь в центральной комнате храма.

Вниз вела лестница, в стену были врезаны перила. Путь освещали светящиеся камни. Конечно, их было не так много, свет был тусклым, но и этого хватало, чтоб видеть, куда идешь.

Они добрались до входа в лабиринт, оставили за собой несколько Джума и побежали по лабиринту, окруженные каменными и кирпичными стенами. Мора направляла их, они снова добрались до ступенек и спустились вниз.

— Плохо дело. Путь сложный. Мора-сан, ты точно его видишь? спросил Доззу.

— Да. Это самый короткий путь в комнату в центре.

— Тгуней постарался запутать проход. Если бы не ты, Мора-сан, у нас были бы проблемы, — ответил Кьема.

Подземный лабиринт был огромным. Они могли бродить здесь весь день. Хорошо, что Мора могла использовать второе зрение.

— Доззу, ты ведь знал, что она здесь? спросила Мора на бегу.

— Я знал, что Святая Одного Цветка жива и в руках Тгуinea, — ответил Доззу, не было похоже, что он что-то скрывает. Я не знал, где он ее держит, но все указывало на то, что она здесь, ведь я знал, что Тгуней здесь что-то затевает.

— Откуда ты знал, что Святая Одного Цветка живая? Это из-за Хаюхи?

— А может быть другая причина? тут же отозвался Доззу.

— Почему ты не рассказал нам?

— Я не собираюсь раскрывать все, что знаю.

— Понимаю. Так ты хотел использовать нас, чтобы найти Святую Одного Цветка? И что вы с ней собираетесь сделать? спросила Мора.

— Сейчас наша цель раскрыть планы Тгуinea и защитить Героев.

«Ложь, — подумал Адлет, слушая Доззу. Они явно что-то задумали. С самого начала Доззу и Нашетания хотели использовать Героев, чтобы подобраться к Святой Одного Цветка. Только потому они и объединились с нами».

Нашетания, словно поняв, о чем думает Адлет, сказала:

— Я хочу узнать, кто седьмой, хочу остановить Черный Пустоцвет. Это правда. Не бойся.

Почти час Адлет и остальные бежали по короткому пути по лабиринту. И теперь перед ними оказалась прочная металлическая дверь. Мора ничего не сказала, но и без этого было понятно, что это та самая комната. Дверь не была заперта.

До того, как они открыли ее, Ханс сказал:

— Голдоф, Чамо, не спускайте глаз с Доззу и Нашетании, нья. Будет что-то странное, сразу говорите мне.

Голдоф, Чамо, Нашетания и Доззу остались снаружи, а остальные впятером безмолвно прошли внутрь.

— Что?..

Комната была просторной и квадратной, каждая сторона была не меньше ста метров. Стены и потолок были покрыты белым камнем, украшений не было. Комната была пустой, кроме центра. И все смотрели на кресло и нечто, похожее на человека, сидевшее в нем.

Все было очень странно, Адлет не знал, с чего и начать. Человек в кресле больше напоминал мумию. Кожа его была коричневой, кости выпирали, глазницы были пустыми.

Но мумия была прекрасно одета: белое и просторное кружевное платье. Адлет помнил, что похожая одежда была на королевской семье, когда они наблюдали за сражениями на турнире перед Богиней. Одежда была новой и не сочеталась со старой комнатой. На ее голове, где уже не осталось ни волосинки, была витая тиара с

искусственными цветами. Было понятно, что вещь это была дорогой.

— Ньяхихи, а она модная, нья. Она не похожа на то, что я слышал, — по легенде Святая Одного Цветка была женщиной в скромной одежде. Она носила истрепанное одеяние, у нее не было обуви, она всегда была в уникальной маске.

А эта хорошо одетая мумия не была похожа на Святую Одного Цветка.

Адлет приблизился и увидел, что все тело мумии было сковано, он видел, как ее запястья, лодыжки, тело под платьем обхватывают цепи. Они были толстыми, как его большой палец, и выглядели ржавыми.

Но когда Адлет потянулся к цепям, Мора прокричала:

— Не стоит беспечно трогать цепи. Это Святой инструмент. Я не знаю его эффект, но они наделены ужасающей силой.

Адлет отдернул руку.

— Кошмар. Что это? Это точно Святая Одного Цветка? спросила Чамо, заглядывая в комнату.

— Ты в дозоре, — заявил Ханс.

Не только мумия в этой комнате была странной. Вокруг кресла на полу были высечены слова, которые Адлет не понимал. Но он видел похожие слова раньше. Такие были на каменных табличках в барьере Тумана Иллюзий. Слова, которые используют Святые, для применения умений или создания Святого инструмента, то есть, священные письма. Слова были в радиусе пяти метров вокруг кресла, казалось, что они слабо светятся.

Фреми взглянула лишь раз на Святую Одного Цветка и переключила внимание на слова на полу.

— Это точно Святая Одного Цветка?

— Есть причина так думать, — ответила Мора. И если вы приглядитесь, то тоже это поймете.

Услышав совет Мора, Адлет уставился на мумию.

У нее не было пальцев на левой руке, не было мизинца, безымянного и среднего пальцев. По легенде она теряла их в сражении. Хотя Святая Одного Цветка могла исцелять силой судьбы,

она не могла полностью восстановить утраченное. У нее не было левого уха. Об этом тоже говорилось в легенде. От рта до подбородка шел порез, который она получила в бою против Короля демонов Зофраира. Кости на правом запястье были криво сросшимися, щупальца Маджина ломали его.

Раны совпадали с легендами о Святой Одного Цветка.

— Мне тоже кажется, что это она. Или труп, которому нанесли раны там, где описывает легенда, — сказал Адлет.

— Почему ты решила, что она жива? спросил Ханс.

Адлет тоже не понимал. Три часа назад они сражались с солдатами трупами, которые уже гнили. Но они все же больше напоминали живые тела. А тело перед ними было другим. Оно было как мумия.

— Она жива Она дышит, сердце ее бьется, — сказала Мора.

Но Адлет не мог в это поверить.

— Как это? спросил Ханс. То есть мумия двигается и оделась сама? Это хоть мумия?

— Не могу сказать, — ответила Мора.

Адлет встал перед Святой Одного Цветка.

— Приятно познакомиться, Святая Одного Цветка, если не ошибаюсь. Я сильнейший человек в мире, Адлет. Как вы видите, я Герой Шести Цветов. Я пришел, чтобы запечатать Маджина.

Он ждал ответа, но его не было.

— Я хочу кое-что спросить. Появился поддельный Герой. У него есть метка, которую не отличить от остальных, он среди нас. Мы не можем понять, кто подделка, но, может, вы знаете.

Святая не отвечала. Адлет осторожно коснулся ее спины, покрытой цепями.

— Святая Одного Цветка, мне жаль, что нужно так делать, — сказал он и встряхнул ее.

Цепи загремели, а мумия не шелохнулась.

Ролония и Мора подошли к Святой.

— Нужно попытаться исцелить ее. Пока что ее вроде бы не

опасно трогать, — сказала Мора.

Рука Моры светилась, и сияние впитывалось в тело Святой Одного Цветка. Ролония коснулась тела и попыталась управлять кровью в нем. Но вскоре она убрала ладонь.

— Мои силы не помогут. В ней не осталось ни капли крови, я не могу использовать силы.

— Почему тогда она жива? спросил Адлет.

— Ее сердце бьется без крови. Как-то она остается жива, — ответила Ролония.

— Мора, как там?

Адлет посмотрел на Мору. Она вливала силу в Святую Одного Цветка, но изменений не было видно. И ей приходилось продолжать попытки.

— Ты этого ожидал, нья.

— Да.

Когда Адлет спросил у Моры, была ли здесь Святая Одного Цветка, он думал, что все тайны будут раскрытыми. Она создала метки, она должна знать, кто седьмой. Адлет думал, что она как-то расскажет им о Черном Пустоцвете.

Но в таком состоянии она не могла ничего им поведать.

«Зачем она здесь? Почему она в цепях? Почему она в платье по последней моде? Что с ней сделал Тгуней? И почему вообще она жива? Почему исчезла тысячу лет назад, ничего никому не сказав?»

Их встреча не могла раскрыть тайны, и Адлет чувствовал, что тайн станет лишь больше.

Мора убрала руку и покачала головой.

— Ну как? спросил Адлет.

— Мы ничего не можем сделать. Как и сказала Ролония, в таком состоянии она не должна быть живой.

— Тогда почему она живая?

— Сила Судьбы помогает преодолевать нежелательный исход. Она практически всемогуща. Потому с этой силой она могла преодолеть смерть и продлить жизнь.

Герои не могли ничего от нее узнать. Оставалось лишь изучить священные письма на полу.

Какое-то время Фреми сидела на коленях на полу, пытаясь расшифровать надписи. Ролония тоже смотрела на слова.

— Вы можете их прочесть? спросил Адлет.

— П-прости. Я, к сожалению, не понимаю их — сказала Ролония.

— Не стоит печалиться, Ролония. Тебя учили сражаться и исцелять. А ты, Фреми? Ты их понимаешь? спросила Мора.

— Частично. Это сложно, часть слов я не понимаю. Но могу узнать строение. Посмотрите на эту часть.

Фреми указала на фразу в центре пола.

— Это, похоже, ритуал, чтобы забрать силы Святой. Ты хоть раз видела такое?

Мора уставилась на слова.

— Первый раз такое вижу но такой ритуал вполне мог забрать силу Святой, — ответила Мора.

— Честно говоря, я почти не верила словам того солдата-трупа, но теперь они кажутся вполне правдивыми, — сказала Фреми.

— Продолжим расшифровывать. Пусть Чамо поможет. Ролония, встанешь вместо нее на стражу?

— К-конечно.

Ролония ушла, и появилась Чамо. Втроем они склонились над письмами и пытались понять, что они означают.

— Эту редкую форму священных слов называют небесной надписью, — сказала Мора.

— Кто же источник силы этой надписи? Может, сама Святая Одного Цветка, — ответила Чамо.

— Слова могут вмещать силу Судьбы. Написанное таким языком явно ядро ритуала, — сказала Фреми.

Адлет и Ханс не участвовали в обсуждении священных слов. Они не понимали, о чем говорят девушки, лишь смотрели друг на друга и пожимали плечами.

— Адлет, Ханс. Если вам нечем заняться, то поищите снаружи. Вокруг этой комнаты много подозрительных помещений. Может, я и не все вижу вторым зрением.

— Ах, понятно, — сказал Адлет, но, перед тем как выйти из комнаты, спросил. Задам еще вопрос. Вы что-то успели расшифровать?

— Эти письма явно ритуал, что связан с функциями Святого инструмента. По стилю написания видно, что функции Святого инструмента были решены. Если мы поймем эти слова, то поймем, что это за инструмент, — ответила Фреми.

— Тогда думайте дальше.

— Я понимаю, что за инструмент здесь делали. Скорее всего, Черный Пустоцвет, — сказал Фреми и вернулась к письмам.

— Чамо интересно, писала ли это сама Святая Одного Цветка, — сказала Чамо и взглянула на пол.

— Нет, кто-то другой, — ответила Мора.

— Почему ты так думаешь? отозвалась Чамо.

— Святая оставляла письма и в Главном храме. Но ее почерк сложный и путанный. Этот почерк отличается, — объяснила Мора.

«Может ли так быть?» — задумался Адлет. Легендарная Святая Одного Цветка была уж очень человеческой.

— Ладно. Идем, Ханс. От нас здесь пользы нет, — ответил Адлет.

Он направился к двери, а Ханс подошел к Море.

— В чем дело? спросила Мора.

— Я хотел предупредить, что стоит опасаться Доззу, нья, — прошептал Ханс.

«Странно», — подумал Адлет. Но он решил не ускорять события.

Часть третья

Покинув комнату, Адлет объяснил происходящее Голдофу и

Ролонии и попросил их не спускать глаз с Доззу и Нашетании.

— Адлет-сан, мы ничем не можем помочь? спросила Нашетания.

— Нет. Ждите здесь, — отказался Адлет. Он не хотел вовлекать их. Вы подозрительны. И вы могли что-то задумать.

— В этом нет необходимости.

Нашетания пожала плечами. Адлет оставил их и отправился обыскивать маленькие комнаты неподалеку. Он отправился на восток, Ханс пошел на запад.

Мора сказала им направление, и они обыскивали соседние комнаты. Первая комната, куда вошел Адлет, напоминала гостиную. Здесь было много диванов и стол, шахматная доска, набор игры сугороку. И инструменты для кухни. Все было покрыто пылью, казалось, что комнатой давно не пользовались.

Недалеко от этой комнаты было нечто, похожее на лабораторию. В центре был огромный стол, на стене висел экран, здесь было много книг. Но здесь не было ничего, что могло бы служить подсказкой.

В лабиринте, казалось, бывало много людей и Къема. Адлет понятия не имел, что они здесь делали.

Адлет продолжал поиски, но пока ничего так и не нашел. Он начинал думать, что попусту тратит время. Стоило мрачным мыслям проникнуть в голову, перед глазами возникло лицо Фреми, а потом слова Ханса зазвучали в голове. Если сущность Черного Пустоцвета подтвердится, Ханс может убить Фреми на месте.

«Как этому помешать?»

Он продолжил поиски, пытаясь принять решение. Следующая комната явно предназначалась Къема. В центре было несколько трупов Къема, с потолка свисали лампы со светящимися камнями внутри.

Он не знал, получится ли использовать эту комнату для его плана, он не знал, нужно ли ему что-то предпринимать, пока Мора и остальные не закончили свое исследование.

Но если придется, другого выбора у него не будет.

— Мора, Мора, ты меня слышишь?

Адлет ждал, пока до него дойдет горное эхо Моры.

— В чем дело?

— Ты ведь видишь Кьема в комнате? Можешь почувствовать, что позади меня что-то движется? Или это ты не видишь?

— Прости, я расшифровываю священные письма, у меня нет времени осматривать все. Но, насколько я вижу отсюда, ничего странного не происходит.

— Понял. Прости, что беспокоил.

Мора не следила за его комнатой. Если это так, то все получится.

Час спустя Мора позвала Адлета и сказала, что они расшифровали надпись.

* * *

Адлет вернулся в комнату, где сидела Святая Одного Цветка, все стояли у двери. Как только Адлет вошел, Мора начала рассказ:

— Слушайте, я объясню то, что мы нашли, но дела у нас плохи, — сказала Мора с мрачным видом. Впрочем, одним выражением лица Адлета было не запугать.

— Начнем с того, что сомнений нет. Здесь сидит Святая Одного Цветка. Мы поняли это, потому что часть надписей посвящена ритуалу, что поглощает силу Святой Судьбы, пока она поблизости. Потому вряд ли это не Святая Одного Цветка.

Адлет кивнул и слушал объяснения Мора дальше.

— И из украденной силы был создан Святой инструмент. Он поглощает остатки силы Святой Одного Цветка и это Черный Пустоцвет. Тот солдат-труп не соврал нам.

— Как и ожидалось. И что теперь? отозвался Адлет.

— Для создания мощного Святого инструмента нужны ритуалы. Способности, которые должен получить инструмент, должны быть четко определены и записаны в виде священных писем, тогда эффект претворится в реальность. Потому, прочитав ритуал, можно понять способности и форму инструмента. Сейчас мы приблизительно поняли силы Черного Пустоцвета.

— Странно, нья, — сказал Ханс. Если все можно узнать,

прочитав письма, почему Тгуней не убрал их? Зачем их вообще оставлять здесь? Разве не станет проблемой, если мы их найдем?

— Видимо, нужно объяснить. Во-первых, написанные письма убрать нельзя. Если это сделать, пропадет и сила Святого инструмента. Он начнет слабеть, и способность угаснет.

— То есть, если уничтожить письма, можно остановить Черный Пустоцвет?

— Так тоже не получится. Это особые письма. Символы словно наполнены силой богов сами по себе. Их нельзя разрушить.

— Уньяу

Адлет продолжил своим вопросом.

— Но зачем Тгуней писать слова здесь? Он мог выбрать место, где их не найдут.

— Ритуал забирает силу Святой Одного Цветка. Если написать их не там, где находится Святой Одного Цветка, то никакого эффекта не будет. Тгуней не смог найти другой выход.

— Ясно понял. Можешь продолжить?

— Да, — Мора какое-то время подбирала слова, чтобы объяснять дальше. Но там все же написано не все о Черном Пустоцвете. Ритуал разделен пополам. Здесь его ядро, остаток написан где-то еще. Я пыталась найти его вторым зрением, но его нет в храме. Создатель Черного Пустоцвета Тгуней и его последователи скрывают подробности намеренно.

— Вот зараза. И что нам делать? вздохнул Ханс.

Мора продолжала:

— Сначала я расскажу, что мы смогли узнать из этих надписей. Все, что сказал Ролонии тот солдат-труп, это правда.

— Ох, точно

Адлет вздрогнул. В глубине души он хотел, чтобы Раина оказался неправ. Тогда им не нужно было убивать Фреми.

— Черный Пустоцвет поглощает силу метки Шести Цветов. Точнее, что-то заставляет Святой инструмент поглощать энергию меток. Мы смогли прочитать, что Черный Пустоцвет поглощает что-

то, но делает это не по своей воле.

— Все равно не понятно, — ответил Адлет.

— Я скажу позже, но и я многого не понимаю. Ясно лишь, что пока Черный Пустоцвет есть, наши метки будут терять силу. Все, кроме Фреми, умрут, если такое случится, а одна Фреми победить Маджина не сможет.

— А принцесса? Голдоф впервые вклинился в разговор. Метка принцессы тоже исчезнет? И она будет в опасности?

— Не знаю, — ответила Мора. Метка Нашетании необычна. Я не знаю, что с ней случится. Не ясно и будущее метки седьмого.

Нашетания повернулась к Голдофу.

— Я не выживу здесь без метки. Только последователи Тгуinea могут давать людям возможность выживать на землях Воющих Демонов.

— Хватит о Нашетании. Куда важнее исчезновение наших меток. Сколько нам осталось? спросил Адлет.

— Это зависит от того, сколько сил успел забрать Черный Пустоцвет, — ответила Мора. К сожалению, он активен. Священные письма указывают на это. Не будь он активен, они не светились бы.

— Чем дольше Черный Пустоцвет активен, тем больше силы он набирает. Черный Пустоцвет копит эту силу в себе и становится только сильнее. Значит, чем ближе к Маджину нет, точнее, чем ближе к барьеру, что сдерживает Маджина, тем сильнее будет Черный Пустоцвет.

— Почему? спросил Адлет у Моря.

— Изначально метки Шести Цветов были частью барьера, что запечатывал Маджина. Когда в одном месте окажутся метки, Черный Пустоцвет и барьер, что удерживает Маджина, Святой инструмент начнет поглощать силу барьера. Черный Пустоцвет получит столько силы от барьера, что станет очень мощным, а сила меток начнет угасать.

— Иначе говоря

— Если мы приблизимся к долине Пролитых Слез, мы можем умереть, так и не поняв, что случилось.

Адлет застыл. Если бы они не решили пойти в храм, если бы не встретили Доззу и Нашетанию, им пришел бы конец. Даже беспечный на вид Ханс уже был обеспокоенным.

— Так нам повезло, — сказал он.

— Есть еще хорошие новости. Если Черный Пустоцвет окажется у барьера один, без меток Шести Цветов, он не сможет поглощать силу печати. Так что эта способность работает, только когда он рядом с Героями.

Адлет и остальные немного расслабились. Пока Герои не подберутся к Маджину, все будет не так и плохо.

— И мы узнали еще кое-то. Похоже, активировать Черный Пустоцвет может только Тгуней. Может, так сделано, чтобы помешать Каргикку и Доззу, — сказала Мора.

— Вполне в духе Тгуinea. Он верит только себе, — сказал Доззу.

— Проблемы остаются, — ответила Мора. Мы не можем избежать этой опасности, а если Черный Пустоцвет уже рядом с нами, то скоро наши метки исчезнут.

— В худшем случае придется разделить на группы. Раина сказал, что Черный Пустоцвет не сможет использовать силу вдали от Героев. Если мы разделимся, одна из групп избежит эффекта Святого инструмента, — предложил Адлет.

Но Мора помрачнела от его слов. И пока она пыталась подобрать правильные слова, заговорила Фреми.

— Это тоже невозможно. В момент, когда Черный Пустоцвет активируется, ему нужно быть рядом с нами. Но, если он активируется, не важно, как далеко мы будем от него, Святой инструмент будет поглощать нашу энергию. Конечно, это будет происходить медленнее, но все равно от гибели не спасет.

— То есть, вред уменьшится, но этому не помешать?

«А вот это плохо», — подумал Адлет. До этого он думал, что, даже если Фреми — Черный Пустоцвет, он не будет давать ей действовать в одиночку, и тогда все будет хорошо. Но теперь было понятно, что это решение ничему не поможет.

Остальные были удрученными, даже Нашетания с Доззу. Они явно думали, что если установить личность Черного Пустоцвета, с

ним можно расправиться. Но могло быть и так, что уже поздно.

— Есть несколько способов остановить его, — сказала Фреми. Во-первых, как и с остальными Святыми инструментами, можно остановить того, кто активировал его. Его нужно убить. Так было и в барьере Тумана Иллюзий. После этого нужно сломать сам инструмент. Но и здесь меня кое-что тревожит.

— Что же? отозвался Адлет.

— На полу описан один любопытный ритуал. Там говорится, что когда Черный Пустоцвет разрушится, активируется некая функция, что была остановлена до этого.

— Какая функция?..

— Там не уточняется.

— Все настолько плохо? Значит, даже пытаться уничтожить Черный Пустоцвет опасно?

— Не в том дело, — ответила Фреми. Среди Святых инструментов есть такие, в которых что-то активируется из-за их разрушения. Но если уничтожить источник силы Святого инструмента, то никакого эффекта не случится. Он не сможет задействовать огромную силу. Не знаю, что именно случится, но сложно поверить, что для нас все станет еще хуже, если Черный Пустоцвет продолжит существовать, лишившись источника сил.

«Но все равно нужно быть осторожными», — понимал Адлет.

— Скажу о том, что не написано, — продолжила Фреми. Для начала, как и сказала Мора, что-то случится, если инструмент сломается. Но есть еще кое-что. Мы знаем, что Черный Пустоцвет Святой инструмент, наделенный некой силой, но нет никаких указаний на причину его создания, на его облик. Тгуней, видимо, боится, что эту информацию узнают.

— Это ужасно. Хотя это, возможно, самая важная информация из всего, что мы слышали — сказала Нашетания, хмурясь, что с ней бывало редко. Остальные тоже так думали, хотя Адлет, Ханс и Ролония знали сущность Черного Пустоцвета.

Адлет разрывался от мыслей, стоит ли все рассказать. Он не мог быстро принять решение, ведь оно влекло за собой череду проблем. Адлет посмотрел на Ханса и Ролонию, что безмолвно слушали, но не

собирались ничего рассказывать.

— А еще мы не знаем, сколько нужно времени, чтобы метки пропали. Не потому, что здесь этого не написано, а потому, что мы не знаем, когда был активирован Черный Пустоцвет, — добавила Фреми.

— Ты не знаешь, где может быть оставшая часть ритуала? спросил Адлет.

— Не сказать, чтобы не было догадок. Мы знаем, что оставшиеся священные письма выполнены ритуальным почерком насекомого, — сказала Фреми.

— Как это?

— Священные письма вырезаны очень маленьким колышком он размером с твою ладонь, шириной с браслет или брусок дерева. Оставшиеся письма выполнены им и где-то спрятаны, — сказала Фреми.

— Где-то среди необъятной территории Воющих Демонов — сказал Адлет.

— Это невозможно найти, — согласилась Нашетания.

Повисло молчание. Доззу и Фреми вдруг заговорили одновременно. Фреми уступила Доззу.

— Прошу прощения. Могу я кое-что сказать?

— В чем дело, Доззу? фыркнул Адлет.

— Мы тоже кое-что знаем.

Герои были потрясены, Адлет возмущенно посмотрел на Ролонию и Голдофа. Он говорил им присматривать за Нашетанией и Доззу, чтобы они ничего не сделали.

— Не беспокойтесь. Мы ничего не делали. Мы лишь хотим проверить, была ли здесь Святая Одного Цветка. Начнем с того, что она не была в плену у Тгуinea.

— О чем ты?

— Она долго была здесь. Когда она пропала без вести для всех, она сделала здесь огромную яму и запечатала себя в ней.

— Откуда ты это знаешь?

— Стул, на котором она сидит, и цепи, что обвивают ее. Это Святые инструменты, что она сама сделала тысячу лет назад.

Адлет был поражен.

— И очень сильные инструменты. Во-первых, стул превращает эту комнату в барьер. Люди или Кьема, не важно, не могут войти в комнату. Если кто-то и найдет ее, она исчезнет из их памяти.

— Но мы вошли.

— Святой инструмент перестал работать. Его смог остановить Тгуней, — ответил Доззу и продолжил объяснение. Цепи вокруг Святой Одного Цветка тоже сделаны ею. Попав в эти цепи, никто не выберется из них, что бы ни делал, его нельзя будет даже перетащить в другое место. Но в то же время цепи защищают от вреда пленника.

— Откуда ты это знаешь?

— Потому что мы Хаюха, Каргикк, Тгуней и я видели это. Мы видели, как Святая Одного Цветка в тайне создала эти инструменты, чтобы никто ее не нашел.

-

— Тогда мы не поняли, зачем она создала их. Не было настолько сильных врагов, чтобы в таких Святых инструментах была необходимость. Но теперь я понимаю. Святая Одного Цветка связала ими себя.

Адлет уставился на Святую Одного Цветка. Она выглядела ужасно странно.

— После победы над Маджином тысячу лет назад Святая Одного Цветка пропала. Она в тайне выкопала яму и устроила здесь комнату. А потом заковала себя в цепи, — повторил Доззу.

— Не понимаю, зачем, — ответил Адлет. Святая Одного Цветка сама заковала себя?

— Верно, — подтвердил он.

— Цепи не были украдены Кьема или ее врагами?

— Вряд ли. Это может быть только Святая Одного Цветка. А Кьема, даже если бы собрались все вместе, не смогли бы этого сделать.

— Но к чему все это зачем ей так делать? пробормотал Адлет.

— Может, Тгуней использовал Святые инструменты, что оставила Хаюха, и определил место укрытия Святой Одного Цветка. Тгуней как-то сломал барьер и вошел в комнату. Он украл силу Святой и создал Черный Пустоцвет. Доказательств нет, но это, похоже, не так далеко от правды.

Адлет не слышал лжи в голосе Доззу. Он взглянул на трещины на двери, а потом на Святую Одного Цветка.

В ней было даже больше тайн, чем он думал. Она теоретически заперла себя здесь и попала в руки Тгуinea. Но в этом не было смысла.

— У меня появились подозрения, пока я слушал результаты, что озвучивала Мора-сан. У кого-то из вас поддельная метка. Но ее создал не Тгуней, а сама Святая Одного Цветка. Тгуней забрал силу Святой Одного Цветка, но если бы он использовал ее для создания метки седьмого, то это было бы написано здесь. Но здесь говорится лишь о Черном Пустоцвете. Так что вряд ли метку мог создать кто-то кроме Святой Одного Цветка.

Мора, казалось, что-то вспомнила и заговорила:

— Тгуней говорил кое-что. Седьмая метка была сделана Святой Одного Цветка и дана Тгунейю для исполнения планов. Так что он, похоже, не врет.

Доззу кивнул и продолжил.

— Но Святая Одного Цветка смогла создать седьмую метку так, что не знал ни я, ни Хаюха, ни остальные. Я не знаю, зачем она это сделала.

«Если все было так, то зачем нужна седьмая метка? Кто тогда седьмой?» — они многое узнали, но тайн оставалось еще больше.

— Тгуней использовал седьмую метку но она была создана Святой Одного Цветка, — Мора прижала ладони к голове в раздумьях.

— Если это так, что седьмая метка нам не навредит, — сказал Адлет. Может, она нам даже поможет. Тгуней может использовать метку, но он украл то, что предназначалось нам.

— Такое возможно, — ответил Доззу.

— Я думала до этого, что нам нужно найти седьмого и убить, — начала Мора. Но от этого может стать только хуже. Если метка седьмого исчезнет, или он погибнет, разве ситуация не ухудшится?

— Нья, но это и доставляет проблем. Седьмой враг, которого подослал к нам Тгуней. Мы не можем так это оставить.

— Раз мы не сможем убивать, его можно будет ранить. Чамо отрежет ему руки и вырвет глаза. И тогда он ничего не сможет делать. Если Чамо так сделает, то не будет опасности, даже если метка седьмого исчезнет, — ответила Чамо.

— Нья, так и есть. А ты умная, Чамо.

— Хе-хе.

Им явно нравилось говорить о пытках, но Адлету такое не было интересно.

— Мы никак не можем узнать, кто седьмой но нужно помнить, что он здесь. Хотя, должна отметить, остерегаться неизвестного сложно.

Все кивнули. Но Адлет был кое в чем не уверен.

«Если седьмая метка была сделана для помощи Героям, зачем Святая Одного Цветка спрятала ее? Была ли она сама им союзником? Если нет, тогда чем вообще окажутся Герои?»

Доззу, похоже, собирался продолжить рассказ, но теперь его голос звучал не так уверенно.

— И еще кое-что. Я бы не назвал это неким выводом. Это скорее догадка, но

— Не важно. Говори, — сказал Адлет.

— Может, Тгуней обладает способностью управлять разумом людей и заставлять их исполнять приказы.

«И ты не подумал, что эта информация невероятно важна?» — удивился Адлет.

— Есть два намека на доказательства. Во-первых, было что-то странное в людях, что последовали за ним. Большинство исполняли его приказы, потому что им угрожали, их обманули или заставили. Но было, хоть и мало, тех, что были невероятно преданными Тгуней.

— И?

— Их было очень мало. Я искал их и нашел лишь одного или двоих. Но они знали довольно много о священных письменах и могли быть в центре исследований.

— Это не доказательство.

— Это еще не все. Барьер, что создала Святая Одного Цветка. Заурядной силой его не преодолеть. Это не могут сделать ни Святые, ни Кьема. Даже если бы мы с Тгунеем использовали все знания о священных письменах, мы все равно его не прошли бы. Значит, другого выхода просто не было подсказать ему могла лишь Святая Одного Цветка.

— То есть, Святая Одного Цветка под контролем Тгуней. Ты это хочешь сказать?

— Я думал об этом. Но я не знаю, сколько он управлял ею, что он заставлял ее делать.

В это было сложно поверить. Святая Одного Цветка была важнейшим существом в борьбе за защиту мира. Если Тгуней управляет ей, миру конец.

— Но миру не пришел конец. Герои избраны. И я не понимаю, что это значит. Может, Тгуней не смог подавить Святую Одного Цветка полностью или есть другая причина?

— Так седьмым тоже управляет Тгуней, нья?

— Вполне возможно. А, может, и нет. Не могу сказать.

Седьмым мог управлять Тгуней, но могло быть и иначе. Седьмой, способность Тгуней управлять другими, метка седьмого. Похоже, все вокруг Героев становилось лишь запутаннее.

И пока Адлет думал, Фреми заговорила:

— Я тоже хочу кое-что сказать, но

Он был поглощен рассказом Доззу и совсем забыл, что они с Фреми начали одновременно. Но все о Черном Пустоцвете уже обсудили. Что еще она хочет сказать?

— Что случилось? Мы больше ничего не нашли. Ты что-то придумала? спросила Мора.

«Вряд ли это что-то важное», — подумал Адлет.

— Да. Я думала об одном. И, опираясь на все, что мы обсудили, я это скажу.

И Фреми произнесла то, от чего сердце Адлета ушло в пятки.

— Похоже, я Черный Пустоцвет.

Глава вторая

Ложь

Часть первая

Она как-то смогла выжить.

В лабиринте был лишь один Къема, его тело могло изменяться. Его кожа стала такого же цвета, как плиты под ним, он прижался к полу, словно ковер. И в таком облике он беззвучно скользил по земле.

Его способностью была маскировка. Он не мог исчезать, как это делал Темный специалист Номер Двадцать шесть, потому, если приглядеться, его можно было заметить.

Но Мора, использующая второе зрение, чтобы обыскивать храм, все еще не заметила Къема. Лабиринт был огромным, она не могла увидеть каждый его дюйм.

Снимая с себя маскировку, он выглядел как белая ящерица. Этот Къема отдавал приказы остальным, чтобы заманить Адлета в ловушку, и это он появился перед Фреми и Адлетом в своем настоящем облике по пути в храм.

Къема звали Темным специалистом Номер Тридцать. Он был из тех Къема, которым Тгуней за их способности присвоил номер. Тгуней ценил его способность маскировки и умение собирать информацию, но также признавал и его ум. Къема не следовал приказам Тгуinea необдуманно, он мог действовать сам, чтобы исполнить цели Тгуinea. Многие Къема не справлялись с собственными мыслями, а у него получалось.

«Черт Неужели выжил только я?»

Из всех Къема, что охраняли Храм, погибли все, кроме Номера Тридцать. Къема, что управлял ими, приказал всем пожертвовать собой, чтобы отразить атаку, но тот Къема погиб, и теперь управлял Номер Тридцать.

Он привел еще Къема, расставил ловушку и попытался остановить Героев. Он даже смог серьезно ранить Адлета. Но результата не добился.

Он бросил приспешников и убежал. Ему пришлось смотреть, как всех Къема уничтожили, не заметив лишь его из-за маскировки, благодаря которой он прошел мимо Моры. Он проник в храм через трещину в двери до того, как прибыли Герои, и теперь скрывался здесь.

— Есть несколько способов остановить его. Во-первых, как и с остальными Святыми инструментами, можно остановить того, кто активировал его. Его нужно убить. Так было и в барьере Тумана Иллюзий. После этого нужно сломать сам инструмент. Но и здесь меня кое-что тревожит.

Прижавшись к полу, Номер Тридцать слушал разговор Героев.

У Номера Тридцать была еще одна способность, помимо камуфляжа. Все его тело воспринимало звуки, потому слышал он в несколько сотен раз лучше, чем люди. И если они спокойными голосами говорили в лабиринте, он мог легко услышать их.

— Номер Тридцать что делают Герои? послышался рядом тоненький голос. Другой Къема.

Это был Темный специалист Номер Четырнадцать, он был выше рангом. Полдня назад он узнал, что Герои приближаются к Храму, и пришел сюда. Но он пришел не для того, чтобы помочь с боем, он просто ждал снаружи.

— Мы уже говорили об этом. Ничего не изменилось. Они собрались перед комнатой в центре лабиринта и говорят. Говорят о Святой Одного Цветка, Черном Пустоцвете и об оружии Тгуней.

— Черный Пустоцвет? Это еще что такое? Никогда о таком не слышал, — Къема говорили так тихо, что Мора не смогла бы расслышать их разговор.

Тгуней приказал им охранять храм, только и всего. Они не знали, кто седьмой. И хотя Герои порой начинали говорить об этом, Къема не знали, кто такой Черный Пустоцвет. Они знали, что Святая Одного Цветка здесь, потому что услышали это от Героев.

Тгуней скрывал свои планы. Он выдавал Къема ограниченную информацию. Они должны были лишь исполнять его приказы, Къема не должны были думать о значении этих приказов. Так действовал Тгуней.

Они периодически получали приказы от Тгуinea. И пока что они лишь ждали.

— Не сказать, чтобы не было догадок. Мы знаем, что оставшиеся священные письма исполнены ритуальным почерком насекомого.

Фреми. Ее голос Номер Тридцать не слышал уже давно. Ее слова

зазвучали в его теле, заставляя вспоминать то, что произошло чуть меньше часа назад.

«Глупая девчонка. Неужели тебе все еще не хватает смелости убить меня?»

Номер Тридцать в прошлом жил с Фреми, он был одним из тех, кто вырастил ее.

* * *

Восемнадцать лет назад. Номер Тридцать тогда еще был без номера, был непримечательным Кьема, а потому был поражен, когда Тгуней вдруг позвал его.

Они поприветствовали друг друга, и Тгуней заговорил:

— Я должен отдать тебе сложный приказ. Для него требуется ум, умение действовать, способность понимать сердце человека. И только тебе я могу это доверить.

Тгуней отвел его в небольшую пещеру, где жила Номер Шесть. Она занимала особую позицию среди последователей Тгуinea. Ее способности тщательно скрывались.

Рядом с Номером Шесть был Кьема-младенец, ему было несколько месяцев. Станный Кьема был очень похож на человека и был очень уродливым.

Тгуней приказал Номеру Шесть покинуть пещеру и начал объяснять.

Ребенка звали Фреми Спиддроу. Услышав имя, Номер Тридцать встревожился. Кьема было почетно получить уникальное имя, и ему не нравилось, что Кьема, которому было лишь пару месяцев от рождения, уже получил такой дар.

И разве не люди давали бессмысленные фамилии ребенку после личного имени? Он ощутил отвращение.

— Ребенок родился от человека и Кьема, так что она должна быть так же умна, как и люди. И я хочу отдать тебе несколько приказов. Во-первых, я хочу, чтобы ты вырастил этого ребенка как сильного Кьема. Растить ее так, чтобы к двадцати годам она смогла сражаться со мной.

«Это же невозможно», — подумал Номер Тридцать, но не сказал. Если это приказал Тгуней, это было возможно.

— Другой приказ: заставь ее ненавидеть Къема, когда она вырастет. Простой ненависти не хватит. Она должна ненавидеть Къема так сильно, чтобы, даже рискуя жизнью, она хотела убить их. Ты должен привить ей такую ненависть.

Номер Тридцать должен был вырастить ребенка сильнейшим Къема среди приспешников Тгуinea и заставить ее ненавидеть Къема. Он не понимал смысла такого приказа, но не задавал вопросов.

— Я хотел отдать этот приказ Номеру Шесть. Но она стала странной. Я приказал ей полюбить ребенка, но она полюбила его слишком сильно. Так сильно, что забыла о моих приказах и о верности Маджину.

Тгуней вздохнул. Фреми, лежавшая на кровати, посмотрела на Номера Тридцать, прижавшегося к полу, и рассмеялась. Тгуней осторожно поднял малышку и покачал на руках.

— И что ты будешь делать теперь? Как заставишь этого ребенка стать сильной и возненавидеть Къема?

Глядя, как Тгуней возится с ребенком, Номер Тридцать какое-то время думал. Он участвовал в задании по управлению людьми, потому понимал их поведение.

— Для, что ему пригодится и Къема, что не притворялась, любя Фреми. начала, я заставлю ее полюбить Къема. А потом она будет тренироваться изо всех сил, чтобы стать сильнее ради Къема. А потом жестоко предам ее. И она возненавидит Къема.

Тгуней радостно хлопнул в ладоши.

— Отлично. Я искал Къема, что ответил бы мне так, именно о такой стратегии я и думал.

Тгуней жестоко улыбнулся, даже Номер Тридцать, что был верен ему, затрясся от страха.

— Ты ведь сможешь это сделать?

Номер Тридцать кивнул.

* * *

Получив новое задание, Къема получил и имя, и номер Темного специалиста. Когда Фреми не было рядом, его звали Номером Тридцать.

У Номера Тридцать появились два помощника. Они были такими же умными и способными говорить, как и Номер Тридцать. Но только он отдавал приказы. Один из этих Къема был красным муравьем, другого знали как Пронизывающую птицу. И они втроем изображали семью Фреми, притворялись, что любят ее.

Номер Шесть была списана со счетов, и Номер Тридцать попросил, чтобы ее убрали от ребенка, и просьбу исполнили, теперь у него была такая власть. А потом Номер Шесть стала его помощником. Он думал

А потом появился еще один Къема, пес, которого принес Тгуней и поселил с Фреми. Она еще младенцем лежала с огромной собакой на земле, зарываясь головой в ее живот, катаясь по его боку и развлекаясь.

Четверо Къема растили Фреми в пещере в уголке территории Воющих Демонов. Она училась говорить, и они помогали ей, как люди. Фреми тогда была шумным ребенком и все время смеялась. Они читали в человеческих книгах о детях и понимали, что она была энергичнее обычного ребенка.

Къема растили Фреми, но от этой работы Номера Тридцать и двух его помощников тошнило, а Номер Шесть была счастлива.

Фреми исполнилось три года, началась работа Номера Тридцать.

* * *

Сперва он научил ее страху.

Он забрал Фреми из пещеры и представил ее другим Къема. Увидев ее, остальные сразу захотели убить ее и съесть. Они яростно кричали, смотрели на нее, и слюна капала из их ртов. Номер Тридцать следил за всем из тени, скрытый ото всех.

Фреми сначала подумала, что они решили поиграть с ней, но вскоре поняла, что они не притворяются. И хотя она еще была маленькой, она понимала страх смерти, понимала, что ее терпеть не могли другие Къема. Фреми бессильно опустилась на землю и

смотрела, как Кьема обнажают клыки и собираются на нее напасть.

Страх так глубоко пронзил ее сердце, что это чувство она запомнила на всю жизнь.

И Номер Тридцать пришел к ней на помощь.

— Что вы собрались делать с Кьема, рожденной по приказу господина Тгунея?

Номер Тридцать подхватил Фреми челюстями, она потеряла дар речи от страха, он принес ее обратно в комнату. Она боялась покидать пещеру.

Конечно, все это было частью плана. Но если бы этого не сделал он, такое все равно случилось бы.

Затем он научил Фреми злости.

Кьема заставил скот окружить пещеру, где жила Фреми, и накричал на нее.

Конечно, Номер Тридцать позволил им так поступить. Он не забывал, что не должно быть и малейшего шанса, что правда раскроется.

— Раз она дитя человека, пусть работает, как человеческий скот. Пусть роет ямы и таскает камни. Она должна рожать детей, а ее дети будут кормить нас. Нет, лучше мы съедим ее саму.

Номер Шесть и Номер Тридцать не говорили, что растили Фреми по приказу Тгунея, но выполнить требования Кьема не могли.

И другой Кьема набросился на семью Фреми.

Члены семьи Фреми плохо умели сражаться, потому проиграли, в них впивались зубы, когти, оставляя следы.

Дрожа от страха, Фреми смотрела, как страдает ее семья, пока она пряталась в темном углу пещеры. После этого на ее губах больше не появлялась улыбка. Ей исполнилось пять лет, и больше Номер Тридцать ее улыбающейся не видел.

* * *

Все это время Номер Тридцать и его два помощника

притворялись, что любят Фреми.

Она никогда не плакала. Лишь дрожали ее губы, она сжимала зубы и подавляла страдания.

— Почему они ненавидят меня? грустно спросила Фреми.

— Потому что ты похожа на человека. Этого не изменить, — ответил Номер Тридцать, обняв ребенка.

— Почему я выгляжу, как человек?

— Так захотел господин Тгуней.

— Но меня ненавидят другие Къема. Господин Тгуней жестокий. Почему он не приказал всем любить меня?

После этого Номер Тридцать ударил ее по лицу.

— Господин Тгуней готовится к битве с Героями Шести Цветов. Он сражается, чтобы уничтожить людей. Он живет не ради тебя. Ты существуешь ради господина Тгуinea.

— Но, — сказала Фреми, — всем больно из-за меня. Я не могу этого терпеть. Я пойду работать, как скот, чтобы вы больше не страдали. Если после этого Къема исправятся, то я буду рада и этому.

От этих слов Номер Тридцать мысленно смеялся.

Страх и злость возникали из ее любви. Чем больше было врагов, тем сильнее было ее желание защитить союзников. Как и предсказывал Тгуней, любовь была в сердце Фреми, хотя и была посеяна там, чтобы они смогли ее предать.

— Нам больно видеть, как страдает милая Фреми. Но мы справимся. И ты тоже.

Номер Шесть и другой Къема приблизились к Фреми, она обняла свою мать и притихла.

Собака пришла к Фреми, а та пыталась сдержать слезы. Может, пес подумал, что она плачет, потому и стал вылизывать ее щеки. И тогда Фреми заметила, что он тоже ранен Къема.

— Я хочу стать сильной, — заявила она треснувшим тоном, словно давилась кровью и слезами. Я хочу посмотреть тем Къема в глаза. Если я стану сильной, они больше вас не тронут.

«Пугает, но все идет так, как надо», — подумал Номер Тридцать.

* * *

В шесть лет Фреми получила первый пистолет, ей говорили, что ее хотят сделать Святой. Номер Тридцать помнил, как ее тело дрожало от восторга.

Фреми рьяно училась пользоваться пистолетом, тренировалась. Ее семья Кьема помогала ей с этим. Каждый день был жестоким. Она выбивалась из сил, но ее безжалостно заставляли продолжать. Порой она даже сбегала из дома, чтобы пожаловаться. Ее успокаивало присутствие пса.

Но каждый день жестоких тренировок закалял Фреми. Даже Номер Тридцать понимал, что такие нагрузки жестоки для ребенка, но он отметал эти мысли.

Тгуней заставил человеческих рабов построить Храм Пороха. Когда Храму понадобилась Святая, в возрасте двенадцати лет ею стала Фреми. Может, она была единственной Святой Пороха за всю историю.

— Я стану сильной. Я стану сильнее всех, я сломаю их всех. Я не позволю им снова вредить вам, — сказала Фреми и сжала пистолет.

* * *

Талант Фреми, как Святой, не представлял ничего выдающегося, и как Кьема она была одной из самых слабых по силе. Но Фреми хотела одолеть всех Кьема, защитить семью, она тянулась к тому, чтобы стать сильнее, всей душой. Если бы ее растили Кьема, она бы выросла обычной Кьема, стала бы Святой с обычной силой. Причиной ее силы были ненависть и любовь.

Фреми начала тайно проникать в мир людей и убивать претендентов на становление Героями. Святая Льда Эсли, прекрасная лучница Матра, она охотилась на тех, что представляли живыми опасность.

И находились Кьема, что признавали ее заслуги. Говорили, что Фреми была полноправной Кьема, что зря они пытались съесть ее, что господин Тгуней поступил мудро, вырастив ее.

Но беспокоило то, что Фреми не ненавидела Къема, а именно этого должен был добиться Номер Тридцать.

Когда Къема с такими мыслями показывались на глаза Номеру Тридцать, он запрещал им говорить добрые слова Фреми. Этого хотел Тгуней, и это исполнялось.

А во Фреми росло недовольство. Сколько бы она не убивала, Къема не признавали ее. Она начала задумываться, что ее будут вечно считать монстром, что Къема никогда не увидят ее своей.

Пока Номер Тридцать растил Фреми, он понял, что она хочет быть признанной и принятой Къема. И не ради себя, а ради семьи. Если у нее получится, то, как она думала, семья будет счастлива.

За эту надежду и ухватился Номер Тридцать.

Полукровку никогда не примут Къема. И Фреми постепенно начала сдаваться в своих попытках заслужить их одобрение.

Но она не теряла боевого духа. Пусть Къема и не принимают ее. У нее была мать, Номер Тридцать и еще два Къема, что жили с ней и любили ее.

Фреми думала, что если семье так будет лучше, она готова даже погибнуть.

* * *

И момент, который они планировали годами, замаячил на горизонте, Тгуней снова вызвал Номера Тридцать.

— Невероятно. Номер Тридцать, твоя работа превзошла мои ожидания, — сказал он. Мне нравится смотреть на лица людей. Нравится смотреть на лица страдающих. Но одних страданий мне мало. Я люблю смотреть на лица тех, кто боится, кто в смятении, кто ищет ответы, — Тгуней улыбнулся, предавшись воспоминаниям. У Фреми прекрасное лицо. Необычная смесь ненависти и любви. И хотя она переполнена болью, отчаянием и унижением, она цепляется за связь со всеми вами. Ненавижу я Къема или люблю? Она разрывается на части и не знает, что делать.

Это не звучало как похвала Номеру Тринадцатый.

— Отличная работа. Ты показал мне прекрасное зрелище.

И вдруг у Номера Тринадцать зародились сомнения о значимости дел Тгуinea. Он выводил Къема, что следовали за ним. Сначала Номер Тринадцать верил, что это все ради Маджина и всех Къема. Но он начинал думать, что у Тгуinea есть свои цели, что ему просто нравится видеть боль на лицах людей.

Был еще один командир Къема, Каргикк, и он любил Къема. Он звал их детьми, он сражался рядом с ними.

«Может, зря я служу Тгуineaю».

Номер Тридцать отмел сомнения. Добротой Каргикка они не победят. Им нужна беспощадность Тгуinea.

— Фреми идет убивать Чамо Россо. Конечно, она проиграет, но, когда она вернется, наступит момент, которого мы все так долго ждали, — улыбнулся Тгуinea. — Конечно, я буду смотреть. Ах, это будет забавно.

* * *

Предай Фреми, причини ей боль. Таким был последний приказ.

Номер Шесть любила Фреми в глубине души, и Номеру Тридцать пришлось напомнить ей, как важно последнее задание для их плана.

Номер Тридцать рассказал ей, что Фреми будет ненавидеть их временно. Когда план Тгуinea будет выполнен, Фреми примут все Къема. Она станет их товарищем. Номер Шесть была глупой, она поверила.

Номер Тридцать преданно выполнял последние приготовления к выполнению плана. Фреми вернулась домой, проиграв, и он мучил ее, ранил и разбивал надежду.

А Тгуinea радостно смотрел на это.

Даже сейчас Номер Тридцать помнил лицо Фреми, когда она подумала, что семья предала ее, на ее лице не было ничего. Она потеряла все эмоции.

Къема напали на Фреми. Хотя им было приказано не убивать ее, ничего не говорилось о том, что ее нельзя ранить. Номер Тридцать и остальные пытали Фреми, радуясь в душе.

Фреми смогла сбежать в мир людей, на этом работа Номера Тридцать была выполнена.

* * *

Все задания Номера Тридцать были выполнены. Как и приказал Тгуней, Фреми ненавидела Кьема всем естеством. Но он не понимал, зачем это нужно было.

Птица и красный муравей были убиты Фреми, Номер Тридцать уже не был лидером, он снова стал подчиненным.

С уходом Фреми Номер Шесть стала бесполезной, она ушла на окраину территории Воющих Демонов. Но она все еще верила, что Фреми вернется, потому защищала пса, который был питомцем Фреми.

После пяти месяцев отсутствия Фреми Номер тридцать услышал, что последователи Каргикка напали на Номер Шесть и убили ее, но уже не осталось того, кто расстроился бы из-за этого.

Близилось сражение с Героями, и Тгуней вдруг появился и сказал:

— Фреми живется ужасно. Ее преследуют люди за то, что она была Убийцей Шести Цветов, потому она постоянно в бегах и скрывается, постоянно живет в страхе, голоде и отчаянии. Это ведь хорошо? Невероятно просто. Люди все-таки полезны. Я даже готов наградить их за то, что они пытаются ее вместо меня.

«Что смешного в этом?» — Номер Тридцать не понимал радости Тгуinea.

— Интересно, понимает ли Фреми? Никто никогда не полюбит ее. Ей будет очень плохо, когда она поймет это, — сказал Тгуней и улыбнулся.

После их разговора Фреми, которую вырастил Номер Тридцать, появилась за землях Воющих Демонов как враг. Она чувствовала ненависть, в том числе, и к Номеру Тридцать, и собиралась убивать Кьема.

А теперь она говорила о Святой Одного Цветка и Святом инструменте, что стал Черным Пустоцветом.

Часть вторая

— Фреми, я не расслышала. Что ты сказала? спросила Мора.

Адлет был с ней согласен.

«Откуда она знает?» — удивился он.

На миг ему показалось, что ей рассказал Ханс или Ролония, но они были такими же пораженными от внезапных слов Фреми.

— Пока все мы были здесь, я думала об этом, но если бы я сказала это раньше, объяснять было бы в два раза тяжелее, — ответила с готовностью Фреми.

— Ты сказала, что ты Черный Пустоцвет? спросила Мора.

— Мое тело может быть Черным Пустоцветом, а, может, он где-то в моем теле, и часть меня скрывает это. Я не знаю, что верно, но я точно связана с Черным Пустоцветом.

— Это признание? Ты все это время знала о Черном Пустоцвете?

Фреми покачала головой.

— Нет. Пока Доззу не упомянул о нем, фраза «Черный Пустоцвет» даже не всплывала в моей памяти, я не знала и о возможностях Святого инструмента, пока не прочитала здесь священные письма.

— Тогда почему ты решила, что связана с ним? не отступала Мора.

— По-моему, я уже здесь бывала.

— Не понимаю, о чем ты? спросил Адлет.

Фреми взглянула на него и продолжила:

— Если вам не хватило моего объяснения, то я добавлю: когда создается Святой инструмент, его носитель должен войти в контакт с ритуалом священных писем. Ритуал, создавший Черный Пустоцвет, разделен на несколько частей, но ядро написано здесь, так что носитель Черного Пустоцвета должен был хоть раз коснуться этих священных слов.

— И? Тот факт, что Святой инструмент должен был коснуться священных писем, ничего не объясняет, так ведь? сказала Мора.

— Прости Но я не пойму, пока ты не объяснишь, — ответил Адлет.

— Когда я вошла сюда, то словно ощутила дежавю. Сначала я подумала, что мне просто показалось, но пока я смотрела на Святую Одного Цветка, ко мне понемногу возвращались воспоминания. Не сказать, чтобы они были важными, но я видела вблизи такую Святую Одного Цветка однажды.

— Но, даже если ты ее видела, это не означает, что ты Черный Пустоцвет, — парировал Адлет.

— Тгуней скрывает существование Храма Судьбы. Я не слышала даже слухов об этом месте. Так зачем я оказалась бы здесь? Зачем показывать мне, что внутри, приводить к Святой Одного Цветка?

Адлет не нашелся с ответом.

— Мы еще не определились с тем, что делает Черный Пустоцвет, но, как по мне, то весьма вероятно, что Черный Пустоцвет это я.

— Погоди. Мора, пока мы не наломали дров, бывают ли люди или Къема, ставшие Святыми инструментами? спросил Адлет.

— Бывают. Около пятисот лет назад Святая рассказала, как превращать людей в Святой инструмент, но тот человек умер, все записи об этом были уничтожены, а ту Святую казнили. Вряд ли где-то остались сведения

— Почему тот человек умер?

— Не знаю. Этого не было в записях.

«Нет никаких сомнений, что Фреми Черный Пустоцвет», — подумал Адлет. Слова Раины получили подтверждение, почти не оставалось шанса, что это может быть другая девушка с белыми волосами и рогом на голове.

— Нья. Думаю, мы можем кое-что рассказать, нья, — сказал Ханс.

Все посмотрели на убийцу.

Адлет возразил:

— Слишком рано. Ханс, прекрати немедленно, — но уже не было смысла хранить этот секрет. Он уже не мог укрыть от них правду.

— Что случилось?

— Вообще-то друг Адлета рассказал больше. Он сказал, что Черный Пустоцвет выглядит как человек. Мы с Адлетом и Ролонией молчали об этом, но уже нет смысла. По его словам, Черный Пустоцвет девушка с рогом на голове, белыми волосами и холодным взглядом.

— Чт — Мора и Чамо были потрясены, но Фреми оставалась спокойной, хотя ей только что раскрыли важную правду.

— Зачем вы скрыли это? спросила Фреми.

— Мы давали тебе шанс, нья. Думали, что ты скрываешь от нас свою сущность Черного Пустоцвета. Потому и притворились, что не знаем, следили за твоими действиями.

— Вот как — ответила Фреми.

— Уже нет смысла следить за тобой издалека. Ты сама рассказала о Черном Пустоцвете. Если бы ты знала об этом и планировала убить нас этой силой, то ни за что не стала бы рассказывать нам, нья. Потому, — продолжал Ханс, — тебе можно доверять, нья.

— Я понимаю, почему вы так поступили, — сказала Фреми, слабо кивнув. Его объяснение убедило ее.

Адлету стало легче. Он отчасти подозревал Фреми, но она сама рассказала все, и его уверенность в ней окрепла.

Фреми не собиралась убивать Героев. Она не знала, что она Черный Пустоцвет.

«Как хорошо, что мне не нужно подозревать того, кто мне дорог».

Адлет решил, что теперь он найдет способ остановить Черный Пустоцвет, чтобы Фреми при этом не умерла.

— Все это время я не понимала, — сказала Фреми.

— Чего, нья?

— Почему я выжила? Если Тгуней хотел убить меня, он бы не позволил мне сбежать. Он разрушил бы мое ядро, пока я спала, подсыпал бы яд в мою еду, просто ударил бы ножом в спину, ничего не сказав. Тгуней решил объяснить мне тогда, почему прогоняет

меня, рассказать, что вся любовь семьи была ложью. А потом он попытался меня убить, но все это было бы бессмысленно, если бы он хотел меня убить.

Голос Фреми стал тихим, но Адлет уловил грусть. Ее отчаяние было таким сильным, что она даже не могла плакать.

— Все это было его планом. Он хотел, чтобы я ненавидела Кьема и Маджина. Он предсказал, что я встречу Героев. И что с силой Черного Пустоцвета смогу их убить. Какая же я глупая.

Долгое время стояла тишина. Ролония, Мора и Голдоф сочувствовали Фреми, Доззу и Нашетания тоже выглядели опечаленными. Но Чамо с подозрением уставилась на Фреми.

Адлет увидел, как Ханс тянется к мечу.

— Слушайте, все, — крикнул Адлет, чтобы Ханс не атаковал. Не думаю, что остались еще сомнения в сущности Черного Пустоцвета. Но что нам теперь делать? начал Адлет. Думаю, нужно поскорее разобраться с Тгунеем. Если убить того, кто активировал Святой инструмент, Черный Пустоцвет утратит силу. Может, Тгуней уже идет к храму. Тогда мы не упустим этот шанс, — сказал он.

— Плохо все это, — ответила Чамо. Чамо и все остальные не знают, когда исчезнут метки. Чамо, как и всем, нельзя быть беспечными.

— Но — начал Голдоф. Если мы дадим бой, Тгуней сбежит. Черный Пустоцвет останется в живых, пока он может привести Тгуinea к победе. Борьба не принесет результата. Пока мы не убьем Фреми, мы не сможем одолеть Тгуinea.

Ханс криво улыбнулся. Словно говорил о том, что Адлет упустил шанс.

— Печально, но придется убить Фреми здесь и сейчас. Другого выхода нет.

Адлет судорожно вдохнул. Он пытался сохранять спокойствие внешне, но он ожидал этого. Он думал, что будет делать в такой ситуации, но теперь он тревожился, поймут ли остальные его действия.

И он нашел выход. Он давно решил, что будет защищать Фреми. И это не изменилось.

— Я все понимаю. Но не надо спешить. Раз раскрылась правда о Фреми, нет смысла скрывать и все остальное.

— О чем ты?

— Многих людей запирали здесь и заставляли работать в храме, и, похоже, кто-то из них и передал информацию нам, как Раина. Я нашел то, что они оставили, пока Мора и остальные расшифровывали письма.

Глаза Чамо и Голдофа расширились.

— Там была странная комната с трупами Къема, и когда я зашел в нее, мои ноги засветились. «Это ловушка. Не убивайте девушку». Свет стал этими словами на полу, а потом погас. Я искал источник, но не нашел.

— Это правда? спросил Доззу.

— Думаете, я вру? парировал Адлет и продолжил. Я не знаю, кто оставил послание, как они это сделали, как его не заметили Тгуней и Къема. Но я его видел, и это факт. Не убивайте Это могло касаться Фреми, — сказал Адлет.

Он нагло врал. Адлет ничего не нашел в той комнате с трупами Къема, не видел и слов из света. И он чувствовал уколы вины. Он обманывал товарищей и возлюбленную.

«Поверят ли они?» — Адлет не был уверен, но он знал, что не сможет так легко уговорить их.

— Вряд ли это проблема. И что будет, если Черный Пустоцвет умрет? Чамо и Голдоф слишком уж торопятся, — сказал Адлет. — Пока Черный Пустоцвет Фреми жива, мы в опасности, но и убийство приведет к опасности. Кто бы ни оставил эти слова в храме, он хотел предупредить нас.

Адлет смотрел на товарищей. Они пытались понять по его лицу, врет он или нет. Ролония не подозревала Адлета. Голдоф, Мора и Чамо были растерянными, но не смотрели с подозрением. Ханс почесал голову.

А Фреми смотрела на него привычным холодным взглядом. Но он не понимал, какие эмоции она скрывает.

— Я скрыл это, потому что если бы сказал раньше, нам пришлось бы сразу принять и эти слова, и правду о Фреми. Я звал

Мору, чтобы она осмотрела комнату, но она не смогла, и я решил приберечь это.

— Погоди, — Мора закрыла глаза и активировала второе зрение. Комната, о которой ты говорил, с трупами Къема в пятнадцати метрах над нами и в пятидесяти на восток.

— Не знаю, где именно она, но, видимо, так.

— Судя по всему, слова те были из сияния светящихся камней. Это не Святые инструменты, я не чувствую и силу Къема. Какой камень мог оставить такое послание?

— Без понятия.

Мора еще какое-то время использовала второе зрение.

— Я ищу следы Святого инструмента и сияния камней, но не вижу ничего необычного Где ты видел те слова?

Мора склонила в смятении голову. У нее возникали подозрения.

— Если ты не знаешь, то и я не могу знать, — сказал Адлет.

— Странно, что я не нашла источник слов. Тот, кто оставил послание, должен был сделать так, чтобы люди, что не являются Героями, или Къема не могли эти слова найти, да и послание из-за этого должно исчезнуть, показав себя, — сказала Мора. Тогда найти источник будет непросто.

«Это к лучшему, — подумал Адлет. Лучше не говорить, где я видел слова», — он убедил себя во лжи, чтобы она казалась остальным правдой.

Он не должен был полностью их обманывать, только пока они не поймут, что он врет. Он хотел, чтобы они думали: «Убивать Фреми опасно». Если ложь поможет в этом, то он свою работу выполнил.

— Если убить Фреми, будет еще опаснее, — сказал Голдоф, по лбу его катился пот.

Чамо тоже была потрясена.

— Ты точно это видел, Адлет?

— Конечно. Что за вопросы?

Чамо не до конца поверила ему. Он должен был убедить ее.

«Понемногу все наладится», — думал Адлет. И все уже

начинали думать, что убивать Фреми опасно.

Если он уговорит товарищей, что им нужно убить Тгуinea, тогда его ложь будет лишь на пользу.

Адлет знал, как сложно будет убить Тгуinea. Но только так он мог защитить Фреми от остальных.

— Нужно сразиться с Тгунеем. Если вы боитесь, нам не победить. Но не бойтесь, с вами сильнейший в мире человек. Я пойму, как его уничтожить.

Он словами заставит всех думать, что единственный выход убить Тгуinea.

«Теперь в ход пойдут лишь уговоры», — понял Адлет.

Но пока он думал об этом, Хан сказал:

— Уньяу. На сильнейшего в мире можно положиться.

Он стоял за Адлетом, что-то холоднее прижималось к его шее сзади.

Ханс приложил к его шее меч.

— Ханс? все думали над словами Адлета и не сразу поняли, что произошло.

— Я ценю твою готовность жертвовать собой ради любимой. Потому ты и сильнейший в мире. Но, нья, врать не хорошо.

— Что за шутки, Ханс? спросил Адлет.

Хотя он не был в опасности, Ханс угрожал ему. И он понимал, что ошибка позволит Хансу лишиться его, как минимум, руки.

— Если извинишься, я не стану тебя убивать. Извиняйся. Скажи, что не хотел врать.

— Что ты делаешь? Перестань, Ханс.

— Я убью его на месте, если он не извинится.

Адлет не видел Ханса, но чувствовал, что Ханс улыбается.

— Что ты несешь? Я не вру.

— Врешь. Я ведь следил за тобой во время исследования комнат, нья.

— Что?

«Невозможно. Никого там не было. Зачем же врать?» — не понимал Адлет, он взглянул на Мору.

Она видела храм вторым зрением и могла понять, что Ханс врет.

Но она вдруг сказала:

— Ханс. Я как раз думала, что ты странно себя ведешь. Я не знаю, зачем ты следил за Адлетом.

«Он шел за мной? Странно, что я даже не заметил этого».

— Я видел, как ты пошел в комнату с трупами Кьема, и там не было никакого света. Ты покинул комнату, я заглянул туда, и передо мной не появилось никакого света и слов.

— Может, ты не увидел их.

— Уньяу. Глаза были открытыми. Хватит, Адлет. Твою ложь раскрыли.

— Зачем ты следил за мной? спросил Адлет.

Ханс улыбнулся.

— Я сказал Море, чтобы ты шел сам. Я хотел посмотреть, что сделает враг. Враг мог пойти за тобой, Адлет. Потому я пошел за тобой и хотел увидеть, что случится. Но на самом деле я следил за тобой.

Никто не двигался. Остановить Ханса никто не успел бы, если бы он решил убить Адлета.

— Хочешь знать, почему? Я все время подозревал тебя. Ты мог дать Фреми сбежать, потому что тебя захватили эмоции, или еще по какой-нибудь причине. И я понял, что ты задумал какую-то глупость.

— Ты

— Не было никаких признаков, что ты в чем-то замешан, и я подумал, что ошибся. Но тут ты соврал. Хорошо, что я проследил за тобой.

Он не заметил. Ханс следил не только за Фреми. Когда Адлет попросил умолчать о Фреми, Ханс слишком быстро согласился. И не потому, что верил Адлету, а потому что подозревал его.

— Успокойся, Ханс-сан. Для начала, опусти меч, — сказала

Ролония, схватившись за хлыст.

— Зачем? Я наказываю обманщика.

— Он может и не врать. Может, ты не смог увидеть свет. Потому отойди пока что от Ад-куна.

— Думаешь, я слепой? Или ты решила, что я вру?

Ролония помочь не смогла. Чамо, Голдоф, Доззу и Нашетания смотрели на Адлета с подозрением. И обмануть их у него было все меньше шансов.

— Погодите. Я проверю место, о котором говорил Адлет, — сказала Мора и отвернулась.

И выбежала из комнаты. Мора не справилась бы сама, Чамо поспешила за ней.

— Уньяу, Адлет. Сдавайся уже. Так будет лучше, — сказал Ханс.

Но Адлет не мог отступить. Если они поймут, что он врет, Фреми убьют на месте.

«Могу ли я позволить им убить Фреми, хотя она ценный товарищ, хотя ее можно защитить? Смогу ли я потерять единственную возлюбленную?»

Меч все еще упирался в его шею, Адлет ждал. Через пятнадцать минут вернулись Мора и Чамо.

— Ханс. Пока что опусти меч. Мы не будем говорить, пока ты не успокоишься.

Ханс отступил от Адлета.

— Мы осмотрели каждый камень в комнате, о которой говорил Адлет.

— Нашли? Камень, что начертил те слова из света?

— По одному лишь внешнему виду силу камней понять сложно.

— Значит

— Но, Адлет, мы поняли, что ты врешь.

Адлет сглотнул.

— Почему?

— Все светящиеся камни в той комнате созданы Святой Света больше пятидесяти лет назад.

— И?

— Та Святая делала много камней, она продавала их по большой цене. Это не запрещалось, ведь храму нужны деньги, потому камни расходились по миру. Но она делала особые камни. Все они были из топаза. И на поверхности каждого было лишь одно священное слово.

— Т-топаз? Это еще что?

— Драгоценный кристалл. Бледно-желтый и в форме цилиндра.

Адлет понятия не имел, что камни бывают разными, особенно, он не разбирался в светящихся камнях.

Конечно, все камни в той комнате были желтыми. И среди камней, что Мора дала им, тоже были камни цилиндрической формы, как она и описала. Он думал, что все камни так и выглядят.

— Ах, ты не знал? Не знал об известных топазах Тохары? спросила Нашетания.

«О таких богатствах я точно не знал», — подумал Адлет.

— Те камни не могли создать слова в их нынешнем состоянии. К тому же, они были созданы задолго до рождения Фреми. Конечно, та Святая Света не бывала на территории Воющих Демонов. И хотя добавить способности Святому инструменту можно, это сложно. И там нет никаких следов этого. Вряд ли камни могли начертить слова.

Адлет не знал, что его ложь будет так легко раскрыть.

— Погодите. Значит, там что-то другое. После нас с Хансом кто-нибудь мог обыскать комнату.

— Повторю еще раз. В той комнате ничего, кроме камней, не могло создать слова из света. Вряд ли кто-нибудь успел забрать этот предмет. В храме нет никого, кроме нас, — Мора вздохнула. Жаль, Адлет, но мне кажется, что ты врешь.

Он ожидал, что они не найдут доказательств. Адлет соврал про слова из света, даже толком не подумав. И теперь все смотрели на него с подозрением.

Но проблемой было не то, что Адлет обманул их. Изменились чувства товарищей, что сомневались теперь в убийстве Фреми.

Адлет посмотрел на нее. Хотя ее взгляд оставался холодным, он видел в ее глазе разочарование.

— Я правда видел слова из света. Хоть вы и не нашли подтверждения, это правда.

Но он ошибся в том, что увидел во взгляде Фреми. Это было не разочарование. Это была враждебность по отношению к нему.

Часть третья

«Честно, он идиот».

Фреми уже и не знала, сколько раз так думала об Адлете. Если попытаться посчитать на пальцах, то ей их явно не хватит.

Она даже не слушала объяснение Моры о светящихся камнях, Фреми понимала, что Адлет вероятнее всего врет. Она видела это по его лицу. Его тревога казалась Фреми жалкой.

Порой она думала, что он умный, а потом он поступал так странно, что его нельзя было не назвать дураком.

— Полный идиот — прошептала Фреми.

Но она винила в глупости не только Адлета. Сама она была не лучше него. Верно, глупой.

«Вряд ли вообще найдется в мире кто-то глупее меня», — подумала Фреми, вспоминая о прошлом и пытаясь определить степень своей глупости.

Первой на ум пришла ночь, когда Фреми потеряла все. Когда ее предала семья, которая, как она думала, ее любила.

* * *

Проиграв Чамо, Фреми шла по поляне, таща за собой изорванную ногу. Чтобы за ней не тянулся кровавый след, она насильно остановила кровотечение порохом, которым прижгла раны. Было ужасно больно, она вот-вот могла потерять сознание от боли.

Все товарищи, что путешествовали с ней, погибли. Къема-оборотень помогал Фреми притворяться человеком. Другой Къема

создавал щиты из дыма, прикрывая ее. Еще один Къема управлял людьми и собирал информацию для них. Чамо убила их всех.

Это было ужасно.

Фреми усиленно тренировалась и работала ради Тгуней и ее семьи. Она научилась держать ружье, исполнять комбинации выстрелов, оттачивала способности Святой. Но все это оказалось бесполезным в сражении с юным дарованием.

Чамо Россо. Святая Болот. Истинный монстр. Девочка, что обладала огромной силой, не приложив ни капли усилий для этого. Фреми не могла стерпеть такое поражение.

— Ай

Тело Фреми содрогалось от боли. Но она продолжала идти.

«Все еще не окончено, — думала Фреми. У меня осталось ружье. Остались амулеты, что дала мне семья».

Фреми держала в кармане маленький мешочек. В нем были предметы, что другим Къема показались бы мусором, но Фреми берегла их годами. Здесь был зуб, что ей дала белая ящерица, кусочек оболочки красного муравья с вырезанными на нем словами верности, перо Пронзающей птицы, кусочек усика ее матери, собачий свисток.

И хотя она проиграла Чамо и была покрыта ранами, она не потеряла эти талисманы. И связь с семьей еще могла привести ее к победе.

«Пока со мной эти талисманы, пока я уверена в связи с семьей, и могу сражаться. Я еще выиграю», — так думала Фреми и двигалась дальше.

Но, несмотря на это, она не может отменить поражение. Ей придется извиниться.

Ей придется встать перед семьей и другими Къема и сообщить, что в следующий раз она точно победит.

Она заставит их пообещать больше не называть ее полукровкой, если она победит Чамо. Она заставит их поклясться, что ее семью больше не тронут. Она придет тогда и скажет, что хочет, чтобы все жили в мире, что она не хочет, чтобы ее семью заставляли страдать.

«Семья будет разочарована, а Тгуней и остальные начнут меня

презирать. Это будет больнее всего».

Она все еще не могла подобрать правильные слова для извинения, но добрела до места, где обитала.

А внутри пещеры Фреми увидела того, кого совсем не ожидала там застать. Тгуней.

Последний раз они виделись очень давно.

— Прошу прощения. Я не оправдала ваших ожиданий, и Чамо Россо

— Ты забыла поздороваться, — заявил Тгуней, оборвав ее на середине предложения.

— Добрый вечер, господин Тгуней. Сегодня красивая луна.

Тгуней вздохнул, и Фреми заметила за его спиной семью. Белая ящерица и Пронзающая птица много раз поддерживали Фреми в сражениях. Но было странно видеть здесь и ее мать, и красного муравья. Они впервые, похоже, покинули земли Воющих Демонов.

— Мама, Муравей, вы пришли ко мне. Я рада, но простите. Чамо

«Они пришли услышать хорошие новости», — подумала Фреми. Ей было больно, что ей нечем их порадовать.

— И это результат того, что мы растили тебя под своей опекой? Ты не только приползла сюда, проиграв, так еще и забыла поздороваться! Как жаль, Фреми.

Тгуней словно знал, что она проиграет. Фреми сжалась под градом возмущений. По закону Къема бесполезных убивали. И Фреми от страха смерти задрожала.

— Просим прощения, господин Тгуней, — сказал красный муравей.

— Печально говорить, но наших сил не хватило, — продолжила Пронзающая птица.

«Это не ваша вина», — подумала Фреми.

Муравей постоянно тренировал Фреми. Птица собирала информацию в мире людей. Это Фреми проиграла.

— Ах, Фреми. Зачем же твое бесполезное тело пришло сюда живым? Зачем нам видеть выжившим проигравшего? спросила мать

Фреми.

Фреми прикусила губу. Ее мать была строгой, но она впервые говорила с ней так жестоко.

— Такая слабая полукровка? Я разочарован, — сказал белая ящерица.

Полукровкой называли Фреми остальные Кьема. Но не члены семьи. И теперь это слово означало, что Фреми допустила страшную ошибку.

— Это не ваша вина. Нет, вы все делали отлично. Вы дали мне любовь, смогли сделать из бесполезной меня сильного Кьема.

— Ценю твою похвалу. Но ты даже не достигла нужного результата

— Так и есть. И вас накажут, — ответила автоматически Фреми. Господин Тгуней, накажите только меня семья все делала правильно.

Но ответом был возмущенный вопль:

— Молчать, полукровка! Не раскрывай свой грязный рот! крикнул белая ящерица.

«Почему они так злятся?» — не понимала Фреми. И слово «полукровка» она не хотела слышать, а оно прозвучало уже дважды.

— Она отвратительна. Она говорит «накажите только меня». Слова полукровки отвратительны.

В этот раз заговорила Пронзающая птица. Она была самой доброй в семье, но и она назвала ее полукровкой.

— Птица, ты ведь знаешь, что полукровки нижайшие существа.

«Странно, — подумала Фреми. Это точно моя семья? Они презирают меня. Разве не так ведут себя другие Кьема? Это, наверное, сон. Или последователи Каргикка притворились ее семьей?»

Но Фреми не поверила словам, что затем сказал Тгуней.

— Вы и ваши приспешники освобождены от ответственности. Вам не нужно больше растить Фреми. И не нужно притворяться, что любите ее.

«Притворяться? О чем он? Семья защищала меня всю жизнь.

Они все время притворялись?»

— Ах, наконец-то. Больше не нужно носиться с этой полукровкой.

Фреми заметила, что ее ноги дрожат. Она не могла принять то, что происходит.

— Было тяжело жить с этой полукровкой восемнадцать лет.

— Да? Я награжу вас за тяжкую работу, — ответил Тгуней.

— Да. И ужаснее всего было то, как она привязалась к нам. Не просите меня объяснять, что это ужасно

— Это было сложно. Но теперь все кончилось.

«Не может быть, — думала Фреми. Семья любит меня. Потому я и смогла выжить. Любовь не может быть ложью».

— Можете ее убить. Выместите злость, что копилась в вас годами, — сказал Тгуней, и семья Фреми набросилась на нее.

— Это ложь.

Фреми не уклонялась и не пыталась отразить их нападение. Птица ударила Фреми клювом, а муравей укусил раненую ногу.

— Это ложь, ложь, абсолютная ложь, — кричала Фреми, стряхивая с себя двух Къема. И она выбежала из пещеры.

Она не помнила, сколько бежала. Фреми помнила лишь слова семьи, которой доверяла, отчаяние, что заполняло ее сердце.

— Убегаешь, полукровка?

— Даже не собираешься выполнять приказ господина Тгуinea?

Фреми стала сильнее благодаря семье, она хотела стать сильнее, чтобы защитить их. Семья помогала ей, она могла выносить ежедневный ад. Она жила, потому что любила семью.

— Думаешь, мы тебя любили?

— Таковую, как ты?

Фреми хотела защитить всех. Она верила, что если станет сильнее, то сможет это сделать. Но все члены ее семьи считали любовь отвратительной.

— Монстр!

— Нет. Не просто монстр. Бесполезный мусор. Скорее умри!

«Ради чего я сражалась? Ради чего становилась сильнее? Что мне делать?» — Фреми не знала ответов и бежала в чащу. Прорываясь сквозь кусты и деревья, она зажимала руками раны, а муравей и птица появились перед ней.

— Эй, Муравей, Пронзающая птица. Объясните кое-что.

Къема медленно приближались к ней, словно и не собирались отвечать.

— Это все план господина Тгуней? Вы получили приказ причинить мне боль?

На это надеялась Фреми. Она не понимала, почему, но надеялась, что все это из-за того, что Тгуней посчитал необходимым так к ней отнестись, а семье пришлось подчиниться.

Она посмотрела вдаль. Тгуней смотрел на Фреми и ее семью. И улыбался.

— Это так? с нажимом спросила Фреми.

— Странная она, да? спросил Тгуней у муравья и птицы, а потом обратился к Фреми. Все еще думаешь, что они тебя любят? Полукровки забавные, да?

Фреми услышала смех красного муравья и Пронзающей птицы. Они насмехались над ней.

И тогда Фреми поверила. Так все и было. Они лишь притворялись.

— Вы смеетесь

Муравей и птица бросились на нее, Тгуней тоже направился в атаку.

— Вы смеетесь. Смеетесь надо мной.

Фреми создала бомбу и бросила в голову Пронзающей птицы, уклонилась от атаки муравья и схватилась за ружье.

Насмешка семьи, что любила ее, и звук, с которым они умерли, гудели в ее ушах.

Она все еще могла их слышать.

С яростным криком Фреми напала на Тгуней. Что было дальше,

она не помнила.

* * *

«Как ни смотри, а нет никого глупее меня», — думала Фреми.

Она не заметила, что семья не любит ее, и всю жизнь посвятила им, а все эти усилия долгих лет оказались напрасными. Она ненавидела людей без причины. И хотя их уже не нужно было убивать, она убивала претендентов на становление Героями.

Она оставалась безнадежной дурой. Но за этим последовал поступок куда глупее: Фреми поклялась отомстить Тгуней и пришла на земли Воющих Демонов. Она встретила с Героями и сражалась вместе с ними. И даже не догадывалась, что этого и хотел Тгуней.

Все пошло так, как и хотел Тгуней. Все существование Фреми было по воле Тгуinea. И никто не стал бы жить ради того, кому хочет отомстить.

— Мора, хоть ты и говоришь, что камни не могут сделать такое послание, это не доказывает, что я вру, — сказал Адлет.

Мора парировала:

— Я искала там другой Святой инструмент, но не нашла. И вряд ли это силы Святой или Къема.

— Но!

Адлет настаивал, что слова из света были. Но Фреми его даже не слушала.

Не было смысла слушать.

— Хватит. Мне надоело, — холодно сказала Фреми.

— Эй, ты же не думаешь, что можешь умереть здесь, или что-то еще такое глупое? спросил Адлет.

— Даже если и так, это не имеет значения.

— Перестань. Я не позволю такому произойти. Ты понимаешь, что опасно убивать тебя Или хочешь сказать, что больше мне не веришь?

— Я этого не скажу. Расслабься.

Фреми ответила и сунула руку в карман. Она осторожно вытащила маленький брусочек из дерева.

Собачий свисток, один из талисманов, что дала ей семья.

Она дула в этот свисток каждый день, когда приходила пора кормить собаку. Ее пес мог ходить где угодно, но он прибежал, услышав свист, виляя хвостом. И в этот миг Фреми чувствовала себя спокойнее всего. Она выбросила все остальные талисманы, что дала ей семья. Она сломала их, сожгла и развеяла пепел. Только свисток и остался.

Она знала, что уже никогда не увидит его. Но хранила свисток. Когда она победит Маджина и исполнит месть, она позовет его свистком.

Она убедится, что пес жив, а потом умрет. Но она знала, что этому желанию не суждено осуществиться.

Фреми бросила его на землю и наступила. Свисток треснул и сломался.

Ее товарищи в замешательстве склонили головы, не понимая, что она делает.

— Не скажу, что это хорошо, но я решила умереть. Что бы ты ни говорил, я убью себя прямо здесь.

Лицо Адлета отражало отчаяние, Ролония покачала головой, но Фреми уже все решила.

Тгуней будет рад, если Фреми будет жить. Пока она жива, он будет думать, что его поражение невозможно.

Фреми не могла с этим смириться. Даже на минуту. Даже на секунду.

Она не понимала весь план Тгуinea. Но ее смерть могла разрушить хотя бы его часть.

Она разрушит план, что он строил годами. Этого хватит для ее мести. Это не совсем та месть, что она хотела, но она будет рада и тому, что сможет умереть.

— Да. Ты умрешь. Предоставь это Чамо, — сказала Чамо с болью.

Мора и Голдоф смотрели в пол, словно жалели о смерти Фреми.

Нашетания и Доззу смотрели на Фреми с печалью.

«Странно», — подумала Фреми. Она считала, что они будут рады.

— Нет, — сказал Адлет и подошел к Фреми. Зачем ты так говоришь? Ты не хочешь умирать, так ведь? Почему ты не говоришь, что хочешь жить?

Адлет протянул руку к Фреми, но в узком коридоре прозвучал выстрел.

Если бы Адлет не уклонился, то пуля прошла бы через его плечо.

— Я выстрелю, если приблизишься

Фреми быстро перезарядила ружье и направила его на живот Адлета.

— Я не позволю тебе защищать меня.

Ружье Фреми было направлено на Адлета, а он недоверчиво смотрел на нее.

* * *

Основные силы Тгуней направлялись к Храму Судьбы. Они уже прошли долины, и горы Обморока маячили впереди. Тгуней был в облике Къема-волка, но не шел сам, а отдыхал на спине Къема-черепахи.

— Красивые сегодня звезды, — сказал Тгуней.

Темный специалист Номер Два, близкий помощник Тгуней, молчал, будучи рядом с ним.

— В чем дело?

— Черный Пустоцвет вдруг

Номер Два заговорил с Тгунеем на шифре, что понимали только они. Существование Черного Пустоцвета было тайной для многих Къема.

— Понимаю, что все идет без проблем. Но вдруг случится что-то, чего мы не ждали

— Ты не понимаешь, — ответил тем же шифром Тгуней, словно говоря, что Номер 2 зря тревожился. Никто не защищен от неожиданностей. Но нам стоит готовиться к тому, что точно произойдет.

— Но

Номер Два спорил с Тгунеем. Он мог свободно выражать свое мнение.

— Пусть происходит. Ничего не поделаешь. Седьмой ведь начнет работу? Пока что он ленился в рядах Героев, но вскоре он начнет работать на нас, так что сюда они не придут, — сказал Тгуней и улыбнулся. Что бы ни случилось, это не проблема. Седьмой со всем разберется. И я так говорю, потому что верю в Седьмого.

* * *

Темный специалист Номер Тридцать всем телом подслушивал разговор Героев.

— Что нам делать, Тридцатый?

— Я еще не решил.

Они говорили так тихо, что Мора их не слышала.

Они не знали даже части плана Тгуinea. Если Фреми была Черным Пустоцветом, и ее смерть приведет к поражению Тгуinea, то им нужно действовать.

Но если все это уловка, то был шанс, что Къема все только разрушат.

Основные силы Къема, которыми управлял Тгуней, все еще были далеко, и не было знака, что Номер Два, что отдавал важные приказы, приближается. Къема не нашли решения и продолжили ждать в лабиринте Храма.

Чуть позже они получили приказ. Седьмой, что получил фальшивую метку, что скрывался среди Героев, поручил им миссию.

Седьмой приказал им убить Фреми Спиддроу.

И расправиться с Адлетом Майя, если он попытается их остановить.

Глава третья

Вернувшиеся подозрения

三章
疑惑再燃

Часть первая

Фреми была готова к смерти. Она даже ощутила облегчение, решив умереть.

«Не страшно больше не жить».

И когда она так подумала, с ее плеч словно сняли груз. Уже полгода, с того дня, как она потеряла все, ее жизнь была невыносимо тяжелой.

Фреми снова подумала о прошлом.

Она не помнила, как сражалась с Тгунеем. Когда она смогла воспринимать окружающий мир, она уже шла по лесу, тело было изранено, а одежда изорвана. У нее остались лишь пустое ружье и талисманы.

Она помнила, как невольно бормотала на ходу:

— Не прощу их. Я убью их.

До этого она путешествовала с Къема-оборотнем, что мог принимать облик Фреми и притворяться человеком, а еще ей помогали Къема, выведывающие секреты мира людей. Но теперь всего этого не было.

Если люди увидят рог Фреми, они назовут ее монстром и нападут. После побега от Къема ей придется убегать и от людей.

«Я должна умереть», — думала снова и снова Фреми. Ей было некуда возвращаться, не осталось причины жить. Только мысль о смерти занимала ее сознание.

Порой она была близка к тому, чтобы позволить мечам людей пронзить ее, порой она прикладывала бомбу к ядру в голове и намеревалась взорвать ее. Но успевала передумать и выбрать жизнь.

Каждый раз, когда она хотела покончить с жизнью, перед глазами появлялось лицо Тгуней. И ей казалось, что он смеется над ней.

— Позволить Фреми уйти было оплошностью, но она, к счастью, уничтожила себя сама, — ей казалось, что Тгуней отреагирует именно так.

Фреми думала о Тгунее, пока скиталась по миру людей.

«Почему семья притворялась, что любит меня?»

Если бы ее семья не притворялась, она бы не страдала. Если бы она жила, не зная о любви, она бы не сомневалась в том, что должна умереть.

Но Тгуней научил ее любви, а потом предал.

И Фреми поняла правду.

Тгуней нравилось видеть страдания Фреми из-за утраты любви. Он заставил ее семью притворяться ради этой забавы.

«Не прощу его».

Она должна убить Тгуinea, заставить его заплатить за все, что он натворил, заставить его увидеть поражение Маджина, ведь страшнее страданий для Къема не было. Если она этого не сделает, но не сможет спокойно умереть.

Она отломала рог, чтобы мочь прятаться в мире людей. Посреди ночи она пробралась в кузницу и украла немного пуль для ружья. Она запаслась и другими вещами и ждала, когда наступит время ее мести. Тогда она решила, что использует сражение Героев как шанс пристрелить Тгуinea.

* * *

Пусть и не идеально, но Фреми смогла стать похожей на человеческую девушку. В мире людей было намного проще получить доброту и купить симпатию. Порой люди искали денег, порой бросали взгляды на ее тело, но с такими она могла расправиться голыми руками.

Она боялась, что весь мир будет преследовать ее, если станет известно, что она Убийца Шести Цветов, но по какой-то причине ее внешность не была разглашена публике, потому что тех, кто искал ее, было очень мало.

Скрываться в мире людей было не сложно. Но только до тех пор, пока люди не знали, что она Къема.

Она обернула ткань вокруг головы, чтобы скрыть шрам от сломанного рога, признака ее родства с Къема, повязкой на глаз она спрятала глаз другого цвета, что сразу привлекал внимание. Но

бывали случаи, когда все эти повязки спадали, и ее истинная личность становилась понятной.

И каждый раз люди разбегались в ужасе. А позже они собирались толпой и возвращались, чтобы напасть на нее.

Если она сразится с ними, они погибнут. Даже если она пощадит их, раны все равно будут, они могут и не оправиться после них, а потому ей приходилось убегать.

Фреми, которая так долго тренировалась, была одарена силой, сражалась с кандидатами в Герои, не могла быть ранена простыми людьми. Ранить можно было лишь ее сердце.

После того, как ее изгнали, она не хотела никого убивать. Она, в отличие от других Къема, не ощущала ненависти к людям, не жаждала человеческой плоти. У нее не было причины сражаться с ними.

«Просто оставьте меня в покое», — раз за разом повторяла она. Порой она пыталась убедить их, что она не хочет сражаться. Порой она опускала оружие, показывая, что сдается. Но никто не верил, они не останавливались.

Они нападали только по одной причине: она была Къема.

Фреми понимала, что у рожденного от человека и Къема нет дома.

Если бы она вернулась в то время, то заставила бы себя совершить самоубийство. Если бы она умерла, то уже отомстила бы Тгуню.

За десять дней до пробуждения Маджина Фреми скрывалась в тихом лесу вдали от городов. Она ужасно устала от постоянного побега от людей. Но однажды ее нашли мужчина и женщина и позвали добрыми голосами. Они были пожилой парой охотников и жили неподалеку в горах.

Они отвели ее в безопасное место, дали мягкую постель, дали то, что Фреми, казалось, искала вечность.

«Таким людям я могу доверять, — подумала Фреми. Пока не пробудится Маджин, пока не объявятся Герои Шести Цветов, они позволят мне отдохнуть здесь», — думала она. И из-за их гостеприимства Фреми смогла подумать о сражении с Маджином.

В один из вечеров Фреми открыла свою истинную сущность. Она сняла повязку с глаза, показала шрам от рога. Она рассказала, что случилось с ней, ничего не скрывая. Фреми снова и снова настаивала, что говорит правду, и ей показалось, что пожилая пара поверила ей.

Но Фреми заметила, что у завтрака, что они приготовили ей на следующее утро, странный привкус. Он был отравлен, так они убивали зверей.

Ничего не сказав, Фреми встала со стула, собрала вещи и покинула хижину. Она не злилась и не печалилась. Она была поражена собственной глупостью.

И все время она прокручивала в голове последний разговор с семьей. Проклятия семьи, что она любила, признания, что они притворялись, что им было невыносимо больно все те годы.

Но Фреми не держала зла на свою семью или на старых охотников. Она всегда пыталась защитить семью, она хотела всеми силами помогать им за все то, что они сделали для нее.

Но теперь в этом не было смысла. Фреми оказалась на границе, ведь ее ненавидели и люди, и Къема.

«Я монстр, которого никто не любит. Я монстр, которого никто и никогда не примет», — и хотя люди притворялись, что она им нравится, никто ее не любил по-настоящему, а ее любовь никто бы не принял. Она была в этом уверена.

Дитя человека и Къема. Фреми проклинала свою судьбу.

Ей хотелось бы умереть.

«Если я умру, обрету ли я покой?»

Но стоило ей захотеть смерти, воспоминания о Тгунее появлялись в голове.

Пока Тгуней был в этом мире, пока она не отомстила, Фреми не могла умереть.

Фреми не верила своим глазам, когда на ее теле появилась метка Шести Цветов, как и не понимала, почему ее выбрали.

Фреми вспоминала сражение с преследователями, которое произошло после того, как она убила Эсли, Святую Льда. Она

пришла на турнир, где люди показывали свою силу Богине Судьбы, и там она убила своих врагов.

Если подумать теперь, это явно было частью плана Тгуinea. Все было задумано так, чтобы Фреми вернулась на территорию Воющих Демонов, чтобы встретилаь с Героями.

Но тогда она не понимала намерений Тгуinea. Она была подавлена своим существованием, но это не помешало ей направиться к землям Воющих Демонов.

* * *

И теперь Фреми направляла ружье на живот Адлета. Теперь она могла расслабиться и принять смерть. Даже если ради этого ей придется устранить Адлета последнюю помеху.

* * *

Ружье было направлено в центр его живота. Такой выстрел избежать будет сложно. Он мог даже умереть.

Адлет чувствовал, что если попытается остановить ее, она, не мешкая, выстрелит.

«Почему она так хочет умереть?» — он не мог этого понять.

— Если хочешь стреляй. Делай со мной, что хочешь, но я не позволю тебе убить себя.

— Правда?

В тот миг, когда Адлет был готов прыгнуть к Фреми, Ханс схватил его за плечо. И хотя он был худощавым, хватка Ханса была сильной, кости плеча Адлета затрещали.

— Я держу его. А ты расслабься и умри.

— Спасибо за помощь.

Фреми отвела ружье от Адлета и начала направлять его на свою голову, но вместо Адлета Ролония бросилась к Фреми и схватила ее за руки.

— Прошу, подожди немного. Тебе нельзя умирать.

Руки Ролонии дрожали. Она всей силой пыталась удержать Фреми.

— Ролония, подумай здраво. Пока я живу, Герои не смогут победить, — сказала Фреми, голос ее подрагивал от злости.

— Разве Ад-кун не говорил не убивать? Не говорил, что это ловушка?

— Он врал.

— Ад-кун не лжец!.. Нет, порой он врет, но он не из тех, кто будет врать, подставляя всех. Ханс-сан не видел слова, а Мора-сан не смогла найти, откуда эти светящиеся слова.

Адлет ощутил укол в груди. Но он не мог говорить правду.

— Адлет лжец, — холодно заявила Чамо, прижимая лисохвост к губам. — Прочь, глупая корова. Фреми умрет ради Чамо и остальных. Печально, но ничего не поделать.

— Нет. Я не отойду, — сказала Ролония, не шелохнувшись.

— Даже если Адлет видел слова, мы не можем ждать, чтобы убедиться, что Фреми нельзя умирать, — сказала Нашетания.

А Доззу продолжил:

— Те слова мог оставить Тгуней, чтобы Фреми-сан не убили. Нет, даже не «мог», а, скорее всего, так и сделал. Тгуней не оставил бы подсказки просто так.

— Н-но

Несмотря на их слова, Ролония не отпускала Фреми. А Адлет пытался вырваться из хватки Ханса, который всего одной рукой удерживал Адлета на месте, не давая сдвинуться.

— Погоди, ты говорил это раньше, — вмешался в разговор Голдоф. Метка седьмого была создана Святой Одного Цветка. Есть шанс, что если смерть ее носителя сработает против нас.

Ханс, все еще удерживая Адлета за плечо, ответил:

— Не думаю, что Фреми седьмая. Если бы она была седьмой и следовала приказам Тгуней, то она ни за что не призналась бы в том, что она Черный Пустоцвет. Она бы рассказала нам, как ее предала

семья и Тгуней, но не более.

— И в этом есть смысл — ответил Голдоф, но перестал сопротивляться. Даже он согласился со смертью Фреми.

— С вами что-то не так! Убивать Фреми опасно! Нам нужно одолеть Тгуinea!

— Можешь притихнуть, лжец? спросила Чамо.

Доззу, глядя на них, вздохнул.

— Это опасно. Как ваши союзники, мы бы хотели, чтобы между вами не было раздора.

— Не беспокойся. Фреми убьет себя, и все закончится, — ответил Ханс.

— Нет. Я не дам Фреми умереть. Мы должны убить Тгуinea, — ответил Адлет.

— Но твое решение никто не слушает. Решать Героям, — сказал Доззу, они с Нашетанией отошли в сторону. Они не хотели в этом участвовать.

— Ролония, убери руки от Фреми, — сказал Голдоф, приближаясь к Ролонии.

Адлет принял решение. Вариантов почти не было.

Он дотянулся до нити, что свисала с его одежды, и Ханс тут же отпустил Адлета. Он опасался слезоточивого газа, что был вшит в одежду Адлета.

А Адлет предугадал, как отреагирует Ханс. Он не потянул за нить, а развернулся и ударил пятками в солнечное сплетение Ханса.

— Ох

Адлет ударил его изо всех сил. После такого даже Ханс не скоро сможет двигаться.

Адлет шагнул к Фреми и быстро вытащил из мешочка на поясе парализующий дротик.

Он не даст ей убить себя, даже если придется применить силу. Оставался только этот вариант. Он парализует Фреми, а потом свяжет. И ему останется лишь убежать с ней на плече, чтобы Ханс или Чамо не убили ее.

Он еще не придумал, что будет делать потом. Но другого выбора не оставалось.

— Адлет!

Голдоф попытался остановить Адлета, Чамо сунула стебелек в горло. Но они были слишком медленными, чтобы поймать его.

Ему нужно было парализовать Фреми, и Адлет прицелился дротиком в ее открытый живот. Но вдруг Адлет ощутил, как по спине расходится дрожь.

Равновесие пошатнулось, он упал на каменный пол, а потом понял, что его ударило. Ханс бросил в него мечом, и рукоять попала по его спине.

Но хотя Адлет был на земле, он все еще мог бросить дротик, и он попал в живот Фреми.

Как только дротик пронзил ее кожу, она застыла, энергия покинула руки, которые Ролония пыталась удержать.

— Хватит, Адлет!

Голдоф прыгнул к лежавшему Адлету.

Ханс тоже уже был на ногах, он выхватил второй меч. Но когда он направился к Фреми, чтобы убить ее, Мора перехватила его.

— Что ты творишь, нья?

— Успокойся! Прекратите эту ссору!

Фреми, пораженная парализующим дротиком, осела на землю, словно она была марионеткой с перерезанными нитками.

Глядя, как она падает, Адлет крикнул:

— Ролония! Хватай Фреми и беги!

В тот же миг Ханс прокричал:

— Чамо! Убей Фреми!

Но Чамо и не ждала приказа Ханса. Она уже двигалась, выпуская нескольких Джума, что направились к Фреми.

В ответ на крик Адлета Ролония сдвинулась с места. Она взмахнула хлыстом, описывая дугу, и все Джума отлетели в сторону.

— Беги, Ролония! Скорее! кричал Адлет, но тут Голдоф прижал

его к земле.

Адлет отчаянно вытащил левую руку из хватки Голдофа и бросил дымовую бомбу, что была в одном из мешочков. Она взорвалась возле Джума, весь коридор заполнил дым.

Сквозь дым Адлет едва мог видеть, как Ролония подхватила тело Фреми и побежала по лабиринту прочь от комнаты Святой Одного Цветка. За ней последовали Джума.

— Идиоты! Прекратите! Хватит сражаться! вопила Мора, но никто здесь ее не слушал.

Вскоре дым рассеялся, Чамо, Ролонию и Фреми не было видно. Голдоф удерживал Адлета, а Мора Ханса.

— Это опасно Нельзя так оставлять Чамо-сан и остальных, — сказала Нашетания, стряхивая пыль с одежды. Она выхватила рапиру и побежала по коридору за Чамо и Ролонией.

— Стой! Нашетания! Не действуй, как тебе вздумается! кричала Мора, но Нашетания, не оглянувшись, завернула за угол и исчезла.

— Спокойно. Она, наверное, отправилась остановить сражение. Уверен, она не хочет доставлять проблем Героям, — сказал Доззу.

— Что Адлет, ты так глупо поступил, — сказала Мора, недовольно глядя на Адлета. Даже Голдоф смотрел на него со злостью.

Но если бы Адлет не парализовал Фреми, она бы убила себя. Если бы он не сказал Ролонии убежать, Фреми убили бы остальные. Потому он не чувствовал себя виноватым.

Но проблема осталась: действие дротика скоро кончится, и Адлет не знал, сколько Ролония сможет бежать.

«Как я защищу Фреми, когда эффект паралича пройдет?»

Адлет не знал.

Часть вторая

— Хиии, хиии, хиии, — задыхалась Ролония, пока бежала по лабиринту.

Фреми на ее плече отчаянно пыталась пошевелиться, но не двигался даже палец. Адлет, похоже, использовал самый сильный парализующий дротик.

Фреми попыталась создать в ладони порох, она хотела сделать такую бомбу, что уничтожила бы ее, не задев Ролонию. Но парализующий эффект затронул не только ее тело, но и сознание. А без концентрации бомба в ее руке не появится.

«Он меня обыграл», — подумала Фреми.

Она была занята борьбой с Ролонией и не так внимательно следила за Адлетом. Она его недооценила.

— Беги, ты должна бежать но, хмм, куда — бормотала Ролония.

Ей было очень сложно бежать с Фреми на спине. А еще случайно или намеренно, но Ролония несла и ружье Фреми.

Ролония поворачивала, поднималась и спускалась по ступенькам, не зная, куда идет. Она не попадала в тупики только из-за удачи. Фреми слышала крики Джума позади, они смешивались с едва различимыми злыми воплями Чамо.

— Тупая корова! Если ты не остановишься, Чамо тебя убьет!

— Аааххх ч-что что же делать?

Фреми было жаль Ролонию. Трусливая девушка не могла перенести побег от Чамо. Но она не винила Ролонию за этот страх. Она сама знала, как страшно, когда тебя преследует Чамо.

Впрочем, не было времени размышлять о жалости. Она должна как-то вырваться из хватки Ролонии. И хотя она это понимала, тело все еще не двигалось.

— Мора-сан, куда мне идти? Мора-сан, прошу, ответь! Мора-сан! кричала Ролония. Но эхо Моря не донеслось в ответ.

Ролония приблизилась к развилке из трех путей, но уже слышала, что с каждой стороны к ней идут Джума. Похоже, Чамо приказала им разделиться и окружить Ролонию.

— П-прости, Джума-сан!

Ролония замахнулась хлыстом и сбила Джума на пол. В узком проеме они не смогли бы напасть на нее толпой, а с ее способностью управлять кровью она могла повлиять на них, заставить Джума

упасть. Оставшиеся Джума закричали, сообщая о месте Ролонии Чамо.

— Ф-фреми-сан, прошу расслабься я не дам тебе умереть, — сказала Ролония на бегу.

Крики Джума и Чамо становились все тише. Может, Чамо заблудилась в бесконечно поднимающихся и опускающихся лестницах.

«Что вы все творите? раздраженно думала Фреми. Ханс и Голдоф, вы ведь все еще Герои Шести Цветов?»

— Фреми-сан, — сказала Ролония. Она остановилась и переводила дыхание. Я понимаю, что тебе кажется, что ты можешь только умереть, умереть ради всех, ради мира. Но мне это не нравится. Ад-кун уже говорил. Мы не можем бросать товарищей, мы должны защищать друг друга до самого конца. Если мы не будем этого делать, то исчезнет любая надежда победить там, где мы могли бы это сделать. И

Очередной Джума, казалось, приближался к ним из одного из четырех коридоров, выходявших в эту комнату. Ролония спряталась в тени колонны. Увидев, что Джума прошел мимо, направляясь в другую сторону, Ролония побежала туда, откуда он прибыл.

— Фреми-сан важна для Ад-куна. Если ты умрешь, он больше не сможет сражаться. Умер его друг, жители его деревни, и только ты осталась у него. Прошу, пойми это.

Ролония скрывалась в тенях и пыталась переубедить Фреми.

— Прошу, верь Ад-куну. Он сделает все, если это защитит тебя, Фреми-сан. Он может даже убить Тгуня.

«Бедняжка», — подумала Фреми, слушая мольбы Ролонии.

Она все еще не поняла истинные намерения Адлета. Она не знала, кем он был на самом деле.

* * *

— Голдоф, отойди. Я должна исцелить Адлета.

Мора отпустила руки Ханса и подошла к Адлету. Она

оттолкнула Голдофа, освободив Адлета.

Потирая ушибленный живот, Ханс уставился на Адлета.

— Просто получил удар рукоятью его меча, — сказал Адлет, отводя в сторону руку Моря и вставая на ноги. Меня не нужно исцелять.

И он заметил что-то на полу, похожее на осколки. Это Фреми вытащила из своей одежды и разбила.

Он подошел к обломкам и поднял их. Деревянный свисток был разломан пополам. Он напоминал свисток, которым Адлет мог вызывать Къема.

«Собачий свисток», — подсказали Адлету инстинкты.

И тогда он понял, для чего был этот свисток, и почему она все это время носила его с собой.

«Ты ведь хотела увидеть свою собаку снова, Фреми?» — подумал Адлет.

— Что же ты делаешь? прошептал Адлет.

«Если ты его сломала, то как призовешь собаку? Я же поклялся, что ты увидишь свою собаку снова. Этим ты не даешь мне сдержать обещание. Но я еще могу его починить», — решил он и спрятал обломки свистка в один из кисетов на поясе.

— Что нам теперь делать? спросила Мора.

— Это очевидно, — ответил Адлет. Остановим Чамо. Не дадим Фреми убить себя. А что еще? Позови Чамо своим горным эхом, скажи, что ей нельзя убивать Фреми.

— Я уже говорила ей, но Чамо не слушает. Она кричит, чтобы я отстала от нее.

— Черт!

Адлет уже хотел побежать по лабиринту за Чамо, но Голдоф преградил ему путь.

— Я не могу отпустить тебя.

«С дороги», — хотелось ему сказать. Он хотел уже ударить Голдофа и пробежать мимо него, но тут Адлет застыл. Мурашки побежали по коже, его спины словно коснулся лед.

— Уньяу!

Оглушительный голос Ханса эхом разнесся по залу. Он подхватил меч, что до этого бросил, и, крутя оружием в обеих руках, уставился на Адлета. И этого взгляда хватило, чтобы тот больше не сделал ни шагу.

«Он хочет меня убить», — как опытный воин, он это чувствовал, и одного желания Ханса было достаточно, чтобы остановить Адлета. Даже Мора, Голдоф и Доззу почувствовали это.

До этого Ханс касался шеи Адлета, угрожая. Теперь же он намеревался убить его.

— Ханс, что ты собираешься делать?

Капля холодного пота скользнула по щеке Адлета. Он уже сражался с Хансом в барьере Тумана Иллюзий, но и тогда он не чувствовал тот же страх, что и сейчас.

«Наверное, это истинный Ханс. А в барьере Тумана Иллюзий он сдерживался».

— Ньяхи, — рассмеялся Ханс. Казалось, что в глубине души он наслаждается ситуацией. Адлет прекрасно понимал, что будет после такого смеха Ханса. Адлет. Я так рад. Я бы даже выпил в твою честь. Знаешь, почему?

— Кому это интересно?

— Но ты же знаешь мои плохие привычки. Меня не изменить. Я не могу сдержать радости от сражения с кем-то сильным.

— И что с того?

— Может, это тебя удивит, но я признаю твои силы. Словесно я не хвалил твои навыки, но в душе я считаю тебя самым мощным Героем. Ты даже опаснее Чамо, Фреми и Голдофа, нья.

— Ах, просто я сильнейший в мире, — ответил Адлет, но слова не звучали так бодро, как раньше.

— Потому я и радуюсь. Я рад, что ты седьмой.

— Что?..

— Тгуней молодец. Никто больше не преподнес бы мне такой прекрасный подарок. Сражаться с тобой насмерть от такого подарка

нельзя отказаться, нья.

* * *

Все еще удерживая Фреми, Ролония скрывалась по углам коридора. Фреми снова попыталась создать порох в ладони, но все еще не могла толком двигаться. И сбежать не могла, ведь тело не шевелилось.

— Тупая корова! Где ты?! Чамо знает, что ты здесь! голос Чамо эхом разносился по лабиринту. Фреми, скажи что-нибудь! Чамо тебя убьет! Чамо избавит тебя от страданий!

Хотя Фреми слышала слова Чамо, она не могла двигать губами, чтобы ответить.

Она услышала, как к ним приближаются Джума. Ролония искала укрытие, она направилась туда.

Но стоило ей завернуть за угол, Джума заметили Ролонию. И их крики тут же пронесли по лабиринту, Фреми ощутила, что Джума направляются к ним.

Ролония сорвалась с места, пытаясь сбежать и удержать преследовавших ее Джума на расстоянии.

Увидев фигуру впереди, Ролония закричала и застыла.

— Ах, я все-таки вас нашла, — сказала Нашетания.

Нашетания видела, что Ролония убегает от Джума, и единственной рукой она выхватила рапиру, вылетел меч и пронзил одного из Джума.

— Этот путь безопаснее. Спешу, — сказала Нашетания, взмахивая рапирой.

Ролония какое-то время была растеряна, потеряла дар речи, но заметила, что путь, на который указывала Нашетания, был единственным выходом.

— Что ты?

— Я пришла, чтобы защитить тебя, Ролония-сан. Если Чамо-сан пройдет здесь, то убьет и тебя тоже.

— Так ты не хочешь убивать Фреми-сан? спросила Ролония, Нашетания захихикала.

— Конечно, нет. Разве Адлет не убьет меня, если я трону Фреми-сан? Это страшно.

Ролония выдохнула с облегчением, они продолжили побег.

«Плохо дело», — подумала Фреми.

Если Ролония и Нашетания объединятся, даже Чамо будет сложно ее убить.

Ее тело все еще не двигалось, она не знала, когда эффект рассеется.

— Ты веришь Ад-куну?

— Я не могу ему верить. Но и не могу сказать с уверенностью, что он врет. Я еще не определилась.

Фреми слушала их и думала:

«Разве Нашетания не понимает, что происходит? Или она поняла, что Адлет седьмой, но молчит».

* * *

— Ты ведь шутишь, говоря со мной в такой позе и таким тоном? отозвался Адлет, выхватывая меч. Даже если это была шутка, он понимал, что Ханс не просто пытался обмануть Адлета, а и подтвердить подозрения.

— Это не шутка, нья. Я снова скажу. Ты седьмой.

Подозрения ничего не меняли. Ханс уже много раз уличал его во лжи. Потому Ханс никак не мог доверять ему полностью. Но не было и доказательств, что позволяли бы ему назвать Адлета седьмым.

— Это на тебя не похоже. Из-за моей лжи ты называешь меня седьмым? Я думал, что ты судишь осторожнее. Я говорил раньше, но я не вру. Я не седьмой.

Ханс вместо ответа усмехнулся.

Капелька пота скатилась по щеке Адлета.

— Хватит придумывать проблемы. Мы остановим Чамо, заставим Фреми отказаться от самоубийства, а потом уничтожим Тгуней. У нас нет времени.

— Верно, Ханс.

Хотя Мора была поражена намерением Ханса убивать, она все же вмешалась в разговор, чтобы помешать ему.

— Мы не можем точно сказать, что он врет. А если и врет, нет доказательств, что он седьмой. Адлет мог соврать, чтобы не погиб наш товарищ.

— Ага, ага, нья. Ты не поймешь, если я не объясню, да? Я убью его, когда ты поймешь, Мора, нья, — пожал плечами Ханс. Сказать по правде, я долгое время думал, что это кто-то другой, ведь мы вместе неплохо ладили, нья. Я тоже добродушный. А это недостаток для убийцы.

Адлет не считал Ханса добродушным.

— Ханс-сан. Я тоже подозреваю Адлета-сана. Но я думаю, что решать, что он седьмой, из-за одной лжи рано, — сказал Доззу.

— Я тоже так думаю. Пока у тебя нет доказательств, мы не можем одобрить твои действия, — продолжил Голдоф.

— Я решил так не только из-за его лжи, — ответил Ханс.

— Я не врал! Я видел их! Не убивайте ее, это ловушка. Там так говорилось. Это я видел! сказал Адлет.

Но Мора не слушала, а Ханс и Голдоф тем более. Его слова о светящейся надписи были признаны товарищами ложью.

— Честно говоря, у меня нет весомых доказательств. Но, нья, основания для такого обвинения копились, информации такой доказательства и не нужны.

Ханс беспечно бродил в стороны, но Адлет не опускал меч. Ханс не открывался, потому, стоит Адлету ослабить оборону, он тут же набросится.

— Начнем с того, что перед тем, как я озвучу доказательства насчет Адлета, я выскажу свои догадки. Во-первых, я думаю, что все слова Фреми правда. Фреми ненавидит Кьема, ее предала семья. Здесь лжи нет.

Адлет тоже так думал.

— Но здесь кроется странность. Зачем Тгуней ранил Фреми, заставил ее возненавидеть Къема? Что в этом такого важного? Получить фальшивую метку, внедриться в ряды Героев, вести себя, как их товарищ, пока их не уничтожит сила Черного Пустоцвета. Если приказ был таким, то все было бы проще. Фреми клялась Тгуню в верности. Так почему он просто не приказал ей сделать так, нья?

Ханс продолжал объяснения:

— Есть несколько вариантов. Может, он боялся, что сила Святой Слов помешает ему врать? Такой шанс есть. Но он мог отправить в мир людей Къема и устранить Святую Слов, и проблема была бы решена. Или он думал, что шанс раскрыть его план снизится, если Фреми будет по-настоящему ненавидеть Къема, а не притворяться по приказу? Это тоже маловероятно, нья. Фреми не глупа. Ее мотивы так легко не раскрыть.

Ханс широко раскинул руки.

— Заставить Фреми ненавидеть Къема было опасным ходом со стороны Тгуinea. А если бы Фреми отчаялась и убила себя? Или вместо мыслей о мести выбрала бы спокойную жизнь в мире людей? И ему пришлось бы все начинать сначала. Иначе говоря, хотя Тгуней и рисковал, у него была важная причина сделать так, чтобы Фреми ненавидела его. И лишь одна причина, как по мне, может это объяснить. Чтобы сделать Фреми настоящим Героем Шести Цветов. Если она не стала бы по-настоящему ненавидеть Къема, не стала бы думать об убийстве Маджина, то и не получила бы метку. Потому, основываясь на этом, я говорю, что Фреми не седьмая.

— И?

— Я добрался только до середины объяснения. Терпеливее, — заявил Ханс и продолжил. Если Фреми не седьмая, возникает другой вопрос. Для чего Тгуней использует седьмого? Поскольку Фреми Черный Пустоцвет, ее пребывание рядом убило бы всех нас, то существование седьмого и не нужно. Более того, в нем не только не было бы пользы, его существование было бы опасным для Тгуinea. Если Фреми посчитали бы седьмой, и мы ее убили бы, то вся работа Тгуinea была бы насмарку, так?

«А ведь он прав», — подумал Адлет. Он не мог согласиться со

всеми словами Ханса, но в этот раз его идеи звучали правдоподобно.

— И его план уже много раз подвергался такой опасности. В барьере Тумана Иллюзий первой начали подозревать Фреми. И когда мы попали на земли Воющих Демонов, мы с Чамо все еще сомневались в ней. Почему Тгуней так рисковал? Какой была польза от седьмого в наших рядах?

— Ох, — проворчал Адлет.

— Да, мы были растеряны из-за существования седьмого. Мы подозревали Мору, Голдофа, даже Ролонию. Мы следили друг за другом, а потому не могли сражаться в полную силу, что задерживало нас в пути. Но, нья, это не стоит риска потерять Черный Пустоцвет. Ловушка для Мора не сработала бы, не будь среди нас седьмого. И хотя Мора сильная, жертвовать ради ее убийства Фреми немыслимо. И разве Тгуней собирался убивать с помощью седьмого Героев, если уже ввел Черный Пустоцвет в игру? Вряд ли, нья. Было уже много шансов убить нас. Если бы седьмому нужно было убить нас, это уже давно произошло бы. Но никто еще не убит.

— Ханс, — Адлет, наконец, понял, к чему клонил Ханс.

— Мое доказательство строится на этой догадке, нья. Тгуней отдал седьмому лишь один приказ. Помочь Фреми встретиться с Героями и защищать ее. И все, нья.

Ханс посмотрел на Адлета.

— Исходя из этой догадки, подумайте обо всех поступках Адлета, нья.

Адлет застыл. Он боялся. Он боялся убедительных слов Ханса и решения, что последует из этой цепочки рассуждений.

— Чтобы защитить Фреми, он врал про светящиеся слова, — сказал Голдоф, и Ханс кивнул.

— А до этого он попросил Ролонию и меня скрыть правду о Фреми, нья. Он пытался и нас вовлечь в это преступление, нья.

«Да, я соврал, — подумал Адлет. Но не из-за приказа Тгуenea. Фреми важна для меня, и я соврал, ведь не хотел ее потерять. Я не собирался использовать Фреми для уничтожения Героев, или чего-то в этом роде».

— Адлет говорил: «не подозревайте товарищей», нья. И говорил,

что пока нет точных доказательств, он не позволит никому назвать кого-то седьмым. И я думаю, что это тоже было сказано для защиты Фреми.

«Хватит валять дурака», — подумал Адлет. Он лишь отчаянно пытался помешать разобщенности в команде.

— Мы с принцессой напали на Фреми, пока еще не попали в пределы барьера Тумана Иллюзий. И тогда Адлет был тем, кто защитил ее, — сказал Голдоф.

Тогда он уже знал, что Фреми Герой Шести Цветов, а потому он защищал товарища.

«Что в этом странного?» — не понимал Адлет.

— И в барьере Тумана Иллюзий Адлет говорил, что Фреми не самозванка, хотя у него не было доказательств. Она была Убийцей Шести Цветов, дочерью Къема. Так почему Адлет не считал ее виновной? Хотя из-за этого подозревали его, хотя она пыталась его убить, Адлет в ней ни разу не засомневался. Почему? А ответ прост. Адлет знал, что Фреми не виновна, что ее нужно защищать, нья.

Ханс продолжал:

— И еще кое-что из очевидного. Я слышал это от Фреми в барьере Тумана Иллюзий. Сначала Фреми и не хотела с нами пересекаться. Адлет ее привел. Он шел за ней, потом украл ее вещи и убежал. И только тогда она решила присоединиться к нам. Думаю, это очень важные сведения.

— Хватит сочинять! закричал Адлет. Я думал, что она одна из нас, одна из Героев! Кто знал, как опасно было отпускать ее одну и для нее, и для нас! Что такого странного в предложении присоединиться к нам?!

— Это не было странно, — ответил Ханс. — Если рассматривать твои поступки по отдельности, в них нет ничего странного, не считая ложь про светящиеся слова, нья. Ты вроде бы сражался за победу Героев. Но если посмотреть на все действия сразу, становится ясно, что они были с целью помочь Черному Пустоцвету убить нас. До этого мне казалось, что есть шанс, что седьмой даже не знает о своей сущности. Но теперь я в этом сомневаюсь. Ты явно действовал согласно желаний Тгуinea. И обманывал нас.

— Это...

— И есть кое-что точно правдивое. Если бы не ты, Фреми не пришла бы к нам. Черный Пустоцвет не был бы активирован. Этого достаточно, чтобы признать тебя седьмым.

— Вот уж вряд ли. Ты сложил две единицы, а в результате получил тройку.

— Но ты достаточно умный. Достаточно сильный, Адлет. Все это время мы не знали о Черном Пустоцвете, ведь нас обманывал ты. Если бы не раскрылась ложь о словах из света, мы бы все еще слушались тебя. Адлет, ты седьмой. Ты получал приказы от Тгуinea и защищал Фреми. Я достаточно убедителен?

Адлет дрожал. Но не от страха, а от злости.

«Ты знаешь, как это, когда родная деревня уничтожена? Ты знаешь, как сильно я ненавижу Тгуinea? Ты хоть понимаешь, через какой ад я прошел, чтобы стать способным убить Тгуinea?»

Ему казалось, что Ханс растоптал все его мысли. Он отрицал само желание защищать Фреми, решив, что это лишь уловка.

— Я видел, как разрушили мою родину. Ты думаешь, что после этого я бы стал служить Тгуinea?

— Люди, которым управляет Тгуinea, счастливо следуют его приказам, — сказал Доззу. Словно исполнение его приказов высшая радость. Может, способность Тгуinea повелевать людьми так сильна.

Он не помнил никаких приказов от Тгуinea, ничего подобного. Не было и шанса, что он следовал его приказам.

— Но еще не доказано, что у Тгуinea есть способность повелевать людьми. Адлетом могли управлять, или слова о разрушенной деревне могут быть ложью.

— Я не мог бы последовать приказам Тгуinea! Наша с Фреми встреча была совпадением! Я защитил ее, потому что это было важно! Потому что я захотел защищать Фреми, едва увидел ее! Нет никакой другой причины!

— Ты мог бы сказать так, нья, даже оставаясь седьмым, — усмехнулся Ханс.

«Адлет седьмой», — думала Фреми, пока Ролония несла ее на плече. Она и раньше это подозревала. Когда он соврал про слова из света, она подумала, что шансы девять из десяти, но когда он бросил в нее парализующий дротик, заставил Ролонию убегать от Чамо, она убедилась, что так все и есть.

Но сомневаться в нем она начала еще раньше. Она подозревала еще с момента появления Ролонии. Или это было еще тогда, когда в барьере Тумана Иллюзий оказалось семь героев вместо шести? Или она начала его подозревать еще с их первой встречи?

Поскольку ее тело было сильнее обычного человека, эффект парализующего дротика начал понемногу пропадать.

«Смогу я говорить? думала она. Может, я уже смогу сделать порох, хотя это и будет сложно контролировать»

Но Фреми решила притвориться, что все еще не двигается. Если они узнают, что она пришла в себя, то Ролония, скорее всего, свяжет Фреми хлыстом, чтобы помешать ей убить себя. А потом ее ударят по голове и отключат.

Если она сможет двигаться без проблем, то Фреми спрыгнет с плеча Ролонии и побежит к Джума Чамо. Тогда они ее убьют, и все закончится.

Она решила оставить мысль об убийстве Адлета седьмого своими руками. Уничтожением себя, Черного Пустоцвета, она уже даст героям преимущество. Она оставит судьбу Адлета, уничтожение Тгуinea и Маджина остальным. Зная Ханса и Чамо, они с этим справятся.

— Плохо дело, да? спросила Нашетания, пронзая Джума, что направлялся с Ролонии. Чамо-сан вот-вот узнает, где мы. Если она отправит к нам всех Джума, то нам будет сложно.

— В-все хорошо. Ад-кун как-нибудь нам поможет.

Ролония вызывала у Фреми смешанные чувства. С одной стороны, она хотела помочь ей, хотя ее явно обманывали. Но, что бы она ни сказала, Ролония ей вряд ли поверит.

Фреми вспомнила первую встречу с Адлетом, и как он проявил свои чувства. Она могла теперь понять, почему на лице его была глупая улыбка, ведь тогда ей казалось, что он просто не знает о ней правды.

Но потом Адлет услышал, что Фреми Убийца Шести Цветов, да и она сама рассказала ему, что она дочь Къема. Но отношение Адлета к ней вообще не изменилось.

И тогда Фреми стала уверенной, что Адлет пытается ее использовать.

Никто в здравом уме не проявил бы к ней доброты. Тем более, человек, чью родину уничтожили Къема, не принял бы Къема товарищем.

Может, на самом деле, Адлет тоже презирал ее. Он, наверное, скрывал эти чувства и притворялся добрым с ней, чтобы использовать Фреми.

Когда его обвинили, он забрал Фреми заложницей и сбежал. А потом попытался использовать Фреми, чтобы выжить.

Он бросался пустыми словами сострадания, врал о любви, чтобы Фреми стала ему союзницей. Но хотя Адлет повторял, что он сильнейший в мире, он цеплялся за остальных и просил у них помощи, из-за чего Фреми смотрела на него с презрением.

Впрочем, Фреми все же помогала ему. Она защитила его, когда Мора и Голдоф преследовали его. Она отчаянно исцеляла его раны, когда его жизнь висела на волоске, а он лежал без чувств от ран.

Временное наваждение. Фреми быстро перестала себя так вести. Она не могла доверять Адлету, тем более, любить его, ведь она понимала, что он использует ее. И она догадывалась, что в душе он ненавидит ее.

На следующее утро появилась Ролония, и от этого загадка только усложнилась. И после этого Герои вошли на территорию Воющих Демонов, где постоянно сталкивались с Тгунеем.

Адлет стал тогда еще сильнее вести себя так, словно любит Фреми. Несмотря на очевидные чувства Ролонии к нему, он смотрел с любовью не на нее.

А Фреми, глядя на его действия, думала, что он считает, что она предаст его. И он опасался, что она не сможет сражаться с Къема, что вырастили ее, опасался, что она захочет вернуться к семье.

Может, шепот Адлета, что он сделает ее счастливой, клятва показать миру, что он защищает ее, поведение, когда он не

сомневался в ней, — все это было для того, чтобы Фреми была на его стороне.

Самопровозглашенный сильнейший в мире. Известный еще и как трусливый воин. Человек, что мог сказать все, лишь бы победить. Он легко мог прошептать слова любви, и это ничего не значило бы для него, и не было бы никакого раскаяния.

Так Фреми воспринимала действия Адлета. И хотя он выводил ее из себя, заставлял злиться, она не могла его ненавидеть. Она продолжала волноваться за слабого и ненадежного парня. И из-за этих чувств она так и не узнала бы о его истинных намерениях, не попали они в храм.

Но теперь Фреми знала правду о себе. Она знала о Черном Пустоцвете, Святом инструменте, что существовал для уничтожения всех Героев Шести Цветов. И теперь она понимала, почему Адлет пытался защитить ее.

Он защищал ее, чтобы убить Героев. Он притворялся, что любит ее, чтобы застигнуть Фреми врасплох, чтобы у него была причина защищать ее.

Если бы он был настоящим Героем Шести Цветов и сражался ради уничтожения Маджина и Тгуня, то у него не было причин защищать ее после раскрытой правды. И он не соврал бы про светящиеся слова.

Но она не злилась, что ее использовали. Она с самого начала знала, что никто в мире не полюбит такого монстра, как она.

К Адлету же она испытывала лишь чистую убийственную ярость. Она не могла простить никого, сотрудничавшего с Тгунеем.

Число Джума, нападавших на Ролонию и Нашетанию росло. Они обе защищались и убегали, отбивались и убегали, но понемногу их загоняли в угол.

— Это невозможно, — сказала Нашетания.

Они пытались сбежать, но если их окружают все Джума, будет тяжело.

— Адлет-сан не пришел, так, может, нам стоит сдаться и отдать Фреми-сан?

— У-ужасно. Зачем ты пришла? заволновалась Ролония.

— Чтобы помешать раздору в группе. И я не могу подставлять себя опасности. Моя жизнь важна.

Фреми не могла понять, чего хочет Нашетания. Сначала она подозревала, что та в сговоре с Адлетом, чтобы убить Героев, но это казалось теперь маловероятным.

«Могла ли она не знать, кто седьмой? Была ли она такой невнимательной?»

Что бы ни планировала Нашетания, намерения Фреми не изменились. Она постепенно возвращала власть над телом. Когда она снова сможет двигаться, она дождется бреши в защите Ролонии и тогда спрыгнет с ее плеча. Она столкнется с Джума, и они разорвут ее.

И хотя Нашетания атаковала мечами, а Ролония хлыстом, Джума только перестраивались и продолжали преследовать их. Потихоньку Ролония и Нашетания начинали уставать.

* * *

Ханс закрывал путь в лабиринт, а Голдоф ходил вокруг Адлета. Его могли атаковать в любой момент.

Злой Адлет глубоко дышал, пытаясь успокоиться. Сейчас было не важно, подозревают ли они его. Он не первый раз оказывался против товарищей, потому не было необходимости терять самообладание.

Защита Фреми была важной. Вскоре действие дротика закончится. Но к тому времени он должен успеть остановить Чамо и переубедить Фреми.

Но Ханс не сводил с него взгляда, и ноги Адлета словно приросли к земле.

— Ханс, это не самый лучший план. Опустить меч, — сказала Мора, заслонив собой Адлета. Я понимаю, что Адлет подозрителен. Я тоже верю в это. Но если Адлет работает на Тгуinea, есть несколько пунктов, что тогда не имеют смысла.

— Но это так, нья. И у меня нет никаких пунктов. Потому я решил убить Адлета прямо здесь.

— Почему?

— Это интуиция.

От ответа Ханса Мора лишилась дара речи.

— Я уже почти десять лет наемный убийца. Я даже не смогу перечислить, скольких людей я убил своими руками. И когда моя жизнь висела на волоске, спасала интуиция. Если бы я не верил ей, то не верил бы и себе. И интуиция говорит мне. Она говорит: дай умереть Фреми. Она приказывает: убей Адлета. И предупреждает, что если я не сделаю этого, то умру я.

Адлет услышал за ним металлический звук. Голдоф, стоявший у прохода, видимо, выхватил копье.

— Голдоф, и ты? Ты-то не можешь верить в интуицию Ханса!

— Я не знаю. Но я думаю, что пора решить.

Адлет чувствовал, что Голдоф готовится убить его.

— Но еще я чувствую... что Фреми и Адлет рано или поздно навредят принцессе. И это чувство меня не отпускает.

«Все плохо, — пронеслось в голове Адлета. Как же мне сбежать отсюда? Как потом остановить Чамо? И, что важнее, как заставить Фреми отказаться от самоубийства?» — Адлет даже не догадывался, как решить хоть один из этих вопросов.

Но, как бы плохо ни было, Адлет не мог терять решимости.

Адлет и Мора встали так, чтобы оказаться спиной к спине. А Ханс и Голдоф приблизились к ним спереди и сзади, собираясь атаковать с обеих сторон.

— Мора, как там те, что преследуют Фреми и Ролонию?

С помощью второго зрения Мора сообщила Адлету о местоположении Ролонии и о том, что Нашетания прикрывает ее.

— Они пытаются остановить Чамо или переубедить Фреми? спросил Адлет.

— Ты все еще думаешь о Фреми? Это ведь ты под подозрением, — удивилась Мора.

Но Адлет не мог думать о себе. Его мысли занимала лишь защита Фреми.

— Кое-что связанное с меткой седьмого. Будет плохо убивать Адлета, — сказал Голдоф Хансу.

— Знаю. Мы сделаем его беспомощным, вырвав глаза или отрезав его руки. Ах, да, Доззу. Не вмешивайся, нья. Сиди там.

Хотя Доззу явно собирался что-то сказать, он послушался Ханса и сел.

— Мора, ты можешь переубедить Фреми насчет самоубийства? сказал Адлет Море, стоявшей за его спиной.

— Она не слушает меня. И сомневаюсь, что она хоть кого-то слушает.

«И ты сдашься, не попробовав? удивился Адлет. Значит, другого выбора у меня нет. Нужно поговорить с Фреми с глазу на глаз», — если он переубедит ее, то они вдвоем помогут Ролонии, они вместе встретятся с Чамо. Если убедить ее не удастся, он использует еще один парализующий дротик, закинет себе на плечо и унесет из храма.

— С дороги, Ханс! крикнул Адлет и бросился к Хансу.

В тот же миг Ханс прыгнул, взбежал по стене и оттолкнулся от потолка. Он пытался ударить Адлета так, чтобы тот не увидел.

Адлет не мог уследить за движениями Ханса. Да и в их навыках сражения на мечах была невероятная разница. Более того, нечеловеческий стиль сражения Ханса давал ему огромное преимущество в ограниченном пространстве коридора.

— Адлет!

От атаки было невозможно уклониться, сложно было и отбить, потому Адлет даже не пытался как-то помешать. Он продолжил бежать прочь, не защищаясь и не нападая.

— Нья?

Действия Адлета удивили Ханса. Он не предугадал, как Адлет ответит, потому первая атака оборвалась в воздухе. Но, когда ладони Ханса коснулись пола, он оттолкнулся ими, оказался на ногах и бросился на спину Адлета.

«Я не смогу сбежать, — подумал Адлет, когда Ханс атаковал. Но я попробую».

— Я тебе не позволю, Ханс!

Адлет думал, что Мора остановит Ханса, и он не ошибся. Мора врезалась плечом в Ханса и отбросила его в стену.

А Адлет продолжил бежать к лабиринту. Но никто и не ожидал, что Голдоф молчал постоит в сторонке.

— Что ты делаешь, Ханс?

Плохое предчувствие охватило Адлета, и он подпрыгнул. Нож Голдофа пролетел в нескольких сантиметрах под его ногами.

— Ханс! За ним!

— Нья!

Адлет слышал за спиной их голоса, он знал, что если остановится, они его схватят. Потому он бежал по лабиринту так быстро, как только мог.

* * *

Увидев, что Адлет уклонился от его ножа, а Ханса остановила Мора, Голдоф побежал на помощь Хансу. Голдоф понимал, что сам Адлета не схватит. Только Ханс мог остановить его.

Отбросив Ханса в стену, Мора сцепилась с ним, но все же прижала к земле. Голдоф древком копья ударил Мору по животу. Он сдерживал удар, просто пытаясь освободить Ханса.

— Ох Адлет!

Стоило Голдофу попасть по ней копьем, как Мора вытащила что-то из железных перчаток. Она бросила это Адлету. Он поймал, не оборачиваясь.

— Я не отпущу тебя, нья! прокричал Ханс и бросился за Адлетом вдогонку.

Голдоф увидел, что Мора достала еще что-то, блокируя его атаку. Она изо всех сил бросила это в стену.

Ханс пытался бежать за Адлетом, но резко остановился, словно врезался во что-то.

— Уньяу!

Голдоф увидел, как дымка заполняет проход к коридору, куда

убежал Адлет.

— Мора

Голдоф видел нечто похожее, когда она закрывала их внутри пещеры Вечного цветка. Мгновенный барьер. Когда они были в Вечном цветке, с помощью барьера поймали Тгуinea, но в этот раз враги не смогут попасть внутрь.

Ханс ударял по барьеру рукоятью меча, но ничего не происходило.

— Адлет, — горным эхом позвала Мора. Если ты воткнешь это в землю, появится барьер. Обычно он бы быстро исчез без моей силы, но здесь он черпает силу из самой горы. Так что его сможешь использовать и ты. Если снова встретишься с Хансом, используй его и убегай.

— Мора, ты думаешь, нам тебя не слышно? пораженно спросил Ханс.

— Вы с Голдофом ошибаетесь. А я не считаю Адлета врагом.

Мора прошла барьер и побежала за Адлетом. Она легко смогла его пройти, словно преграды и не было.

— Если вы решили доверять своему мнению, я буду верить своей правде. Я не дам вам помешать Адлету, — бросила Мора через плечо и исчезла из виду.

Ханс смотрел ей вслед с кривой улыбкой. Хотя ситуация становилась только хуже, он не чувствовал ни капли паники.

— Ну и ладно, не страшно. Будь это легко, не было бы так интересно, нья.

Ханс любил сражения. Этого Голдоф не понимал.

Хотя догнать их будет сложно, они все равно сорвались с места. Голдоф побежал в противоположную сторону от закрытого прохода.

— Стой. Останься и присмотри за Доззу, — сказал Ханс.

Голдоф обернулся и заметил, что Доззу сидит перед комнатой Святой Одного Цветка.

— Он с Нашетанией пришел сюда не ради правды о Черном Пустоцвете. Он что-то замышляет. Следи за Доззу, не дай ему

сдвинуться с места, нья.

Было неудобно оставлять Хансу гонку за Адлетом. Но и Доззу нельзя было оставлять одного. И он уж точно не знал, что задумала Нашетания.

— Оставь Адлета мне.

— Но если все провалится?

— Не говори так! смутился Ханс и бросился в лабиринт. Голдоф сомневался, что тот отыщет Адлета в огромном лабиринте.

Доззу вздохнул.

— Хотя мы столько прошли, чтобы раскрыть планы Тгуня, беда нас все равно нашла.

Доззу сидел в стороне и смотрел, как Герои сражаются между собой.

* * *

«Как же переубедить Фреми? — думал Адлет на бегу. Он понимал, что у него нет никаких мыслей, о чем сейчас думает Фреми. Ничтожество, — подумал Адлет. Он не понимал и части сердца девушки, что была ему дорога. Как ты можешь называться сильнейшим в мире?»

А то, что его подозревали, даже не пробралось в его сознание. Если он причинил проблемы, он разберется с ними. А вот мертвых не вернуть.

— Адлет Там путь, по которому пошли Фреми и остальные, а если ты продолжишь идти по этому коридору, столкнешься с Джума Чамо. Развернись.

— Понял, — ответил Адлет, слыша горное эхо Моры.

Нужно помнить о Чамо. Если он и убедит Фреми, Чамо может его убить.

Ханс и Голдоф не будут ему союзниками, и было непонятно, сколько еще Ролония и Мора будут защищать Фреми. Ему придется сражаться самому.

Но происходящее не укладывалось в общую картину. Вся ситуация, предположение Ханса, тот факт, что Адлет не был седьмым, приводили лишь к одному. Как и сказал Ханс, была высока вероятность, что седьмой внедрился в ряды Героев, чтобы защитить Фреми. Но если это было так, что он тогда делает?

Ханс, Чамо и Голдоф хотели убить Фреми. Ролония и Мора защищали ее, но не так и искренне. Адлет сомневался, что они сделали бы это без его просьбы.

Честно говоря, никто, кроме него, и не пытался защитить Фреми.

Если седьмой намеревался сделать это, то он помешал бы прочитать священные письма. Или седьмой попытался бы найти доказательства того, что Фреми не Черный Пустоцвет. Однако никто этого не сделал.

«Кто же седьмой? Почему он не действует? Или он не против убийства Фреми?»

И вдруг Адлету показалось, что что-то не так. Он остановился, огляделся и побежал дальше.

— Мора, это правильный путь?

— погоди, я проверю, — услышал от ответ Мора через горное эхо. Да, это так.

Адлет отбросил настороженность и продолжил бежать и думать.

* * *

Но вскоре Адлет заметил нечто странное. Хотя он следовал по указанному Морой пути, он не слышал звуков сражения с Джума Ролонии и Нашетании.

— Эй, Мора. Куда мне идти? спросил Адлет, тревожась.

Мора ответила:

— Тебе еще долго обходить лабиринт, чтобы добраться до Ролонии. На следующей развилке поверни направо.

Адлет убедился, что Ханс и Голдоф его не преследуют, и побежал. Но за углом оказался тупик.

— Мора, что это? Отвечай.

Но эха не слышалось.

— Мора, ответь! Куда идти?! Ты ошиблась!

Ее голос ответил Адлету, но не с помощью горного эха, а из-за его спины.

— Ошибки нет.

Мора медленно вышла из-за угла и появилась перед Адлетом. Она закрывала проход, по которому он мог бы сбежать.

— Я с самого начала хотела завести тебя в тупик. Адлет, я не могу пустить тебя к Ролонии и Нашетании.

Ноги Адлета онемели. Вскоре Фреми начнет двигаться, и тогда Ролония не сможет сама защитить ее. А на помощь Нашетании он рассчитывать не мог.

А сам он даже не мог догнать Ролонию и Нашетанию без подсказок Мора.

— Фреми умрет ради нас.

И все же он не собирался сдаваться. Он бросил дымовую бомбу и попытался проскользнуть мимо Мора. Но на второе зрение эта уловка не повлияла. Она поймала его и отбросила к стене.

— Уух!

Адлет прижался к стене. Дым рассеивался, и он видел, что Мора печально смотрит на него.

— В отличие от Ханса, я не думаю, что ты седьмой. И я не пытаюсь тебя обмануть. Я так чувствую.

— С дороги, Мора

— Я выскажу свое мнение, — сказала Мора и начала объяснять тихим голосом. Доззу говорил, что Тгуней может управлять людьми. Не знаю, правда это или нет. Доззу мог что-то понять не так, а мог и соврать.

Хотя Адлет слушал Мору, он при этом искал возможность выбраться из тупика.

— Но я не могу поверить, что кто-то из нас действует по приказам Тгуinea. Среди нас нет тех, кто не сражался бы изо всех сил.

У нас может отличаться мнение, но все мы пытаемся спасти мир.

-

— И все хорошие и такие юные. И ты, и Ханс, и Фреми, и остальные.

Адлет медленно оттолкнулся от стены и встал.

— Я думала, что Фреми седьмая, что она пришла, зная это и то, что она Черный Пустоцвет. Тгуней обманул ее, чтобы она искала мести.

— И что?

— Тгуней мог подумать, что шанс того, что Фреми выберут Героем низок. Что найдутся шесть кандидатов, что подходят лучше. Да и вряд ли метку Шести Цветов могли дать Кьема. Если бы это случилось, его план провалился бы. И чтобы Фреми точно встретила с Героями, он должен был дать ей метку седьмого.

— Мора в сторону

— А потом Тгуней заманил меня в ловушку. Если бы я умерла, как седьмая, тогда никто не подозревал бы Фреми, никто не пытался бы друг друга убить. Так тоже мог запланировать Тгуней.

Адлету было все равно, кто седьмой. Как и было плевать, какие у Тгуinea планы. Он хотел лишь защитить Фреми.

Мечтой Адлета было сделать Фреми счастливой, избавить ее от ненависти и одиночества. Он думал, что если не исполнит эту мечту, то даже победа будет бессмысленной.

— Мы победили. Ты защитил меня. Голдоф спас Нашетанию и сделал ее нашей союзницей. У Доззу была информация о Храме Судьбы. Ролония нашла Раину. Мы разрушили планы Тгуinea.

— Но я

— Оставь Фреми.

Оставь. Слова эхом пронеслись в голове Адлета.

— Даже я знаю, что ты хочешь ей счастья. Но она хочет смерти. И дать ей умереть будет правильно.

Он не мог с этим смириться.

— Опасно убивать того, кто носит седьмую метку. Может, метка

перейдет Ролонии или Чамо, что рядом с ней. Нет доказательств, что один человек может обладать двумя метками, но вдруг такое возможно? Не знаю, возможно ли передать седьмую метку, но нам нужно все обдумать. Что происходит у Ролонии и Фреми?

— Все плохо это не изменится.

Адлет прислонился к стене тупика.

Оставалось мало времени, а без помощи Моры слова Адлета не достигнут Фреми. Он не сможет остановить Чамо и помочь Ролонии.

«И все? Я больше ничего не могу сделать, сидя здесь?» — Адлет отчаянно искал решение. Он просил себя не сдаваться. Он вспоминал, как Атро говорил ему смеяться в моменты отчаяния.

— И нет другого варианта, кроме смерти Фреми? прошептал Адлет.

Но кое-что показалось ему странным. Тело корчилось от отчаяния, но Адлет думал об истинной причине этой тревоги.

Речь и поведение Фреми, Черного Пустоцвета. Незнание насчет седьмого. И подозрения, висевшие на нем.

Мысль, что седьмой Адлет, была догадкой Ханса. И хотя он мог согласиться с некоторыми пунктами теории Ханса, Мора точно не угадала. Тгуней не был так наивен.

Священные письма, описывающие Черный Пустоцвет. Способности его все еще были тайной. Доззу говорил, что Тгуней кем-то управляет. Адлет точно не был седьмым. Но он начинал сомневаться.

«Почему седьмой не защищает Фреми?»

Он подумал и о действиях Къема.

И все эти мысли приводили только к одному выводу.

«Я дурак, — подумал Адлет. Почему я не пришел к этому раньше?»

Несмотря на такое осуждение, он снова подумал о Фреми.

«Я защищу Фреми любой ценой. Что бы ни случилось после этого. Даже если мне придется отдать за это свою жизнь».

— Адлет. Сдайся. Ради нас, — тихо сказала Мора.

Адлет закрыл обеими руками лицо и задрожал, всхлипывая.

— Адлет Я ничего не могу сказать, — Мора приблизилась к Адлету. Прости. Я ранила тебя. Я смогла защитить дочь, но ты

Мора нежно положила ладонь на плечо Адлета.

Но она не заметила одного. Адлет притворялся.

У него не было времени думать, что делать потом.

Но Адлет был уверен, что если он даст Фреми умереть, Героям Шести Цветов придет конец.

— Что? спросила Мора, когда Адлет схватил руку, что она положила на его плечо.

* * *

Ни Мора, ни Адлет не заметили, что Темный специалист Номер тридцать был рядом с ними. Слившись с каменным полом внешне, он слушал их разговор, находясь в паре сантиметров от Моры.

* * *

А Фреми в это время поняла, что может снова управлять всем телом. Конечно, не в такой степени, как обычно, но этого хватило бы, чтобы сбежать от Ролонии. Джума, окружавших Нашетанию и Ролонию, становилось все больше, и они постоянно отбивались от атак.

Фреми какое-то время притворялась, что не может двигаться, потому Ролония не была готова к тому, что Фреми ударит ее коленом в затылок.

— Ах!

Ролония пошатнулась от удара, Фреми скатилась с ее плеча. Она бросилась на плохо работающих ногах к Джума.

— Нет! Стой, Фреми-сан!

Фреми направлялась к клыкам водной змеи-Джума, она склонила голову. Но вдруг все Джума замерли. Они превратились в грязь и

волной укатились прочь.

— Что?.. спросила Фреми, ошеломленная произошедшим.

Ролония бросилась на Фреми, пытаясь задержать ее.

— Отпусти, надоеда.

— Не могу, Фреми-сан. Не умирай.

— Интересно Что случилось с Чамо-сан? спросила Нашетания.

Фреми тоже думала об этом, пытаясь оттолкнуть Ролонию.

«Чамо ведь не могла без причины передумать меня убивать? Стоп, ее ведь не отключил Адлет?» — думала Фреми, а потом она слышала вопль Чамо.

— Это ужасно! Фреми! Не смей умирать!

Фреми растерялась. Черный Пустоцвет продолжал поглощать их энергию, потому она должна была умереть.

— Ролония! Принцесса! Остановите Фреми! Будет худо, если она умрет сейчас.

Голос Чамо становился громче. Ролония обрадовалась и отпустила Фреми. Она, наверное, решила, что в дело вмешался Адлет.

Чамо прибыла к ним верхом на Джума-слизне. Она явно спешила и злилась.

Чамо соскочила со спины Джума и подошла к Ролонии. Она ударила Ролонию по лицу так, что заболела рука.

— Ты такая дура, Ролония. Ты все ужасно запутала.

— Ч-что случилось?

— Ты не слышала горное эхо бабули?

Чамо зло скрипнула зубами. Ролония заметила, что происходит что-то неправильное.

— Она в заложниках у Адлета.

— Что?

— Адлет схватил бабулю. Она связана. И Адлет сказал, что если Чамо и остальные убьют Фреми, он перережет ей горло!

Ролония сперва издала смешок, решив, что это шутка. Но вскоре поняла, что это не так, и осела на пол.

— Вот как — прошептала Фреми.

Она не злилась. Она давно знала, что Адлет седьмой, что он сделает все, лишь бы победить.

— Идем, Ролония. Одолеем Адлета и спасем Мору, — холодно сказала Фреми Ролонии, что в ступоре сидела на полу.

Глава четвертая

Осада

Часть первая

Ожесточенная битва шла в углу лабиринта как раз возле разветвления путей.

— Гуу!

Один белый Къема-ящерица напал на Адлета. Он взбежал по стене на потолок и ударил его своим удлинившимся хвостом.

Обычно Къема не были помехой Адлету. Но сейчас он не мог отражать атаки. И без предупреждения шип с хвоста ящерицы ударил Адлета.

Левой рукой Адлет держал Мору, что была без сознания, потому сражаться он мог только правой рукой. И он не только держал тяжелую Мору, но и должен был защищать и себя, и ее. Все атаки отбить не получалось.

— чиии.

Вдруг белая ящерица подняла голову, словно что-то заметила. А потом отстранилась от Адлета и слилась с полом, маскируясь. Плоское тело Къема начало меняться, пока не стало сложно различить, где он, а где каменный пол.

Адлет кинул дротик, но тот ударился о каменный пол, простучав по камням. Белая ящерица, казалось, ушла.

Через несколько секунд Адлет услышал шаги, что отличались от того Къема.

— Эта зараза уже здесь. Плохо дело.

— Нья — Ханс медленно приближался. Увидев Адлета и Мору, он широко улыбнулся.

* * *

В другом конце лабиринта Чамо сказала:

— Любимцы Чамо говорили. Они видели Адлета и бабулю недавно. Может, они не успели уйти далеко. Чамо и остальным нужно спешить.

Фреми сдвинулась, хотя тело все еще не полностью восстановилось после парализующего дротика, Ролония держала ее ружье. И они пошли в сторону, которую указала Чамо. Ролония молчала, мотая в стороны головой. Возможно, она все еще не верила в слова Чамо.

— Какая же ты тупая корова! прокричала Чамо, ударяя ее в лицо пяткой. Ролония закричала и зажала ладонью пострадавшее место. Что ты творишь?! Нельзя было так глупо себя вести! Позволила бы Фреми умереть! Бабулю бы не схватили! Это все из-за тебя, тупая корова.

— Н-но Адлет сказал, что я должна защищать Ай!

Чамо снова ударила Ролонию по лицу.

— Заткнись! рявкнула она.

Фреми вздохнула.

— Выясним, кто виноват, позже.

Все какое-то время сосредоточились на Фреми, а потому и не заметили, что Нашетания медленно плетется за группой, и расстояние между ними становится все больше с каждой минутой.

— Нашетания?

Когда они поняли, что ее за ними нет, Нашетании уже и след простыл. Она вполне могла использовать для скрытности ту же силу, что и в барьере Тумана Иллюзий.

— Плохо дело! Она убежит! крикнула Фреми и укусила палец.

Боль могла сломать эти чары, но, даже скривившись, Фреми не смогла увидеть Нашетанию. Она уже убежала от них по запутанному лабиринту.

— За ней! приказала Чамо своим Джума.

Фреми подумывала взорвать ноги Нашетании, но не решилась. В нынешней ситуации они не могли сделать Доззу врагом, и они не знали, что будет делать Голдоф, если она ранит Нашетанию.

— Оставим принцессу любимцам Чамо. Бабуля сейчас важнее, — сказала Чамо и побежала. Фреми последовала за ней, схватив Ролонию за руку и таща ее за собой.

— Почему, Ад-кун? Если ты так поступишь — бормотала снова и снова Ролония, свободной рукой держась за голову и неохотно идя за ними.

* * *

— Вопреки ожиданиям, и у тебя есть предел, нья, — сказал Ханс, глядя на Мору без сознания.

В Мору были вонзены парализующий и усыпляющий дротики, и она не шевелилась, словно была куклой. Адлет держал ее тело левой рукой, а правой поднес к ее горлу нож.

Адлет снял перчатки Мору, выбросил и все оружие, что у нее было среди одежды, на землю. Даже Мора с ее нечеловеческой силой и способностью Святой Гор исцеляться, не выжила бы с перерезанным горлом, пока она была без сознания. Потому такой угрозы должно было хватить, чтобы остановить Ханса.

Но тот не выказал ни малейшего признака тревоги из-за этой угрозы.

— Я видел эту стратегию в барьере Тумана Иллюзий. Но теперь тебе бежать некуда.

Ханс указал мечом на тупик за спиной Адлета. Коридор был в четыре метра шириной, Ханс закрывал единственный выход. Адлет был в ловушке.

— Не двигайся, Ханс. Я убью Мору.

Ханс не отреагировал на слова Адлета. Он стоял, покачиваясь, и искал взглядом брешь в защите Адлета.

И вдруг прыгнул.

Адлет пнул носком трещину в каменном полу, вонзил шип, что был в его ботинке, в эту щель. В тот же миг свет окружил Адлета, растекаясь диаметром в пять метров.

— Нья! Ханс ударился головой о свет и упал на землю.

«Это было опасно», — левую руку Адлета отрезали бы, опоздай он хоть на секунду с барьером.

Держась за голову, Ханс поднялся на ноги.

— Слишком самонадеянно, — пробормотал Адлет.

Ханс не думал о жизни Моры. Он целился в Адлета. И тут Адлет услышал из-за спины Ханса злые крики Чамо.

«Плохо дело», — подумал Адлет.

Чамо, Ролония и Фреми появились из-за угла. Они увидели Адлета с Морой и барьер, что отделял их от Ханса.

Ролония, побелев, зажала рукой рот, чтобы подавить крик. Губы Чамо искривились от злости. Фреми безмолвно смотрела на Адлета. Она была привычно холодной, но он видел за этой маской бушующую ярость. Так же она смотрела на Тгунея.

— Фреми

Адлет ощутил боль в груди. Он знал, что так и будет, если он возьмет заложника. Но было больно видеть, что Фреми смотрит на него как на врага.

Вдруг Адлет заметил, что Ханс бросился к Фреми.

— Стой, Ханс! прокричал Адлет.

Но Ханс не слушал его, он ударил мечом по Фреми. Явно собирался попасть по ее шее, но она отразила удар ружьем.

— погоди. Хотя бы немного.

— Убьешь Фреми, и Море не жить! кричал Адлет.

Ханс продолжал игнорировать Адлета, он напал снова. Фреми в этот раз совершила огромный прыжок назад, уходя от удара.

У Адлета в заложниках была Мора, чтобы Фреми не убили, но обернулось все не так, как задумывалось.

«Я должен остановить Ханса», — подумал Адлет, но в пределах барьера он почти ничего не мог сделать.

— Нья, Фреми, почему ты все еще жива?

Ханс, крутя меч, приближался к Фреми.

— Я планирую умереть. Это не изменилось. Но сейчас Мора в заложниках.

— Подумай хорошенько, Фреми, нья. Он хочет уничтожить всех нас. А ты жалеешь одну жизнь, позволяя ему убить всех нас? И нет

доказательств, что если не умрешь ты, он отпустит Мору.

— Нет. Послушайте меня, — сказал Адлет. Но Ханс не обращал на него внимания, а Фреми одарила убийственным взглядом.

— Следовать условиям Адлета бессмысленно. Ты должна умереть, нья. Так будет лучше.

Адлет прижал нож к шее Мору, но так, чтобы не нанести смертельную рану. Он хотел лишь показать им, что не шутит с угрозой для Мору.

— погоди Если я умру сейчас, вы не сможете помочь Море. Я не вынесу мысли, что товарищи погибли из-за меня.

— И

— Я не хочу смерти Мору. Нет, я не хочу, чтобы вы умирали. Но не убивайте меня, пока не спасете Мору.

Фреми вскинула ружье.

— Но если ты все еще хочешь убить меня сейчас, я буду сопротивляться всеми силами.

— Чамо тоже так думает. Кот-сан, бабуля важнее. Чамо и остальные могут ей помочь, так что с убийством Фреми можно немного подождать.

Услышав возмущение Чамо и Фреми, Ханс вздохнул.

— Вы такие мягкосердечные, нья. А ведь случилось столько ужасного Нья, ничего не поделать.

Ханс посмотрел на Адлета и улыбнулся.

— Хорошо, нья, Адлет. Твоя обожаемая Фреми еще немного поживет.

«Не смей насмехаться надо мной, сволочь», — подумал Адлет.

— А что это за барьер? Как Адлет его использует? спросила Чамо.

— Мора дала его Адлету. Вообще-то, его может использовать только Мора, но мы в горе, и он тоже может его применять. Так, по крайней мере, это выглядит, нья.

— Бабуля сглупила. Зачем она дала ему барьер?

Один из Джума Чамо ударился об барьер. Пленка света пошатнулась, но не пропустила Джума.

— Чамо, ты знаешь, как сломать барьер?

— Бабуля точно может его убрать. Другой вариант вытащить кол. Но это невозможно, — сказала Чамо и посмотрела на Мору без сознания. Чамо думает, в такой ситуации лучше всего подойдет грубая сила. Если Чамо ударит посильнее, то барьер сломается.

Пока Чамо говорила, Джума направился из-за ее спину к пленке света.

— Погоди, няя. А где принцесса-сан? Она была с вами.

— Принцесса сбежала

— Расскажи, что случилось, няя.

Чамо описала, как она остановила Джума. Нашетания узнала, что у Адлета заложник, и куда-то сбежала.

«Так Нашетания все же что-то задумала, — подумал Адет. Может, ее слова о защите Ролонии были лишь предлогом сбежать от надзора Героев. Но что же ты задумала? задумался Адлет, но ничего дельного не смог предположить.

— Няя. Почему все случается так не вовремя, когда люди пытаются веселиться, няя? проворчал Ханс. Чамо, бери своих Джума и преследуй принцессу, няя. Тебе здесь быть не обязательно. Все силы брось на поимку принцессы.

— Д-да. А как же бабуля?

— Не волнуйся. Оставь это на меня. А еще здесь Фреми.

Ролония стояла позади всех, дрожала и безмолвно смотрела. У нее уже, похоже, не осталось боевого настроения.

— Разве можно так оставить Фреми?

— Я покончу с собой, как только помогу Море, — ответила Фреми. Я не боюсь смерти.

Чамо задумалась над ее словами и ответила:

— Чамо верит тебе, Фреми, и ты тоже, Кот-сан. Не дай бабуле умереть.

— Не дам, — ответила Фреми. Я не позволю никому из

товарищей умереть из-за меня.

Чамо кивнула и взобралась на Джума-слизня, после чего с остальными Джума направилась прочь.

— Мы не можем разрывать связь с Доззу. Не нужно ее убивать. И отправь группу Джума следить за периметром Храма. Если придут враги, дай нам знать, нья.

— Не беспокойся. Джума уже это делают.

— И нужно сообщить о ситуации Голдофу. Скажи ему, чтобы не двигался и следил за Доззу.

— Поняла. Чамо оставляет бабулю на вас, — она развернула Джума-слизня и поползла от них.

«Уже лучше», — подумал Адлет. Он не знал, сколько продержится барьер, если Чамо атакует его всеми силами.

Чамо ушла, Ханс и Фреми посмотрели на Адлета.

— Сначала нужно разрушить барьер. Хотя без Чамо времени уйдет больше, — сказала Фреми и создала бомбу в руке.

— Адлету везет, нья. Из-за этого сражение будет сложнее. Или он сразу это планировал? Ханс приближался к барьеру. Он ударил по нему обоими мечами. Пленка цвета скривилась, но не повредилась.

— В сторону, Ханс, — Фреми бросила бомбу в барьер.

Ханс отскочил, от взрыва пленка света содрогнулась.

— Барьер не так и прочен. Со временем мы его сломаем, — сказала Фреми. Она снова бросила бомбу, пленка света содрогнулась, прогремел выстрел.

Адлет ощущал опасность, он рухнул на землю. Пуля пронзила щит в нескольких сантиметрах над его головой. Силу выстрел почти потерял, но если бы пуля попала, Адлету все равно было бы больно.

— Похоже, несколько атак одновременно он не выдерживает.

Фреми продолжила наступление, Адлет бросал ножи, отражая атаки. Они проскальзывали через пленку света и сбивали бомбы, что Фреми бросала в барьер, и бомбы падали в стороне на пол. Атаки изнутри барьер не останавливал.

Прямые атаки зато он блокировал, и пули Фреми сквозь свет

больше не проникали.

— Если мы сломаем барьер и спасем Мору, тебе конец, нья. Но ты не из тех, кто будет ждать и ничего не делать. Так скажи, нья. Что за стратегия в этот раз? Как ты собираешься защитить Фреми и убить всех нас?

— Все не так. Я не седьмой, — сказал Адлет, приготовив еще один метательный нож в правой руке.

— Молчи. Не раскрывай рот, пока мы тебя убиваем, — рявкнула Фреми и бросила бомбу.

Адлет отбил ее, а Ролония на дрожащих ногах выбежала вперед и встала между Фреми и барьером.

— Прошу, хватит! Фреми-сан, Ад-кун, прекратите!

— Ты мешаешь, Ролония.

— Фреми отбросила бомбы и выстрелила из ружья по барьеру.

— Ад-кун, прошу, отпусти Мору-сан! Иначе тебя убьют, словно ты седьмой!

— Прости, но я не могу этого сделать. Иначе умрет Фреми.

— Ф-фреми-сан, прошу, не пытайся умереть! Ад-кун тоже так говорит! Если мы победим Тгуenea, то Черный Пустоцвет остановится! Потому остановитесь!

— Еще раз. В сторону, — ответила Фреми.

Ролония схватила за голову и потрясла ею.

«Перестань, — подумал Адлет, глядя на нее. Я не буду убивать Мору, но и не дам Фреми умереть. И я не умру. Если я объясню ситуацию Фреми, мы справимся с этой ситуацией».

И все для этого у него уже было.

* * *

Голдоф мучился от нетерпения, пока следил за Доззу. Он не знал, что задумала Нашетания, но она вряд ли собиралась остановить распри между Героями.

«Она хочет сбежать из храма, убить одного из них, или еще что-нибудь, чего я не могу придумать?»

Голдоф знал, что если Нашетания что-нибудь сделает, Героям это не понравится, и они могут даже ее убить, так что он молился, чтобы этого не произошло.

«Когда Фреми умрет? Или Адлет даст ей сбежать?» — Голдоф тревожился, но не получал вестей от Моры о том, что стало хуже, как и о том, что вообще происходит.

В отличие от паникующего Голдофа, Доззу тихо сидел, словно задремал.

— Голдоф! Беда! Почему там барьер? Чамо примчалась к Голдофу, но барьер, что Мора оставила в коридоре, остановил ее на половине пути.

— Не беспокойся об этом. Что случилось?

Они говорили, а между ними был барьер. Голдофу стало не по себе от новостей, что передала Чамо. Мора в заложниках, Нашетания исчезла, а ему сказали дальше следить за Доззу, оставаясь на месте.

— Проблем все больше, но хорошо, что почти подтвердились личности Черного Пустоцвета и седьмого, — сказал Доззу, не переживая, как и всегда.

— Доззу, ты связан как-то с действиями принцессы?

— Она, наверное, придумала свой способ помочь Море.

— Хочешь пыток? спросила с улыбкой Чамо.

Доззу пожал плечами.

— Ханс-сан, вроде как, говорил тебе не делать этого. И я не планировал действия Нашетании.

Конечно, Чамо злилась из-за лжи, но они не могли ничего поделать с Доззу. Чамо цокнула языком и помчалась дальше за Нашетанией.

— Если Доззу что-нибудь сделает, забей его до смерти!

Голдоф кивнул и продолжил следить за маленьким Къема. Доззу продолжал тихо сидеть с чопорным видом.

Мора была без сознания, и никто не следил за всем храмом. Но Темный специалист Номер 14 не менял скрытного облика. Он не знал, когда его найдут, а сражаться не умел.

Чамо преследовала Фреми, а Номер 14 продолжал прятаться в углу лабиринта.

Порой Джума проходили рядом с ним, порой он слышал голоса Фреми и Нашетании. Но не двигался, словно был камнем.

О том, кого нужно атаковать, Номер 14 советовался с Номером 30.

У Номера Четырнадцать не было таких навыков слушания, как у Тридцатого, да и разум уступал.

Номер Тридцать, прекрасно собирающий информацию, двигался внутри храма и все узнавал. Он решал, что им нужно делать, и Номер Четырнадцать участвовал в его планах. Он знал, что исполнять его указания лучший план.

Номер Четырнадцать не мог двигаться без указаний, и хотя Номер 30 мог собрать информацию, он не мог воздействовать. Къема дополняли слабости друг друга. Они хорошо сотрудничали.

Номер 30 уже успел собрать информацию и вернулся, отчитавшись. Он сообщил об их новой цели устранить Фреми.

Фреми собиралась убить себя, но мешал этому только Адлет.

Смерть Фреми и поражение Адлета казались неминуемыми. Но Номер 30 побаивался Адлета. Он сказал Номеру 14, что был шанс, что Адлет откроет истинную личность седьмого, разгадает их стратегию и защитит Фреми.

Номер Тридцать рассказал, что пытался напасть на Адлета. Но сражаться он умел плохо, и его атака ничего не изменила.

Адлет Майя. Самый слабый воин среди Героев, но даже Тгуней считал его самым опасным. Даже когда он был в невыгодной ситуации, Къема нельзя было сбрасывать его со счетов.

Номер Четырнадцать ранее применил свои способности.

Он специализировался на ожидании, засаде, только и всего. Но

уникальным было то, что он мог сделать так, чтобы враг не заметил полученную рану. Если такое проделать с Фреми и Адлетом, их смерти тут же наступят.

Способность Номера Четырнадцать совместно с атаками Героев привела бы к легкой смерти Фреми и Адлета.

Часть вторая

— Слушайте! Я не седьмой! кричал Адлет. Хватит атаковать, Фреми! Мы все попали в ловушку врага! Если ты умрешь здесь, Героям может прийти конец!

Фреми не обращала внимания на слова Адлета, она продолжала стрелять в него.

— Прошу, подожди! Фреми-сан!

Ролония ударила хлыстом и попыталась выбить ружье Фреми, но та отбила ее атаку и продолжила стрелять.

— Ладно. Попробуй уговорить нас, Адлет, нья, — сказал Ханс.

Адлет был потрясен. У Ханса не было причины его слушать.

— Что хорошего в его словах? спросила Фреми.

— Я пойму, что за ловушку он для нас готовит. Он явно пытается что-то сделать, но я все еще не вижу его стратегию. А я должен подготовиться к тому, что он планирует, — сказал Ханс и опустил меч. Да и бить по барьеру скучно, нья.

— Этого ты хочешь? У нас нет времени потакать твоему любопытству, — сказала Фреми.

Но Ханс стоял на месте, скрестив руки. Ролония встала перед Фреми, мешая ей атаковать Адлета. Глядя на них, Фреми скривилась.

«Вот и шанс поговорить, — подумал с облегчением Адлет. Он тут же устался на Ханса. Твои намерения не оправдаются».

— Слушай, Фреми! Ты тоже думаешь, что я седьмой?

— Конечно.

— Возможно, есть причины подозревать меня. Но подумай. Только одно точно указывает на то, что я седьмой. Роль седьмого

защищать тебя, и я все это время делал это. Значит, я седьмой. Только на этом вы основали свои обвинения? А где же точные доказательства?

Фреми не ответила.

— Я тоже думаю, что задание седьмого защищать тебя. Тгуней точно не позволил бы тебе, дочери Къема, встретиться с Героями беззащитной. Но если подумать, разве только я тебя защищал?

— Нья, — прокричал Ханс.

— Когда тебя пытались схватить и пытать, не я остановил их. А Ханс, так ведь? Я помню, что он говорил. «Если вы думаете, что Фреми седьмая, то почему Адлет еще жив?» Ханс убедил Чамо отступить.

— И что?

— И не только это. Ты смог остановить их, хотя они подозревали тебя как седьмого. Но это подозрение развеялось, ведь обвинили меня. А кто меня обвинил? Не Нашетания. А Ханс. И пока я пытался разобраться с этим, в угол Нашетанию загнал не я, но Ханс. И все, чтобы защитить тебя. Подозревали меня, а потом нашли истинного виновника, но все делалось, чтобы тебя перестали подозревать.

Фреми быстро взглянула на Ханса.

«Я убедил ее», — подумал с уверенностью Адлет.

— С первого же момента, как я тебя увидел, ты не выходила у меня из головы. Я хотел защищать тебя. Но все пришло к тому, что меня посчитали седьмым. Но на самом деле есть тот, кто в тайне защищает тебя.

— Нья

— И я уверен, что это Ханс.

— Это бред, — ответила Фреми.

— Но если подумать о его поведении, когда его убила Мора, то можно понять, что вел он себя странно. Почему он пошел сражаться с Морой один? Ханс, ты явно хотел заставить ее замолчать. Ты хотел убить ее, пока она не озвучила страшнее признание, да? Может, потому ты и не подумал, что можешь и проиграть.

— Ты говоришь глупости, — упрямо ответила Фреми. Или ты

все это время был слепым? Ханс пытался убить меня. И только ты с Ролонией пытайтесь меня защищать. Ханс не седьмой, и это давно стало ясно.

— Значит, Ханс, совравший всем и обвинивший меня, не седьмой?

— Ты говоришь о словах из света?

Адлет кивнул.

— Нья, и как все к этому пришло? Чтобы сказать, что ты не седьмой, ты решил обвинить кого-то еще, нья?

— И ты настаиваешь, что Ханс, седьмой? сказала Фреми. Это ты хочешь доказать?

— Ханс-сан, — сказала Ролония. Ты преследовал Ад-куна? Что ты планируешь?

— Думаешь, все, как в тот раз, когда я преследовал тебя в лесу, Ролония? Нет, все по-другому, — сказал Ханс.

— Ты, может быть, думаешь, что я вру, но я видел те слова из света. Я не знаю, почему ты не смог найти место, где я их видел. Может, оно как-то скрыто, чтобы помешать даже Море их разглядеть. А, может, Ханс уничтожил доказательства, пока Мора не смотрела. Последнее вполне вероятно. К сожалению, подтвердить я это не могу пока что. Как и то, что я не седьмой.

Адлет вспомнил о способе защитить Фреми, когда остальные захотели убить ее. О словах из света, что тогда пришли ему в голову. Но хотя слова эти были ложью, он действовал на благо. Если они убьют Фреми, то попаду в ловушку Тгуinea. Такое было возможно. Но теперь уже он не мог признаться, что слова из света были ложью. Ему приходилось лгать до конца.

— Ты сказал, что не можешь доказать, что на самом деле видел слова из света, но я даже не могу доказать, правда это или нет. Что бы мы ни говорили, споры не прекратятся, так что слова из света ни на что не влияют. Все равно я Черный Пустоцвет. Ханс пытается меня убить, а ты защитить. Других доказательств у меня нет, — сказала Фреми.

Адлет знал, что она это скажет. Простого аргумента в виде слов из света не хватило бы, чтобы убедить ее. Но теперь нужно было

говорить дальше. И Адлету требовалось тщательно подбирать слова.

— Разве Тгуней мог разработать такой сырой план?

— Сырой? растерялась Фреми.

— Да, сырой. Ханс внушителен. Но, думаешь, он один мог бы тебя защитить? Ах, да. Ты думаешь, что я седьмой. Тогда я поставлю немного другой вопрос. Думаешь, я один могу тебя защитить?

— У тебя получалось.

— Да. Но что если бы я не смог остановить Голдофа и Нашетанию, когда мы их впервые встретили? А если бы Чамо попыталась тебя убить? А если бы Герои тебе не поверили? Они легко убили бы тебя. Тгуней нужно было бы, чтобы седьмой защищал тебя ценой своей жизни, но такая стратегия неубедительна.

— И куда ты клонишь?

— Тгуней приготовил другую стратегию. И она сотрет Героев независимо от того, жива ты или мертва.

— Что? Если ты что-то знаешь, скажи нам, нья, — ответил Ханс.

Адлет улыбнулся.

— Зря ты дал мне говорить, Ханс. И отослал Чамо. Ты явно хотел проигнорировать мои слова и разбить барьер.

Адлет пытался спровоцировать Ханса, но убийца на это не купился, он стоял на месте с улыбкой на лице.

— Даже думать над его словами не стоит, — сказала Фреми. Если есть план, в котором моя смерть убивает всех Героев, то я никак не могу выжить. Если Тгуней захотел меня убить, у него есть множество способов сделать это. Ему хватит лишь соврать, что мы с ним в тайном сговоре и сообщить всем вам, что существует Черный Пустоцвет. И меня тут же убьют. Но у Тгуinea есть ты, чтобы защитить меня и скрыть существование Черного Пустоцвета.

Адлет не собирался соглашаться с ней.

— Настоящая стратегия, наверное, заключалась в том, чтобы ты жила и поглощала силу меток. Потому Тгуней не убил тебя и поставил седьмого защищать тебя. Но он явно подстраховался на случай, если ты умрешь.

-

— Если бы мы не заметили Черный Пустоцвет, из наших меток забрали бы силу, Герои погибли бы. А если бы заметили, то убили бы тебя, что активировало бы вторую ловушку. Тгуней явно учел бы такие обстоятельства. Тгуней и седьмой изменили тактику. Они должны были сделать это, когда мы слышали о Фреми от Раины, когда ты вспомнила храм и рассказала всем нам, или, может, когда Доззу рассказал о Храме Судьбы.

— Что еще?

— Хотя мы и узнали о существовании Черного Пустоцвета, Фреми выжила. Тгуней и седьмой этого не ожидали. И седьмой думал, что есть шанс, что Тгуней проиграет, если я все свои силы направлю на это. Хотя шанс и был один на миллион, он хотел покончить со всем до того, как это случится. И седьмой Ханс встал у меня на пути. Он заставлял тебя убить себя, чтобы остановить меня. Он заставлял тебя сомневаться во всем, что я находил. И он заявил, что я седьмой, чтобы мне никто не доверял.

— И у тебя есть доказательства этого дополнительного плана?

— Слова из света доказывают многое. Но есть и еще одна зацепка. В священных письменах было предложение, в котором говорилось, что после твоей смерти что-то активируется. Ты подтвердила этот перевод, — сказал он Фреми. А потом показал рану на левой ноге. До этого на меня напал Кьема. После того, как я взял в заложники Мору. Кьема попытался разделить нас с Морой. А значит, он пытался помешать моим действиям.

— Мора сказала, что нет следов никаких врагов

— Не знаю, почему Мора не заметила Кьема. И я очень сомневаюсь, что Мора связана с врагами.

— Может, такова сила, что скрывает Черный Пустоцвет. Но если здесь есть ловушка, тогда мы должны были обнаружить это, когда расшифровывали священные письмена, — ответила Фреми.

— Может, Тгуней все же ошибся, раз я нашел это. Но он готовился к тому, что мы найдем этот храм. Потому у него должен быть запасной план.

Фреми молчала.

— Конечно, это не доказательство. Но ты понимаешь из моего объяснения, что самоубийство и обвинения в мою сторону поспешные действия. Фреми, перестань пытаться себя убить. Если ты решишь не умирать, я опущу барьер и отпущу Мору, — Адлет смотрел в глаз Фреми. Его слов не хватит, чтобы вернуть ее доверие.

Но их должно было хватить, чтобы изменить текущую ситуацию. Его подозревали, но они должны понять, что еще не доказано, что он седьмой. И тогда они смогут ему доверять.

Все еще глядя в глаз Фреми, Адлет безмолвно ждал ее ответ.

* * *

Выслушав его, Фреми огляделась. Ханс тихо следил за происходящим, Ролония ждала, что Фреми послушается Адлета.

— Это даже не стоило слушать, — заявила Фреми

— П-почему? крикнула Ролония.

Фреми отвернулась от отчаявшегося Адлета и посмотрела на Ролонию. Та полностью доверяла Адлету, и Фреми вряд ли убедила бы ее, не объяснив все.

— Необходимость второй ловушки так мала, что о ней даже не стоит думать. И разговор о защищавшем меня Хансе явная ложь.

— Но!

— Я — сказала Фреми и замолчала. Она посмотрела в глаза Адлета, эти глаза всегда смотрели на нее с теплом с первой встречи.

Она опустила взгляд.

До того, как прийти на территорию Воющих Демонов, Фреми не волновало, умрет ли она, если это приведет к победе. Если они с Тгунеем обменялись бы смертельными ударами, то этого хватило бы. Она думала, что если Герои попадут в опасную ловушку, она доверит свою месть им, а сама погибнет, чтобы защитить их, и это ее бы порадовало. С самого начала она не планировала жить. Если ее жизнью можно было разбрасываться, она хотела сделать это сама.

Но Фреми этого не сделала. И хотя Герои были в опасности, она не думала жертвовать собой.

Когда они вошли на территорию Воющих демонов, когда они преследовали Голдофа, и когда они сражались с Тгунеем. Каждый раз она могла взорвать себя, забрав врага с собой. Но Фреми не сделала этого, хотя легко сделала бы это, если бы была той же, какой вернулась на территорию Воющих демонов с Героями. И теперь Фреми понимала причину.

— Я все еще жива, потому что Адлет был рядом, — сказала Фреми.

Фреми знала, что Адлет врет. Она чувствовала, что истинные его чувства к ней близки к ненависти.

Но слова Адлета обрадовали ее. Хоть они и были ложью, но когда он говорил, что хочет сделать ее счастливой, что хочет ее защитить, она радовалась.

Фреми хотела, что этот обман длился как можно дольше. Слушая Адлета, она могла хоть так чувствовать, что она не монстр, что ее хоть кто-то любит. И тогда она думала, что может и остаться в живых. Хотя она и знала, что он ей врет.

Потому Фреми и дожила до этого момента. Потому Фреми и ненавидела Адлета. Ее злило, что из-за Адлета она хочет жить.

— Ханс ничего ценного для меня не сделал. Только Адлет меня защищал. Если бы его здесь не было, я давно бы умерла.

Если бы Ханс был седьмым, пытался бы защитить ее, то это он призывал бы ее жить. Как это делал Адлет. Но Ханс не делал ничего такого. Он относился к ней, как к врагу, как к возможной седьмой. Его поведение отличалось от Адлета.

— Потому это Адлет. Я знаю, что ты седьмой. Ты защищал меня и заставлял все это время жить. Никто другой седьмым быть не может.

Фреми выстрелила. Пленка света содрогнулась. Но даже так на то, чтобы сломать барьер, требовалось время.

* * *

— Как жестоко — пробормотал Адлет, улыбаясь и глядя, как дрожит пленка света. Он должен был улыбаться в отчаянии, как его и

учил Атро.

Он отчаянно хотел защитить Фреми. Он хотел избавить ее от страданий, поклялся, что сделает ее счастливой.

И поэтому Фреми ему не верила. Чем больше он думал о ней, тем сильнее терял ее доверие. Чем чаще говорил, что любит ее, тем сильнее она отдалялась.

«Почему все так жестоко?»

Но он не мог сдаться.

Адлет посмотрел на Ролонию, застывшую от шока.

* * *

«Я беспомощна, — думала Ролония, глядя, как Фреми стреляет в барьер. Адлет не может быть самозванцем, и я не могу позволить Фреми умереть», — но она знала, что ничего не может с этим поделать.

— Ролония! Адлет повернулся к ней. Найди доказательства! Найди что-то, что докажет, что я не вру!

От слов Адлета Ролония впала в панику.

«Где мне искать? Что мне искать?»

— С-слова из света?

Адлет покачал головой.

— Нет, найди Къема. Они где-то в храме. Они появились, но тут же исчезли передо мной. Они что-то задумали. Они пытаются избавиться от меня и позволить Фреми умереть.

«Не может быть», — подумала Ролония. Она не знала лабиринт, она не могла найти Къема, которых не смогла увидеть Мора.

— Найди их и пойми, что они задумали. Найди доказательство, что они пытаются убить Фреми. Только так выйдет наружу правда. Если все узнают, что Къема пытаются убить Фреми, они помешают это сделать. Попроси Чамо помочь тебе, можете задействовать Доззу и Голдофа. Только ты сейчас можешь мне помочь.

Даже недалекая Ролония понимала, что другого выхода нет.

Доказательства развеяли бы подозрения, остановили бы Фреми и остальных.

— Ролония, это ловушка. Адлет может пытаться убить и тебя. Не ходи, — сказала Фреми.

Но она не могла оставаться здесь, ничего не делать. Ролония отвернулась от тупика и побежала.

— Я тебя не пущу, — сказал Ханс.

Через миг Ханс, что безмолвно следил за происходящим, оказался перед Ролонией и замахнулся мечом. Ролония застыла.

— Х-ханс-сан

— Адлет. Я понимаю твои намерения. Ты используешь ее, чтобы доказать, что ты не седьмой, что это я. Чтобы мы не убили Фреми.

Адлет в пределах барьера стиснул зубы. Он никак не мог сейчас ей помочь. Ролония дрожала перед Хансом с мечом.

— Но, нья, никак я не могу молча смотреть, как ты ищешь доказательства. Это было бы неразумно.

— Ролония Иди. Забудь о Хансе. Он боится, что ты найдешь доказательства! Он пытается помешать тебе раскрыть правду! крикнул Адлет.

Одна из пуль Фреми пересекла пленку света и задела щеку Адлета.

«Он умрет, если так продолжится. Я должна остановить Фреми-сан и Ханса-сана».

Но Ролония не могла сдвинуться, меч Ханса был у ее лица. Если она сделает шаг или потянется за хлыстом, ее разрежут.

«Бездарность. И я Герой Шести Цветов? думала Ролония, замерев. Я должна защитить Ад-куна. В тот миг, когда он потерял Раину-сана, я поклялась поддерживать его. Но я ничего не могу сделать. Плевать на Фреми-сан. Я должна защитить Ад-куна».

Ролония вдруг ощутила, что что-то не так.

«Я ощутила что-то странное?» — но она не могла понять, из-за чего чувствует себя неуютно.

Часть третья

Адлет был уверен в двух вещах: что Къема были, и что они пытались убить Фреми. Но Ролония сможет распознать движения врага и узнать их цели. Адлет верил в нее. Она была не просто робкой девушкой.

Но его планы разрушились за миг. Тело Адлета содрогалось от паники. Если они не смогут найти доказательства, то и Фреми убедить не удастся, и он ничего не мог поделать, пока Ролония стояла на месте.

Ханс. Если Адлет не разберется с ним, он не сможет защитить Фреми.

Вдруг один Джума завернул за угол и направился в их сторону. На лбу его была записка.

— Послание от Чамо, — сказал Ханс и сорвал листок, не опуская меч от лица Ролонии.

Он читал, а Ролония не двигалась, не видя бреши в его защите. Прочитав записку, Ханс скомкал ее и бросил на землю.

— Что случилось, Ханс?

— Основные силы Тгуenea все еще не идут сюда. Проблем нет, — ответил Ханс.

«Хорошие новости, но ситуацию это не меняет», — подумал Адлет, боль вдруг пронзила его голову, он скривился.

Адлет заметил, что его голова какое-то время болит.

«Это атака Къема? задумался он. Яд или атака звуковыми волнами? Или что-то еще, но точно не похоже на атаки Ханса или Фреми. Значит, это Къема? Адлет взглянул на их спины. Къема может прятаться, потому нужно смотреть внимательно», — подумал Адлет, но ничего не видел.

Боль в голове понемногу становилась сильнее, и он не знал, что происходит. А пока он терялся в догадках, время шло.

«Я должна защитить Ад-куна, — продолжала размышлять Ролония, пока Ханс держал перед ее лицом меч. Я должна изменить ситуацию. Я должна что-то сделать. Если я ничего не могу сейчас, то зачем меня выбрали Героем Шести Цветов?».

* * *

Головная боль постепенно становилась все хуже. Он не мог придумать эту боль, как и сомневался, что она от усталости. Его кто-то атаковал.

— Ролония, Фреми, внимательнее Къема атакуют.

Ролония огляделась. Но Фреми не слушала Адлета и продолжала стрелять по барьеру.

— А-атакуют?

— Я не знаю источник. Яд, звуковая волна или что-то еще невидимое. Но у меня болит голова.

— Простудился, нья. Тепло и сон лучшее лекарство в таком случае, — сказал с улыбкой Ханс.

Ролония растерялась еще сильнее.

— Вы ничего не чувствуете? Способность неизвестного Къема необычна.

В прошлом Атро рассказывал ему про способности разных Къема, но он не мог определить, от какой способности страдает.

«Может, это кто-то из тех Темных специалистов. Они пришли уничтожить меня? Им нужно убить меня, чтобы я не защитил Фреми? Все может обернуться хуже некуда».

— Ч-что мне делать, Ад-кун? Ох

— Теперь ты сочиняешь, что у тебя болит голова? Уньяу, Адлет, что ты задумал?

Ролония была в смятении, а Ханс смеялся.

«Нашел время издеваться, Ханс. У меня точно болит голова», — подумал Адлет. Боль становилась все сильнее, и он уже не чувствовал, как левая рука держит Мору.

Ролония заговорила, словно что-то решила.

— Ханс-сан, Фреми-сан, прошу, выслушайте. У меня есть предложение. Ад-кун и ты послушай.

Фреми перестала стрелять, на миг улыбка исчезла с лица Ханса.

— Нам нужно помочь Море, и нужна моя смерть. Нам некогда тебя слушать, — сказала Фреми и собралась продолжить атаку.

Но свист раздался в узком коридоре лабиринта. Ролония замахнулась хлыстом и ударила по руке Фреми, пока та не выстрелила.

— Что ты творишь, Ролония?

Рука Фреми не была ранена. Ролония намеренно ударила ее несильно.

— Ты слишком ж-жестока, Фреми-сан. А я ничего не могу и думать ни о чем не могу

Фреми хотела что-то сказать, но Ханс остановил ее. Он убрал меч от лица Ролонии.

— Мы слушаем, нья. Ты наш важный товарищ, и мы тебя выслушаем.

— Я не могу сражаться с тобой Х-ханс-сан. И я понятия не имею, кто седьмой.

Ханс бесшумно отошел от Ролонии.

— Ролония, поверь, он седьмой, — сказал Адлет, но Ролония покачала головой.

— Даже если ты так говоришь, я не знаю И я не могу найти доказательства.

— Но только ты это можешь.

Приготовившись к атаке хлыстом, Ролония повернулась к Адлету.

— Ад-кун, отпусти Мору-сан.

Адлет был поражен.

«Даже ты согласилась с Фреми?»

— Все хорошо. Я никогда не предаю тебя, Ад-кун. Возьми меня

в заложники вместо Моры-сан.

В этот раз поражены были Ханс и Фреми.

— О чем ты, Ролония?

— Ад-кун, я не смогу найти нужные доказательства. Но у Моры-сан есть второе зрение. Она надежнее меня. Она может найти Къема, что атакует тебя, Ад-кун. Думаю, так будет лучше всего, — сказала Ролония Адлету.

Она посмотрела на Ханса и Фреми.

— Фреми-сан, Ханс-сан, Тгуней может уже приближаться. Нам нужна сила Моры-сан. Потому лучше мне занять ее место заложницы.

— Н-но — пытался возразить Адлета. Он считал, что план Ролонии только добавит ему еще одного врага. Мора не встанет на его сторону после того, как он взял ее в заложники.

— Я не дам тебе отказаться, — заявила Ролония.

Адлет лишился дара речи. Он впервые видел ее настолько злой.

— Я больше не могу на это смотреть. Ад-кун вредит Море-сан, а Фреми-сан вредит Ад-куну! Я стану заложницей! Хватит друг друга ранить!

— Это абсурд, Ролония. Ты только добавишь проблем. Если убьют и тебя, и Мору, то мы потеряем всех, кто может исцелять раны!

— Не знаю! Я тебя не слышу! прокричала Ролония.

Фреми и Ханс растерялись от ее упрямства.

— Ты серьезно?

— Я тебя не слушаю, Ад-кун. Если ты не отпустишь Мору-сан, я сильно разозлюсь. И мне придется тебя ударить.

— Ролония

«Ее не уговорить», — понял Адлет. Он всегда знал силу, которую она прятала внутри от остальных.

Отпускать Мору было опасно, но он надеялся, что она не станет игнорировать его полностью, как это делали Фреми или Ханс, а своим вторым зрением она сможет отыскать доказательство, что

Къема и седьмой пытаются убить Фреми.

Предложение Ролонии было выгодным для Адлета.

— Ад-кун, если ты хочешь кого-то впустить, то у него получится войти в барьер. Это барьер Моры, он должен так работать. Впусти меня, Ад-кун, и освободи Мору-сан.

— Хорошо.

Как и сказала Ролония, Адлет пожелал, чтобы она прошла через барьер. Он не знал точно, как это делать, но думал, что этого должно хватить.

Ролония принялась приближаться, но тут Адлет ощутил что-то странное в поведении Ханса.

«Почему он не пытается ее остановить?» — план Ролонии не был выгодным Хансу. Тот что-то заметил, и пока Адлет пытался понять, что он задумал, Ролония вошла в барьер.

Тут же Ролония замахнулась хлыстом и нацелилась на левую руку Адлета, что держала Мору. Он смог остановить атаку правым плечом.

— Прости, Ад-кун, — сказала Ролония.

Адлет видел, что разум угасает в ее глазах.

— Фреми-сан, убей себя! крикнула Ролония и ударила Адлета хлыстом снова.

* * *

«Что случилось с боем?» — подумал Темный специалист Номер Четырнадцать, пока лежал в углу лабиринта. Без Номера Тридцать он не знал ничего о том, что творится в храме, как и не знал, закончилось ли сражение.

Он скрывался на полу в одном из коридоров лабиринта, рядом с выходом из него посреди дороги, ведущей в центр храма.

Два часа назад мимо него пробежали Герои, пробежали над его головой, а еще рядом прошло несколько Джума. Но никто из них не заметил его. Он умел прятаться, скрывать себя. И если бы он начал атаковать, он все равно был уверен, что никто его не найдет.

«Может, мне доверили судьбу сил Тгуней?»

У него была устрашающая сила, стоило ему активировать способность. Но активация требовала выполнение ряда условий, потому сила была ограничена. Номеру Четырнадцать нужно было много времени на подготовку.

Предсказывать действия Героев, разделившихся и оказавшихся в разных частях и в разное время, было сложно, и он не смог бы устроить им засаду. Был высоким шанс, что Герои придут к Вечному цветку, но способности Номера Четырнадцать не прошли бы барьер вокруг Вечного цветка.

Когда началось сражение, Тгуней приказал ему напасть на Героев в маленькой хижине на краю Гор. Но Герои туда вряд ли зашли бы, тем более, вряд ли остались бы так долго, чтобы Четырнадцатый успел активировать способности.

«Я и дальше буду бесполезным, пока война не кончится», — думал Номер Четырнадцать, отчасти уже сдавшись оказать услугу Тгуней.

Прошло полдня, и он узнал, что Герои движутся к Горам. Ему сказали, где находится храм, в который шли Герои, и Четырнадцатому приказали напасть на Героев в лабиринте.

После этого он пришел сюда и скрылся в храме, ожидая их прибытия.

Способность Номера 14 была связана с гипнозом. Он выпрыскивал в воздух особое вещество, управлявшее сознаниями людей, при этом он издавал очень низкие звуковые волны, которые не могли ощутить даже другие Къема. Способность была близка скрытности, но оказывалась куда сильнее.

Из всех Темных специалистов только Номер Четырнадцать мог управлять человеческим разумом. Он внедрял в головы людей желание убивать.

Зараженными своей способностью он мог управлять, а они при этом и не замечали, что что-то происходит. И жертва Номера 14 будет думать, что нельзя поступить никак иначе, кроме убийства.

«Убей Фреми», — приказал Четырнадцатому Номер 30.

Номер Четырнадцать знал, что Чамо, Ханс, Мора и Голдоф

желают смерти Фреми. А вот Адлет и Ролония пытались ее защитить.

И он издал звуковые волны, он начал влиять на Адлета и Ролонию. Он толкал их к желанию убить Фреми.

* * *

Ролония видела, как расширились глаза Адлета от потрясения, когда она замахнулась хлыстом.

«Ад-кун и не думал, что я могу его обмануть», — подумала она. Хотя она и не верила, что наступит время, когда она будет ему врать.

Конечно, Ханс-сан и Фреми-сан тоже были потрясены. Ролония не оглядывалась на них, но если бы сделала, то увидела бы их шокированные взгляды.

— Гха! выдохнул Адлет, остановив плечом ее хлыст. Ролонии было жаль ранить Адлета, но она не могла перестать атаковать.

Она целилась в левую руку Адлета, которой он держал Мору. Она не хотела нанести смертельную рану, она вообще не хотела ранить Адлета. Ей нужно было освободить Мору.

Ролония ни на миг не думала, что Адлет — седьмой. Даже если бы мир рушился, она была бы уверена, что будет верить Адлету до конца. Но сейчас он вел себя неправильно.

Вряд ли убийство Фреми-сан запустит ловушку. Адлет в этом ошибался.

А если и была ловушка, все равно. Какую бы ловушку не приготовил им Тгуней, они найдут способ с ней справиться. Особенно, на это был способен Ад-кун.

Они не оставят Фреми-сан в живых, ни за что. Из-за нее началось смятение среди Героев. Она заставляла Ад-куна принимать плохие решения. Она была причинной распрей между Героями. Этого и хотела Фреми-сан.

«Если все так продолжится, Ад-куна убьют. А потом и Фреми-сан. Но если Фреми-сан убьет себя, или если Ханс-сан убьет Фреми-сан, все будет решено».

— Отпусти Мору-сан!

Ролония продолжила ударять по левой руке Адлета.

Она не сомневалась в своих действиях. Она думала о защите Адлета, верила, что если Фреми-сан здесь не будет, она сможет его защитить.

* * *

Четырнадцатый знал, что управляемые люди не могут понять, что желание убивать им навязывают. Это желание казалось им закономерным, они не сомневались в нем.

Чтобы люди стали управляемыми, они должны были вдохнуть особый токсин, выделяемый Номером 14. Чтобы вещество разлетелось по всему лабиринту, требовалось шесть часов, а чтобы токсин подействовал на жертву, требовалось два часа. Этот этап уже был закончен. Герои неосознанно продолжали вдыхать токсин с момента их попадания в храм.

После этого Номеру 14 требовалось издать особую звуковую волну, которая и внедряла в головы желание убивать. Частота волны, необходимая для управления человеком, у каждого была разной, но по одному взгляду на жертву Четырнадцатый мог это понять.

Управление жертвой звуковыми волнами не происходило мгновенно, и чем больше было жертв, тем больше времени требовалось, чтобы внедрить в их головы желание убивать.

— Ты сможешь управлять семерыми в лабиринте? спросил у него чуть ранее Номер 30.

— Это возможно. Но на это уйдет два часа.

— К тому времени бой будет окончен. А скольких ты сможешь захватить за несколько десятков минут?

— Наверное, не больше двух.

Номер Тридцать задумался на миг и приказал Четырнадцатому внедрить желание убивать в Адлета и Ролонию. Номер 14 посчитал приказ странным. Они ведь были самыми слабыми среди Героев, насколько он знал.

«Если я могу управлять людьми, разве не стоит подчинять себе сильнейших?»

— Только они будут защищать Фреми. Если ты захватишь их, Фреми убьют.

И Четырнадцатый понял. Он был уверен, что решения Номера 30 были намного умнее его решений.

В прошлом Номер Четырнадцать использовал свои силы, чтобы разрушить несколько деревень. Он приходил туда, маскировался и через несколько дней все вокруг были объаты желанием убивать. Он разжигал вражду среди жителей, они теряли чувство собственного достоинства, они не могли принимать разумные решения. А потом Тгуней своими словесными трюками управлял людьми, заставляя их служить ему.

Именно он уничтожил родину Адлета Майя. И теперь Номер 14 мог уничтожить мальчика, что смог выжить. Эти мысли его радовали.

Никто из Темных специалистов не обладал такой сильной и сложной способностью как у Номера Четырнадцать. Даже среди Къема в прошлом не было никого с такими силами, и они не справились бы с этой силой.

Четырнадцатый был всем обязан Тгунею. Больше ста лет назад он получил приказ от Тгуinea научиться управлять людьми, и ему сказали, как измениться и как использовать эту силу.

Может, у Тгуinea была похожая способность, но он хранил ее в секрете от своих Къема. Так думал Четырнадцатый. Если бы у него не было такой способности, он не мог бы отдавать приказы. Номер 14 толком не понимал силы Тгуinea, он и не спрашивал. И, конечно, не говорил о способностях Тгуinea с другими Къема.

* * *

Адлет никогда не представлял, что его предаст Ролония. Он верил, что она выполнит все, что он скажет, что так будет до конца. И он понимал, что был мягок в своей оценке. Было что-то не так с взглядом Ролонии, с ее поведением.

«Будто она уже не может принимать разумные решения».

— Ад-кун! Не убегай! крикнула Ролония, без усталости ударяя по его левой руке.

Уклоняясь, Адлет посмотрел на Фреми и Ханса.

Глаза Фреми расширились от удивления. Но Ханс, казалось, вот-вот рассмеется.

Ханс ожидал предательства Ролонии, и теперь он был в отличном положении, чтобы ударить Фреми по шее.

Адлет был уверен, что если сражение продолжится, Фреми и не успеет отреагировать, а Ханс ее убьет.

Если подумать, Ханс и жизнью Моры жертвовать был не против.

Адлет решил остановить атаки Ролонии телом. Кровь отлетела от его лица и рук, она замешкалась.

Адлет рухнул на колени. Он молниеносно дотянулся до пояса правой рукой, что-то вытащил и крепко сжал.

Он вытащил бомбу. И она была достаточно сильной, чтобы разнести часть коридора.

— Стой, Ролония! Если ты ударишь, Мору разнесет на куски!

Он кончиком пальца попытался активировать бомбу. Если бы он захотел взорвать ее, потребовалась бы секунда.

— Ханс! Стой! крикнула Фреми.

Но, убежденный, что это идеальный шанс, Ханс ударил Фреми, и она едва уклонилась от его меча.

— Уньяу. Не беги, Фреми.

— Если я умру сейчас, жизнь Ролонии, как и Моры, будет в опасности.

Ролония не знала, что делать, и замерла. Холодный пот появился на лбу Адлета.

Если атаки Ролонии станут хуже, то он бросит бомбу и взорвет себя. Если он не успеет, Фреми умрет.

— Фреми-сан, почему ты не мертва?

— Ролония ты в опасности.

— Не важно, Фреми-сан. Поспеши и умри. Ад-кун не сможет тебя защитить.

«Что она несет? удивился Адлет. Она ведет себя странно».

Вдруг боль в голове, что немного отступила, ухудшилась, и в этот раз больно было так, что он захотел кричать. И тут он услышал шепот в голове.

«Сдайся. Дай Фреми умереть», — кто-то настойчиво нашептывал ему, используя его же голос.

— Ч-что за чертовщина

Какой бы сильной ни была боль, он не мог сдаться. Адлет вытащил оковы из кисета на поясе и сковал свою левую руку с правой рукой Моры, чтобы их не разделили.

— Повторяю, Ролония. Хватит атаковать, покинь барьер молча, — сказал Адлет.

Голос снова раздался в голове.

«Брось Фреми. Сдайся».

Он пытался сломить Адлета, напоминал строгого отца, которого нельзя было слушаться.

И Адлет понял: это и есть атака Къема. Он управлял сознанием людей.

«Это Тгуней? Или есть еще Къема, что может управлять людьми?».

— Ад-кун, почему? Почему тебе так важна Фреми-сан? Почему ты все равно защищаешь ее?

— А, хорошо! Адлет воспользовался ее замешательством и врезался плечом и Ролонию, попытался вытолкнуть ее из барьера. Она боялась его бомбы и не пыталась сопротивляться.

— Ролония, целься в кол, — тихо сказал Ханс.

До того, как ее вытолкнули из барьера, Ролония замахнулась хлыстом. Но Адлет схватился за ее правую руку и сбил направление хлыста, он заставил ее выйти из барьера вместе с оружием. Визг сотряс воздух, хлыст вылетел из барьера.

Но Адлет заметил, что кол у его ног треснул.

Хотя его никто не атаковал, барьер из света начал содрогаться и постепенно таять.

После того, как Мору взяли в заложники, Нашетания шла по лабиринту совсем одна. Шаги ее были спокойными, даже не было заметно, что ее преследуют.

Она была возле выхода из лабиринта, Джума искали ее не там.

Нашетания всегда умела сбегать. Даже когда за ней гнались Чамо, Мора и Ханс, они не смогли ее поймать, а в таком сложном лабиринте убежать от атак Чамо было несложно.

— Хмм, это проблема. Как же они со мной свяжутся — пробормотала Нашетания, почесав оставшейся рукой голову. Может, я не могу их слышать. Или у них нет другого способа передать информацию. Эй, Кьема-сан, я здесь. Может, будете сотрудничать?

— Не бойся. Мы тебя слышим, — сказал голос у ног Нашетании.

Посреди каменного пола появился рот.

— Ого! Ты смог превратиться в пол? Так тебя даже не заметит Мора-сан, — сказала с улыбкой Нашетания.

— Что ты говорила о сотрудничестве? пол Темный специалист Номер 30 спросил у нее.

— Ты ведь уже знаешь, как убить Героев? Если понадобится моя помощь, я готова сотрудничать. Герои наш общий враг. Если мы объединимся, мы не пострадаем.

Тридцатый задумался, а потом ответил:

— Разве ты не их союзник?

— Была. Но цель уже достигнута. Мне нужно было попасть в этот храм. А теперь уже союз лишь на словах.

Кьема все еще думал о чем-то.

— Может, вы не откажетесь от моей помощи? Нам нужно кое-что сделать в храме. Но пока Голдоф следит за Доззу, мы не можем достичь цели, потому я бы предложила нам работать вместе.

— Нет. Думаешь, мы можем помогать этому Кьема-предателю?

— Вот как?.. Жаль. Тогда мне придется предать Героев и убить их, как только будет возможность. Я найду другой способ достичь

цели, — сказала Нашетания, Тридцатый улыбнулся. Когда я вернусь к Голдофу и Доззу, я скажу, что обманула тебя, и ты беспечно появился передо мной, после чего я порезала тебя на кусочки.

— П-погоди Ты не врала про предательство?

— Конечно, нет.

— Тогда будем сотрудничать. Но чем ты им полезна?

— Я могу убрать Героя, что сильнее всего вам мешает. Пока все сражаются, это будет несложно.

Молчание Тридцатого доказывало, что он все еще сомневается в ней.

— Кого мне убить? Ханса-сана? Или Чамо-сан?

— Нет, убей Фреми. Пока Адлет удерживает заложника, Фреми откладывает свою смерть. Убей ее для нас.

Нашетания улыбнулась.

— Поняла. А потом я убью и Адлета-сана. Я давно хочу заставить его отплатить.

* * *

Земля гудела, сотни Къема шли по ней, а Тгуней в центре посмотрел на звездное небо.

— Еще три часа, — пробормотал он.

Глава пятая

Переломный момент

五章
転機

Часть первая

Пока Чамо призывала слизней, она приподняла край юбки. Метка цветка была на бедре, лепестки были на месте.

— Бабуля жива. Но и Фреми еще не умерла.

И тут к ней примчался Джума. Он склонился к уху Чамо, и она слушала.

— ...хорошо. Это не главный отряд Тгуenea. Только те, кого мы не убили.

Чамо выхватила из кармана бумагу и уголек и принялась записывать:

«Къема в храме. Около десяти. Основные силы Тгуenea еще не прибыли».

— Найди Кота-сана. Место поймешь. Не заблудись.

Джума ушел, и Чамо продолжила поиск.

* * *

— Десятеро собрались. Этого должно хватить, — сказала Нашетания. Тридцатый побывал вне храма и созвал выживших Къема из округи. Пришли лишь Къема низкого ранга, но Нашетания сказала, что и этого хватит.

До убийства Фреми Нашетания попросила, чтобы это было сделано им. И специалист Номер тридцать согласился и приманил Къема.

И присутствие Чамо, обыскивающей лабиринт, уже не было проблемой. Тридцатый слышал все на территории храма, слышал и ее Джума. Это помогало и Нашетании не сталкиваться с Джума, хотя призыв Къема и требовал усилий.

— А ты найди Тгуenea. Передай новости, — в лабиринте был и другой Къема высокого ранга. И он играл роль передатчика посланий Тридцатого. Конечно, приказы тот отдавал зашифровано. — Защитить Черный Пустоцвет не выйдет. Показался седьмой, решено бросить Черный Пустоцвет.

— Ох, как же обидно, — сказала недовольно Нашетания. Тридцатый проигнорировал ее.

«Нашетания предложила помощь в убийстве Черного Пустоцвета. Это толкнет Героев убить Нашетанию. Но у них будет и проблема с седьмым».

Тридцатый приказал Кьема не контактировать с Джума Чамо, не показывать выход из храма.

И Кьема расходились в стороны от специалиста Номер Тридцать.

— Может, все же послушаешь меня? Мы ведь теперь союзники, — рассмеялась Нашетания. Тридцатый никогда не понимал, что в голове людей заставляет их улыбаться.

— Ладно, Нашетания. Что теперь?

Нашетания рассказала Тридцатому, какие приказы отдать двенадцати Кьема.

* * *

Голдоф продолжал в одиночку следить за Доззу. А Доззу совсем не двигался, даже не пытался заговорить.

Голдофу хотелось бы знать, что они планируют, можно ли этому помешать. Нашетания исчезла, и это тревожило Голдофа. Они все еще могли обманывать Героев.

Голдоф оставался настороже.

Но не было никаких признаков приближения невидимого из-за способности Кьема тела. Ничего не происходило, стояла зловещая тишина.

Вдруг Доззу заговорил:

— ...Голдоф, здесь враг.

— Что?

Теперь это слышал и Голдоф. Шаги нескольких Кьема. Вряд ли это были основные силы Тгуinea, но Голдоф все равно запаниковал.

Четверо Кьема появились из другого конца лабиринта. Голдоф выхватил копье, намереваясь отбиваться. Противников было мало.

— Вряд ли это основные силы Тгунея. Мелкие сошки.

Доззу призвал молнии, и Голдоф копьем нападал на Кьема. Но они даже не старались уклоняться от атак Голдофа, они нападали напрямую. Одному удалось миновать Голдофа и Доззу, он направился к железной двери.

Чтобы не дать пройти туда Нашетании, железную дверь не открывали. Впрочем, туда могли пробиться, сломав стены или потолок. Потому проверять комнату все еще нужно было.

Голдоф бросил кинжал и пронзил тело Кьема. Тот упал бездыханно.

Целью Кьема было не сражение с ними, а то, что было за железной дверью.

— Что происходит? Они идут к Святой Одного Цветка.

Доззу сражался с оставшимися тремя Кьема. А Голдоф подумал:

«Это могли быть и подопечные Доззу. Но тогда он не стал бы серьезно с ними сражаться...»

А еще Голдоф слышал странный шум из комнаты, где была Святая Одного Цветка, со стороны потолка.

«Плохо дело, — подумал Голдоф. — Враг пытается пробиться сквозь потолок».

— Доззу, оставайтесь здесь и держите оборону. Не пускайте их к Святой Одного Цветка.

Были ли эти Кьема подопечными Тгунея или Доззу, но он не мог пустить их к Святой Одного Цветка.

Голдоф вошел в комнату и напал на Кьема, проникшего с потолка. Враг спускался оттуда, Голдоф пропускать его не собирался.

Дыра была не только в потолке, но и в дальней стене. И из этой бреши появился еще один Кьема. Двое Кьема одновременно нацелились на Святую Одного цветка.

— Осторожно! — раздался голос Доззу, вспыхнула молния. Кьема отлетели в стороны.

Но тело Доззу получило удар сзади в тот же миг.

— !..

Маленькое тело отлетело на десять метров, прокатившись по полу. Но Доззу быстро поднялся и выбежал из комнаты.

«Было близко. Доззу мог атаковать, попав в комнату. В пылу сражения он мог это сделать. Но не напал на Святую Одного цветка».

— Голдоф-сан, не отвлекайся. Хотя это и мелкие сошки, их нужно убить.

Голдоф вспомнил, что бой еще не окончен. Доззу стоял на пороге комнаты, Голдоф продолжил защищать Святую Одного цветка.

Откуда-то донеслись еще шаги и крики Къема. Они одолели еще не всех.

Голдоф уже хотел покинуть это место. Здесь с Къема сражаться было сложно. Но он и не мог просто стоять и смотреть, как враг атакует.

И тут появился Къема в виде водной змеи. Доззу уже хотел напасть, но Голдоф узнал Джума Чамо.

— Это Джума Чамо. Не атакуйте... И там что-то есть.

Голдоф приблизился и отцепил записку от лица Джума.

«Къема приближаются. Низкого ранга, около десяти. Думаю, это не основные силы Тгуinea. Забыла рассказать».

Это добавляло сложностей, но сейчас уже было все равно.

Какой бы ни была цель Къема, Голдоф принялся готовиться к атаке врага.

* * *

— Может, у нас и получится, — в углу лабиринта сообщила Нашетания.

Тридцатый слушал звуки сражения и обратился к Нашетании, что была рядом с ним.

— Пора, да?

— Нам хватит хотя бы приблизиться к Святой Одного Цветка. Пока наша цель такова. Доззу не подведет. Голдоф даже ничего не

заметит, — удовлетворенно сообщила Нашетания. — Продолжим работать сообща. Доззу достигнет цели. А потом займемся твоим заданием, — Нашетания зашагала.

Другой Кьема не участвовал в сражении. Он был посланником. И Тридцатый, глядя Нашетании вслед, заговорил шифром:

— Четырнадцатый, направляйся к входу лабиринта. Поиски доверяю тебе. Постарайся все передать. Нам нужно срочно уничтожить Фреми. Адлет захватил в заложники товарища и грозит совершить самоубийство. Мы не можем рисковать, ведь не знаем, кто седьмой. Ничего не упусти.

Кьема сорвался с места. А Нашетания шла, ничего не говоря.

* * *

Барьер, защищающий Адлета, становился все тоньше, и Фреми это видела. Если барьер падет, забрать Мору будет несложно. Благодаря Ролонии, ситуация полностью переменялась.

Но Фреми была растеряна. Предательство Ролонии никто не ожидал. Обычно она слушалась всего, что говорил Адлет. Но теперь переубедить ее не получилось бы.

Ролония и раньше могла впадать в бешенство, защищаясь. Она менялась и вела себя не как робкая девушка.

Но та Ролония никак не вязалась с нынешней. Фреми краем глаза посмотрела на Ханса. Он, казалось, ожидал ее предательства. Но и он был в замешательстве от всей ситуации. И было не понятно, почему Ролония изменила свое мнение так внезапно.

— Погодите, Ролония, Фреми, враг... Агх!..

Адлет страдал от боли. Это могло быть только игрой, но лицо его так кривилось, что уже не было впечатления, что он притворяется, что ему больно.

— Враг... атакует, — кричал Адлет. — В моей голове звучит голос. Он пытается заставить меня переступить через решение сердца и убить Фреми. Голос ужасно громкий и постоянно повторяет приказ. Сопротивляться даже глупо. Кьема управляет духом. Похоже на гипноз. Ролонией уже манипулируют. Я тоже едва держусь. Кьема

использует нас, чтобы мы убили Фреми!

— Врешь, — парировала Фреми.

Но она ощутила сомнение. Поведение Ролонии, слова Адлета... Теперь уже нельзя было с уверенностью заявлять, что это ложь.

— Нами управляют?.. Мной?.. — Ролония склонила голову, глядя на страдания Адлета.

— Да, Ролония, тобой манипулируют. Успокойся и подумай, что происходит! И ты придешь в себя! — а пока Адлет говорил, барьер содрогался. — Ролония, ты же минуту назад говорила другое. Поверь мне. Не дай умереть Фреми. Не позволяй захватывать свой разум!

Ролония, немного подумав, сказала:

— Это даже смешно. Я спокойна, и ничего странного не происходит. Так что никто мной не манипулирует.

«Обычно Ролония тут же поверила бы Адлету», — подумала Фреми.

— Да, я хочу защитить тебя. Не хочу, чтобы ты умер. Если мне позволят убить Фреми-сан, то Ад-куну умирать не нужно.

— Нет! Я же говорил раньше! Враг хочет убить Фреми! И так мы только поможем врагу! Подумай хорошенько!

Ролония покачала головой.

— Нет. Фреми-сан нужно убить, а Ад-куна — защитить.

Хлыст Ролонии взметнулся. Фреми невольно отскочила, а хлыст целился в ее артерию. Он бы выжал из раны всю кровь, если бы задел.

— Стой. Сначала нужно спасти Мору, — сказала Фреми. Барьер все еще держался. А в руках Адлета была бомба, которую он мог активировать в любой момент. Она не могла умереть, пока Мора не была спасена.

— Вот как...

— Мы не можем бросить Мору. Ты сама должна это понимать.

— Да... Мору-сан, как и Ад-куна, нужно защитить. Что же... мне делать?

Адлет же обратился к Фреми.

— Фреми, я должен сказать. Враг намерен убить тебя, и Къема уже атакуют. А ты все еще думаешь, что я вру?

«Адлет — седьмой. Слова его — ложь. Я была в этом уверена. Но и ситуацию я теперь не понимаю. И не знаю, что делать».

— Беги отсюда. Обдумай все. Нам нужно управлять собой!

* * *

Адлет страдал из-за приказа, повторяющегося в голове. «Убей Фреми». Голос становился все громче. И от борьбы с этим приказом он ощущал приступы тошноты.

Но ситуацию можно было изменить.

«Фреми заметит, что Къема атакуют сами по себе. Если я умру, они поймут, что это действия врага».

Главное, чтобы не случилось другой смерти.

Но тут Ханс сказал:

— Так Ролонией управляют?

Адлет был удивлен его вопросу, как и Фреми.

— Смерть Ад-куна не нужна и станет причиной паники...

— Ханс, Ролония точно...

— Даже если ею управляют. Что с того? — равнодушно сказал Ханс.

— Но...

— Все так просто. Ты все это сочинил. И все это понимают, нья.

Фреми думала. И кое-что заметила. Растерявшись, Фреми уже начинала сомневаться во всем. И в том, враг ли Адлет.

— Как глупо... Я не заметила.

— Точно, нья, Адлет. Значит, Къема нападают на Фреми? И каким-то гипнозом Къема управляет Ролонией, приказывая ей нападать на Фреми? Адлет, нья, это все лишь твоя игра. Врагу нет смысла убивать Фреми, ведь она сама готова умереть. Это ты думаешь, чтобы она не умирала. Значит, вот в чем твоя цель? Доззу,

нья, прячется от Тгуней и не мог связаться с седьмым. Никто не мог отдать такой приказ. Так что придумать приказы Къема вполне в духе седьмого, нья.

— Прекрати, Ханс, — кривясь от боли, сказал Адлет.

«Этот парень. Он просто ужасен», — Адлет опасался Ханса.

— Фреми, не дай себя обмануть. Это все не по-настоящему. Къема не пытаются тебя убить.

— Нет! Ханс, это ты мог управлять Къема. Притворяться, а потом убить таким образом! Не верь ему, Фреми!

Фреми ничего не сказала.

— Ханс приказал Къема тебя убить. И это его притворство плохо пахнет. Тогда тебя убьют беззащитной. Этого он хочет!

«Барьер вот-вот исчезнет. Если Фреми мне не поверит, все кончится плохо», — думал Адлет.

— Нья, Ролония. Хочешь защитить Адлета, нья?

Ролония опешила от вопроса Ханса.

— Так и есть. Я никогда не убью Адлета. Чтобы исполнить задуманное, можно ранить. Но точно не убить. На такой вариант я согласна.

Ролония ненадолго задумалась и пробормотала:

— Д-да, понимаю. Если Ад-кун защищен, все хорошо.

«Может, еще есть шанс вернуть ее в сознание», — подумал Адлет, но не успел обратиться к Ролонии.

— Фреми. Что ты думаешь? Къема пытаются тебя убить? — спросил Ханс.

Фреми ненадолго задумалась, не убирая ружья, нацеленного на Адлета.

— Нет. Седьмой — Адлет. А у тебя нет причин пытаться убить.

«Плохо дело», — стоило это подумать, и пленка света перед Адлетом исчезла.

Увидев, что барьер погас, Фреми подумала:

«Вот и конец. Хотя нас могли обмануть, Ханс все решил».

— Спасение Мору предоставьте мне. Его левая рука ранена, а если вы выстрелите или ударите хлыстом, он попыбует убить Мору. Я заберу бомбу и брошу в сторону, — сказал Ханс, приближаясь к Адлету. — Мы услышим правду, Фреми умрет, а сейчас нужно спасти Мору.

Фреми продолжала целиться в Адлета.

— Фреми, постарайся его не упустить, если он решит сбежать. Этому я не удивлюсь, нья. Ролония, если он начнет говорить, тут же убивай Фреми.

— Хорошо, я так и сделаю. Но, прошу, не убивай Ад-куна. Можно ранить, но если убьешь, я свое убийство не исполню, — проворчала Ролония.

«На этом Адлет перестанет сопротивляться. Погибнет. А я смогу умереть», — Фреми была рада, но ощущала и боль в груди.

Не страх смерти.

Фреми растерялась из-за странной боли в груди.

— Адлет, ты старался. Твоя речь еще недавно была очень убедительной. И ты оказался изобретательным, чтобы защитить Фреми. Ты хоть и слабее, но не сдаешься. Вот только Фреми — Черный Пустоцвет, и она готова умереть. Бороться уже бесполезно.

Ханс опустил пустые руки. Он ждал момента напасть на Адлета. Хотя Ханс и был сильным, он не мог недооценивать противника. Он мог бросить бомбу в любой момент, совершив суицид.

Адлет, кривясь от боли, зло смотрел на Ханса.

— Изображаешь, что борешься с гипнозом. Пора бы тебе прекратить.

— ...Замолчи, Ханс.

«Ханс обещал не убивать Адлета. Но вряд ли Ханс так все закончит. Или Адлет погибнет сам, или ему придется сдаться».

Фреми вспоминала прошлые сражения. Каждый раз, как у Адлета были проблемы, у нее появлялась боль в груди. Сражение с Нашетанией, попытка убить Тгуinea, бой с мертвыми солдатами во время попытки помочь Ролонии. Каждый раз Фреми чувствовала это.

И сейчас она чувствовала ту же боль.

«Это какое-то наваждение».

Теперь уже было ясно, что он — седьмой. Так что в этом чувстве не было смысла.

«Конец уже близко. Вот и появляются странные мысли. Нужно забыть об этой боли в груди».

— ...

Безмолвное сражение началось. Между Хансом и Адлетом было около пяти метров. Оба смотрели друг на друга. Ханс выжидал подходящего момента. Адлет не спешил лезть в сражение, сжимая в отчаянии бомбу в левой руке.

«Чем дольше он медлит, тем лучше для Ханса. Мора может проснуться. И Адлет не будет сосредоточен вечно».

Сражение продолжалось, Адлет не сделал ни шагу.

В тишине прогремел выстрел. Выстрелила Фреми, и пуля пронзила бедро Адлета. Ханс мог бы воспользоваться шансом и выбить бомбу.

— Упрямый... — процедила Фреми.

Ханс не двигался. Адлет — тоже.

Боль охватила его ногу, но Адлет держался. Его хватка на бомбе в левой руке даже не дрогнула.

«Нельзя колебаться во время атаки», — думала Фреми, перезаряжая ружье.

— Фреми-сан, Ад-кун, — сказала на фоне Ролония. Спиной можно было ощутить ее жажду крови.

— Я не убиваю. Я помогаю Хансу, — сказала Фреми.

Ролония не могла справиться с желанием убить Фреми.

«И все же ею могут управлять. Или она может играть по плану Адлета. Если я не умру здесь, это будет на руку врагу».

И тут Фреми увидела. Адлет, кривящийся от боли, смеялся.

Часть вторая

Голова Адлета болела. Нога болела. И в голове продолжал звучать приказ: «Убей Фреми». В одиночку терпеть эту боль, сопротивляться голосу Адлету было невероятно сложно.

А еще перед ним был Ханс. И если Адлет упустит бомбу, то предоставит ему шанс.

Он не мог терять головы, как и не имел права умереть.

«Это сущий ад, — подумал Адлет. — Место, в которое бог бросает людей для наказания. Туда попадают плохие люди. Так говорила сестра в детстве. И Атро говорил, что бог существует, что ад и небеса — не сказки».

Всем сердцем Адлет взывал:

«Эй, учитель, что же видели вы? И сестра, скажи мне. Неужели я так плох?»

И Адлет отметил:

«Фреми могла так думать, ведь это мы заставили ее шагнуть в этот ад».

Адлет больше не мешкал. Он хотел защитить Фреми. Хотел ей счастья. Его решимость не могла пошатнуться.

Но у него могло не остаться сил. У него уже не было союзников. Не было козырей. И Адлет смеялся. А смех в таких ситуациях был тем, что он первым выучил у Атро.

* * *

Она хотела помочь Хансу. Она могла выстрелить. Но нападать на Адлета нужно было осторожно. И Фреми выжидала момент с ружьем в руках.

Адлету было больно. Но все его слова про Къема, пытавшегося управлять ими, были, ясное дело, ложью. И он притворялся, что Къема хотят манипуляцией убить Фреми. Кровь все еще стекала из его раны на ногу на камни. Скоро Адлет достигнет предела. Но он все еще смеялся. Истекал потом, но смеялся.

— Больно смотреть, нья... Может, уже сдашься, нья? — Адлет не ответил на слова Ханса. А тот следил за рукой с бомбой.

«Зачем смеяться? Не понимаю его поведение. Никак не могу понять. Мы с Хансом загнали Адлета в угол», — Фреми не знала значения его смеха.

А еще Фреми не понимала, почему Адлет так старается ее защитить. Сколько он мог терпеть боль? Был ли ему дан какой-нибудь приказ от Тгуней? Она все равно не видела ничего, стоящего защиты.

Мысли роились в голове Фреми. она прогоняла их. Мысли об Адлете, особенно, хорошие. Мысли о связи Адлета с Тгунеем, ведь это еще не было доказано.

«Он седьмой. Я должна умереть из-за приказов Тгуней. А слова о любви и защите лишь ложь», — мысленно повторяла Фреми.

Она знала точные факты. Этого хватало.

— Ад-кун, хватит. Нет никаких причин защищать Фреми-сан, — сказала Ролония сдавленным голосом. — Фреми-сан сама выбрала смерть. Так что сдавайся.

Ею управлял Кьема. Адлет тоже слышал этот приказ.

— ...Пожалуйста, — сказала Ролония и взмахнула хлыстом, целясь в ноги Фреми, та едва успела увернуться.

Призрачный шанс отогнать всех от Фреми исчезал.

А в голове Фреми появились сомнения. Зачем было притворяться, что хочешь убить себя? Притворство его могло далеко зайти.

Вопрос пришел и ушел, ведь думать о таком было глупо.

Она взглянула на Адлета. Он защищал Фреми по приказу Тгуней. Другого объяснения его поведению она не видела.

«А на самом деле он испытывает ко мне отвращение», — но пока был шанс, что из-за Фреми пострадают Герои, она не могла защищать себя, как истинный Герой.

Она сосредоточилась на сражении с Адлетом и напредила себе:

«Все это будет не зря».

— ...

Фреми создала в своей ладони небольшую бомбу. При прямом

попадании такая вряд ли убьет. И вряд ли такая бомба заденет бомбу в руке Адлета.

Но если Адлет и выстоит против удара, но уронит бомбу, она взорвется. И заденет Мору. Впрочем, рана не будет смертельной.

Адлет медленно пятился от Ханса. Он смеялся, но теперь чуть нахмурился.

Фреми бросила две маленькие бомбы. Цель была точной, атака направлялась в одну точку.

Бомбы упали у ног. Адлет против такого удара не выстоит. И Ханс сможет добраться до бомбы.

— Нья, — Ханс двинулся. Как кот, прыгающий на мышь, он прыгнул, целясь в грудь Адлета.

И хотя бомбы попали по ногам цели, Адлет продолжал сопротивление. Выхватив свободной правой рукой меч, он пытался отбиться от наступающего Ханса.

Ханс отреагировал. Он выхватил один из мечей, блокируя удар Адлета.

Но Адлет так и не выпустил свой меч.

— Унья, — Ханс повернул свой меч. Он резко опустил лезвие на левое запястье Адлета. Удар был быстрым, и Ханс решил, что так мог отрезать врагу запястья.

Адлет резко отскочил, избегая удара, изогнувшись. А меч уже устремился к боку Адлета. Брызнула кровь, лезвие вспорол несколько поясов. По земле рассыпались мешочки.

«Плохо дело», — подумала Фреми. Руки Адлета уцелели, и у него появилось время взорвать бомбу.

Палец Адлета двинулся к кнопке. Ханс тут же отскочил далеко назад. Фреми едва успела заметить, как бомба упала на землю.

Но взрыва не произошло. Фреми поняла, что это был блеф. Но такой ход не мог быть просто так, он что-то задумал.

— Ханс, осторожно!

Отбросив бомбу, Адлет метнул в Ролонию дротик. Дальше он намеревался попасть по Хансу. Так он мог бы остановить сражение.

Но Фреми тут же создала маленькую бомбу и бросила под ноги Адлета. Так она давала Хансу время уклониться.

Фреми думала, что Адлет уклонится от бомбы. Или бросит дротик в Ханса, не заботясь о бомбе.

Но Адлет поступил неожиданно. Не думая о брошенной бомбе, он взмахнул ногой и отбросил в сторону упавший мешочек.

Кисет упал и откатился. Бомба взорвалась у ног Адлета. Он успел отскочить, избежать взрыва. Но кожа Адлета все же обгорела. Мора, все еще не пришедшая в себя, тоже получила раны.

— Не вышло!

Ханс вскочил и вскинул меч. Адлет ударился спиной о стену. А из кисета, еще оставшегося на поясе, он выудил бомбу.

— ... Черт, Фреми-сан... не смогла убить, — закашлялась Ролония.

Пока она уклонялась от дротика Адлета, она не упустила шанс убить Фреми. Но дело было поправимым. Шансов будет еще много.

— Нья.

Ханс взглянул на мешочек, лежащий на земле. Адлет защищал этот мешочек от бомбы Фреми. Она тоже это заметила.

«Почему он хочет защитить этот мешочек?»

Ханс пытался понять, что происходит, он открыл мешочек. Заглянув внутрь, Ханс растерялся.

— ...И как это понимать?

Он высыпал содержимое на пол. А Фреми не могла отвести взгляда от того, что выпало из мешочка. Этого она никак не ожидала увидеть.

Но ошибки не было. Фреми с детства хранила его. Она не выбрасывала его долгое время, даже если хотела. А потом все же решилась.

Из мешочка выпали обломки собачьего свистка.

* * *

«Дурак я», — подумал Адлет, приходя в себя после взрыва.

Но не было времени мешкать, пока все были отвлечены на свисток. Адлет должен был убить Ханса ядовитым дротиком. Вряд ли он успеет попасть, но хотя бы использует шанс.

Он хотел защитить свисток, но не мог при этом жертвовать Фреми.

Адлет не сводил взгляда со свистка среди прочих разбросанных предметов. Бомба откатилась, ее оттолкнули ногой.

Из мешочка высыпался мусор. Но обломки собачьего свистка еще можно было починить. Если же обломки раздавить, то такой важный для Фреми свисток станет лишь мусором.

У собаки не было имени, но свисток мог ее позвать.

«Я не позволю этого сделать. Я же сильнейший в мире. Я не дам разбить свисток».

Хоть предсказать и было сложно, но защитить Фреми еще можно было. Ее жизнь была важнее. А свисток напоминал о счастливой Фреми.

— Унья, — Ханс занял стойку, нацелившись на Адлета. Ситуация стала только хуже. А теперь еще ноги болели после взрыва.

А Адлет все равно продолжал смеяться.

* * *

Обломки собачьего свистка упали на землю. Фреми смотрела на них. Ханс и Ролония не заметили этот взгляд Фреми. Адлет тоже не смотрел в ее сторону.

— ...Почему? — выдохнула Фреми.

«Зачем Адлету свисток? Зачем Адлет хранит его? От таких ожогов можно и ноги потерять. И хотя он отделался малым уроном, ведь взрыв был слабым, можно было и погибнуть. Так зачем рисковать, защищая свисток?»

Обломки свистка были значимыми только для Фреми. И больше никто не понимал бы значение этой вещи.

«Свисток. Обещаю, так ты вернешь собаку. Я же сильнейший в мире. Мои обещания не нарушаются», — Фреми вспомнила слова Адлета, произнесенные пару часов назад. Она не поверила ему тогда.

Она не понимала, зачем Адлету свисток. Он мог так пытаться надавить на Фреми. Доказательств не было.

Обломки отвлекали Фреми, а Ханс взмахнул мечом, пользуясь моментом, ведь Фреми бросила бомбу.

«Это могло быть и совпадением. Или меня пытаются использовать. Но ведь в свистке нет никакой ценности».

Адлет не мог сдержать обещание. Не мог. Он ведь седьмой. Он использует Фреми, чтобы убить Героев. Такова его цель.

Но Фреми напомнила себе, что сама выбросила свисток и сказала, что он ей больше не нужен. Потому и причины, по которым Адлет его оставил, не имеют значения.

И все же Фреми не могла отвести глаз от обломков свистка. Во всем мире у Фреми было только это сокровище, и она сожалела, что выбросила его.

«Невозможно, — подумала Фреми. — Адлет из-за этого забрал свисток?»

«Может, оно и маленькое, но это твое счастье, и я постараюсь изо всех сил ради него», — Адлет пытался защитить свисток. Так он мог пытаться заслужить ее доверие. Вполне возможно.

Но Фреми смотрела на свисток, и что-то зарождалось в ее груди.

* * *

Адлет чувствовал, что силы кончаются. Давление продолжалось, и он не мог отвлекаться ни на миг, иначе его одолеют.

Ему хотелось хоть немного отдохнуть. Боль пронзала все тело, впиваясь в него. Голос приказывал убить Фреми, он все еще звучал в голове. Но Адлет держался и продолжал бороться с Хансом.

«Пока еще силы есть», — думал Адлет. Он не мог так прекратить сражение. Даже если шанса победить не было. Даже если все было зря. Адлет продолжал сражаться и смеяться.

«Адлет седьмой. И мы хотим разрушить планы, убив меня. Так должно быть», — а шанс Фреми вновь встретиться с собакой не мог помешать на пути к победе.

Но он пытался защитить крошечный свисток, что был важен Фреми. И рисковал. Он мог врать, чтобы обмануть ее. Но тогда он врал и все это время.

Она не понимала Адлета. Не понимала, о чем он думает.

Она никак не могла перестать думать об этом. Свисток все же был важен для Фреми.

Из-за него сердце Фреми содрогнулось. Она заметила свои истинные чувства и была рада. Единственное сокровище все же уберегли.

— Адлет, нья. Мог бы уже хоть слово сказать.

Раздумья Фреми продолжались лишь минуту. А Адлет и Ханс не прекращали сражение.

— И что смешного?

До этого не говоривший Адлет вдруг открыл рот:

— Да... я рад.

Фреми подумала, что так он пытается сосредоточиться.

— Чему же?

— К концу сражения Фреми все поймет.

— И что же?

— Как я о ней забочусь.

Услышав это, Фреми не смогла остановить мысли. И она не верила, что когда-нибудь будет о таком думать.

«Адлет не притворялся, что любит меня. Глубоко в сердце я ему нравлюсь. Все же есть много причин отрицать это. Я — ребенок человека и Кьема. Никто не полюбит монстра. Я не привыкла к кому-нибудь рядом с собой. Человек может притвориться, что любит тебя, но это будет только ложь. Так вышло с моей семьей, и с той старой

парой, что я встретила. Значит, и Адлет такой же. Какой бы ни была причина, он притворяется, чтобы использовать меня».

Но сердце Фреми этого не понимало. Оно слышало слова Адлета, видело Адлета и сжималось.

«Я и не позволяла себе думать, что Адлет мог беспокоиться обо мне. Хочу ли я этих перемен? Я не хотела счастья».

Мысли об Адлете теперь не контролировались разумом, ими правило сердце.

«Почему же я не заметила?» — подумала Фреми. Семья тоже многое ей говорила, но эти слова были другими. Он мог на самом деле ее любить.

— ...Адлет, — тихо сказала Фреми. Слова вырвались раньше, чем она успела их обдумать. — ...Прости.

В сознании Фреми всплыли слова Адлета при их первой встрече:

«Я друзей не обижаю».

Слова возникали невольно в сознании:

«Так что я решил, что помогу тебе», — вспомнилась дурацкая привычка Адлета.

«Не волнуйся. Я ведь сильнейший в мире», — перед глазами возникло лицо Адлета, говорящего это, и губы Фреми невольно дернулись:

— ...Помоги мне, — сорвались с губ слова. И Адлет точно слышал слова Фреми, хоть и не сразу осознал их.

— ...Ха-ха, — Адлет смеялся.

«Что это?» — не понимал Адлет. Он был на грани смерти, а Фреми была вполне жива. И это он был в меньшинстве. Но слова Фреми придали сил сердцу Адлета.

Ролония, все же поймавшая Фреми хлыстом за ноги, застыла от этих слов.

Фреми же думала, что не хочет умирать. Понадобилось много времени, чтобы понять это.

Ханс опешил. Он все еще был готов напасть, но его улыбка выдавала удивление, отразившееся и на лице Ролонии.

Часть третья

Все защищались или отбивались. Движения четверых, бывших в одной точке, пересеклись в нападении друг на друга.

«Сбежать шанса нет», — подумал Адлет.

Фреми была рядом с Адлетом. А Ролония решительно намерилась выбить у Фреми первым делом ружье. Она за связанные ноги хлыстом подняла Фреми в воздух, подвесив ее. Кончик хлыста ударил по ружью Фреми. И оно упало на землю.

Но из левой руки Фреми тут же полетел черный порошок. Порох завис в воздухе и взорвался. Тела Фреми и Ролонии обхватило пламя.

— Гу!

Пороха было мало. Фреми и Ролония не пострадали. Зато Ролония немного замешкалась. И выпустила из рук хлыст, тем самым, освободив ноги Фреми.

Хватка на ее лодыжках на миг ослабла, Фреми схватилась за хлыст в воздухе и распутала ноги.

Но хлыст Ролонии не сдавался. Теперь он обвивал не только ноги, но и пытался связать все тело.

Фреми сжала хлыст в кулаке и вырвалась из хватки. Как только она упала на землю, Фреми сделала большой прыжок в сторону. Она пыталась схватить ружье и убраться подальше от Ролонии.

Но и Ханс двигался. Он без колебаний бросился с мечом на Фреми. Фреми тянулась к ружью, а меч летел к ее запястью. И поднять ружье она не успевала.

Ролония воспользовалась моментом и обхватила хлыстом живот Фреми.

— Фреми!

Бросив меч, Ханс пригнулся и бросился к Адлету. Он нападал на руку Адлета, скрючив пальцы, словно кот царапался.

Тело Адлета болело, он был отвлечен Фреми, так что не помешал атаке Ханса. Его пальцы ударили по бомбе, и та выпала.

— А теперь убей Фреми, — сказал Ханс Ролонии.

Но как только бомба отлетела, Ханс отвлекся от Адлета. Этого шанса Адлет и ждал.

Бомба была приманкой, чтобы выдался такой шанс с Хансом.

Адлет тут же снял наручники и отпустил Мору. Он отбросил ее тело к Хансу.

— Нья!

Ханс разрывался между намерением напасть на Адлета и схватить Мору. Адлет откатился в сторону, чтобы быть подальше от Ханса. А Ханс уже не пытался помочь Море, он нацелился схватить Адлета.

— Фреми, я помогу! — крикнул Адлет.

— Осторожно!

А Фреми, отчаянно тянувшаяся за упавшим ружьем, схватилась за него.

Дротик, вызывающий боль, попал в лицо Ролонии. Завизжав от боли, Ролония отвлеклась от хлыста. А пуля Фреми пронзила бедро Ханса. Тот упал, откатившись.

Фреми вырвалась из хватки хлыста на животе. Адлет, шатаясь, спешил к ней.

Адлет был готов защищать Фреми, а она, вскинув ружье, защищала Адлета.

«Правильный ли я сделала выбор?» — думала Фреми, направив ружье на Ролонию.

Но она уже не верила, что Адлет седьмой. Он не пытался ее использовать. Кто-то приказывал ему, он не врал. И хотел ее защитить.

И она не могла считать его седьмым. Адлет говорил, что цель врага — смерть Фреми. Значит, смерть Фреми что-то запустит. Впрочем, об этом Адлет ничего не говорил.

Но если ее смерть входит в стратегию или игру Тгуenea, то она должна выжить. Фреми и Адлет просто стали пешками его плана.

Даже если Адлет и был седьмым, Фреми он защищал вопреки приказу Тгуenea. Была такая возможность. Но могло быть и совсем не

так.

Фреми не верила, что такое возможно. Этот человек впервые дал ей ощутить тепло. Она не могла игнорировать слова Адлета.

«Решение менять не буду», — подумала Фреми.

Пока не будет известна правда, в том числе, и о существовании Черного Пустоцвета, и он истинной цели Къема, ей умирать нельзя.

— Осторожно! — крикнул Адлет. Фреми отреагировала тут же и дотянулась до скривившегося от боли Адлета, поддерживая его тело. — Лучше не надо.

Она знала, что это было. Сила Къема, управлявшего духом, пыталась сломить Адлета. И он не выдерживал.

Его глаза затуманились от головной боли. Его давно стошнило бы, но желудок был пустым. «Убей Фреми». Давление приказом не ослабевало, а силы кончались.

Колени его подкосились. Фреми закинула руку Адлета на плечи.

По щеке Ролонии, пронзенной дротиком, текла кровь. Силы Святой Свежей Крови легко справились с токсином, попавшим в ее тело с дротиком.

Ханс поднялся. Он покачивался на одной ноге, занимая стойку. Хансу пришлось встать почти на четвереньки, раненая нога, видимо, не выдерживала вес.

— Прости, Ханс. Но смерть придется отложить, — сказала Фреми с ружьем в руках.

— А вот это неожиданно. Что случилось? Внезапно испугалась умереть?

— Успокойся. Я не сотрудничаю с Къема. Но решила выяснить правду.

— Адлет — седьмой. Разве это уже не доказано?

— Не знаю. Я все еще не уверена.

Слушая Фреми, Адлет думал:

«Это победа. Как только правда раскроется, Фреми не нужно будет умирать. И седьмой найдется».

Гора упала с плеч Адлета. Он на миг расслабился, и это сыграло

злую шутку. Приказ в голове, голос, раздающийся эхом, тут же стал громче.

— Фреми-сан, тебе нужно умереть, иначе погибнут Герои, — сказала Ролония.

Сила воли Адлета в этот миг пошатнулась под гнетом головной боли. Он так обрадовался на миг, что растерял все силы, чтобы противостоять этому голосу снова.

— Адлет, все хорошо?

Фреми и Ролония с тревогой смотрели на Адлета.

— Беги... — выдавил Адлет. Больше сил не было. Против воли Адлета правая рука замахнулась мечом на шею Фреми.

Фреми избежала опасности, отскочив назад. А тело Адлета теперь покачивалось и двигалось само по себе.

Меч пытался попасть по животу Фреми, Адлет держался за голову.

— Ад-кун!

Адлет пошатнулся, замешкавшись. А хлыст Ролонии тут же нацелился на Фреми.

«Теперь будет жаль, если все так закончится. Фреми еще может сбежать. А я должен защищать Фреми. Или хоть остановить Ролонию», — думала голова.

Но тело поддалось приказу. Меч Адлета нацелился не на Ролонию, а на Фреми.

Еще недавно он пытался защищать, рискуя собой, а теперь сам пытался убить.

Фреми была удивлена, что Адлет напал на нее. А он думал при атаке:

«Прошу, Фреми, избегай меня».

Адлет без колебаний целился в шею Фреми. И меч задел ее тело.

— Адлет...

По двум причинам Фреми избежала атаки. Адлет потерял равновесие незадолго до удара, а Фреми не расслаблялась даже рядом с Адлетом. Кровь текла с шеи, но рана была не смертельной.

— Тобой тоже управляют.

— Беги... от меня. Я... больше... — сказал Адлет. Не слушаясь, тело его направило меч на Фреми.

— Не бойся. Я не умру. У тебя сейчас не так много сил.

Адлет не понимал ее. А Фреми, пригнувшись, побежала. За поворотом она надеялась набрать скорость.

Но путь преградила Ролония. Ханс немного, казалось, растерялся, но тоже был решителен в вопросе, что приоритет сейчас в убийстве Фреми.

Адлет бросил метательный нож и ядовитый дротик в Фреми. Взлетел хлыст Ролонии, замахнулся Ханс.

Спасть шанса не было. Адлет намеревался убить Фреми.

— Ого, — раздался голос, и из потолка, пола и стен тут же вылетели мечи. Один отбил атаку Ханса, другой ударил по хлысту.

От ядовитого дротика Фреми умудрилась уйти сама, как и от брошенного ножа.

— Помнится, я слышала о другом. Можете объяснить, что происходит? — сказала Нашетания, появляясь и переводя дыхание.

— Я хочу узнать правду, — ответила Фреми, защищаясь ружьем.

* * *

Незадолго до этого Тридцатый в углу лабиринта ждал Нашетанию. А она, проверив, успешно ли выполняется стратегия, неспешно возвращалась.

— Я проверила. Похоже, все вышло. Доззу посмотрел на меня и тихо передал сообщение. Спасибо за сотрудничество, — Нашетания склонила голову. — А потом я проверила, как там Фреми-сан. А где ты?

Тридцатый сообщил, где он, где Адлет и передал обстановку.

— Вряд ли Фреми-сан решит умереть до моего появления. А вот Адлет-сан вполне может взорвать Мору-сан.

— ...Адлет непонятный человек. Тгуней-сан говорил опасаться

его. Если утратить бдительность, он может сделать что угодно.

— С этим я соглашусь.

— Он может даже изменить исход боя. Тем более, Адлет, как и Фреми, догадываются, что что-то не так.

И Тридцатый связался с Къема сзади шифром:

«Посланник Тгуней-самы. Направляйся к основным силам Тгуней-самы. Мы почти убили Фреми, приблизили следующий шаг».

Это сказал Тридцатый. Но Нашетания с ним не согласилась:

— О, было бы неплохо вашему посланнику немного подождать.

— Еще немного?

— Да, всего лишь немного. И я попросила бы... — на этом Нашетания перестала говорить человеческим языком, и изо рта ее донесся шифр, который использовал Тридцатый. — Я тут кое-что услышала. О каком следующем шаге речь?

Тело Тридцатого, замаскированное под камень, подрагивало. Он пытался сбежать, уползая по полу.

Но Нашетания тут же призвала множество мечей.

— А мы могли бы сотрудничать и дальше. Ведь Адлет-сан очень опасен.

Тридцатый уже не изображал камень. Оттолкнувшись хвостом, он прыгнул к Нашетании. Тут же Къема, игравший роль посланника, тоже бросился на нее.

— С людьми все равно ничего не добьешься.

В лабиринте раздавались крики двух Къема. Они были короткими. Къема-посланник оставил Тридцатого, откатившись и упав на полу. Нашетания улыбалась, пока рассекала его.

— Спасибо за информацию. Ядро я разрушать не буду. Мы увидимся лет через десять-двадцать. И тогда я тоже тебя поблагодарю, — сказала Нашетания и повернулась к проходу. — Поверь. К тому времени, люди и Къема, все, благодаря тебе, будут жить в мире и гармонии.

Нашетания пошла прочь, говоря это. Но остановилась, что-то заметив.

— ...О, вот и это.

* * *

Внезапное появление Нашетании очень помогло Фреми. Ладно Адлет, но нападение Ханса и Ролонии было опасным. А они теперь нацелились на Нашетанию, оставаясь настороже.

— Ну, Фреми-сан. Я сделала то, что должна была.

— Сначала ответь. Ты все еще союзник Героям?

— Да, конечно.

Ханс, поднявшись, вскинул меч. Ролония приготовила к атаке хлыст. Адлет направил меч на Нашетанию.

До того, как узнавать правду, нужно было остановить сражение. Уничтожить Кьема, управлявшего Адлетом и Ролонией.

— Сейчас мне умирать нельзя. Остановим их.

— Я не против. Я сюда не просто так пришла.

Но спрашивать у Нашетании, почему она защитила Фреми и что она задумала, времени не было. Адлет и Ролония возобновили атаку.

— !..

Пуля Фреми ударила по броне Адлета. Пороха было немного. Броню удар не пробил, но назад отбросил.

Мечи Нашетании ударяли по хлысту Ролонии, но ее саму не ранили.

— ...Фреми, я был неправ. Ты не должна уми-ай... — сказал Адлет, замерев, но через миг схватился за голову и простонал. — Беги сейчас же... другой я... убьет.

Адлет разрывался. Фреми смотрела на него и понимала, что он все еще борется. Он продолжает сопротивляться, чтобы не убить ее.

— Ханс, твои слова. Что это все уловка Адлета. Что он притворяется, чтобы убить меня, — заговорила Фреми с Хансом, державшим меч наготове. Разве похоже, что он притворяется?

— Да. А ты, вижу, все еще жива. Хватит уже убегать от судьбы.

«Нет, — подумала Фреми. — Если бы не перемена в сердце, если бы не кусочки свистка, я бы уже умерла».

— Он сразу это задумал, нья. Черт, как он всех переиграл. Да... Адлет все-таки впечатляет.

Ханс смеялся. Его улыбка отличалась от улыбки Адлета, она была жестокой. Он смотрел на Адлета с желанием убить. Но пока что Ханс на Адлета не нападал. Если он попытается убить Адлета, вмешается Ролония. Ею управляли, но она все равно хотела защитить Адлета.

— Фреми, себя убить не хочешь, нья?

— Не сейчас.

Будь этот разговор немного раньше, Фреми сдалась бы. Но теперь она направила ружье на Ханса без колебаний.

— Прости, но я больше тебе не верю. Я не могу здесь умереть.

— Тогда мне придется тебя убить, нья.

Нашетания удерживала Адлета и Ролонию, пока Фреми боролась с Хансом.

Нога Ханса была ранена, но он без проблем держал меч. В схватке один на один у него оставалось преимущество.

— Нашетания, задержи их, — сказала Фреми и бросила на землю маленькую бомбу. Взрыв задержал Ролонию и Адлета. Нашетания защищала путь к отступлению, пока Фреми побежала прочь.

* * *

Адлет уже не мог остановить тело, нападавшее на Фреми. Хотя он все равно продолжал отчаянное сопротивление. На миг овладев собой, он крикнул Ролонии:

— Ролония! Позаботься о Море!

И тут Ролония вспомнила.

— Т-точно, я же забыла о Море... Ч-что ж-же...

Ролония не знала, стоит ли ей преследовать Фреми, или остаться и помочь Море. Она закинула на спину бессознательную Мору и

побежала за Фреми. Но теперь ее движения были скованными.

И хотя Адлет смог заговорить, тело двигалось против его воли. Уклонившись от меча Нашетании, он попытался последовать за Фреми.

«Борись», — говорил себе Адлет.

Теперь уже даже слова не получалось выдать, они застревали в горле.

Все закончилось. Бой был проигран. Но Адлет не собирался так сдаваться.

* * *

Фреми бежала с помощью Нашетании.

Ролония и Адлет уже мчались за ними. Ролония бежала медленно, Адлет был ранен. Но с Хансом это не сработало. И Фреми бежала по лабиринту, бросая бомбы. Они могли остановить на время остальных, но Ханс отскакивал на стены, и на него бомбы не оказывали эффекта.

— А ты сильный, Ханс-сан, — беспечно сказала Нашетания.

«Зачем жить? Ради чего убегать?» — спрашивала себя Фреми. Ее убедили, что она должна погибнуть, ведь она — Черный Пустоцвет. Живой она уничтожила бы Героев.

Фреми отогнала всплывающие вопросы.

«Къема пытаются меня убить».

И хотя она собиралась умереть, теперь она не могла предать Адлета.

— Задержи Ханса. А я — вперед.

— Одна? Будет туго.

— Я ненадолго. Нужно изменить ситуацию, — и добавила, обратившись к Хансу. — Если ты не седьмой, то пойми. Я умру ради Героев. Решение не изменилось.

— Нья, но и я не остановлюсь.

Обойдя меч Нашетании, Ханс бросился за Фреми. Но Нашетания

помешала ему своим тонким мечом.

— Фреми-сан. На развилке из пяти путей в лабиринте можно кое-кого найти. Важного Къема, — сказала Нашетания, схватив рукой неплохой меч. — Если ты мне веришь.

Мечи вылетали из потолка и стен. Фреми, скептически поглядывая на них, продолжала бежать.

* * *

— Мора, я тебе помогу, — Ролония с Морой на спине бежала по лабиринту. Она могла остановить кровотечение на шее Моры, избавиться от яда в ее теле, управляя кровью.

«Ее сила поможет поймать Фреми-сан. А с Хансом-саном и Адкуном мы сможем загнать ее в тупик», — Ролония могла думать только о смерти Фреми. Желание убить ее захватило ее.

* * *

— ...Ха-ха.

Адлет в одиночку бежал по лабиринту. Его тело было послушно приказу, словно кукла.

Но Адлет боролся. Ему нужно было сделать все, лишь бы защитить Фреми.

* * *

А Фреми спешила к указанному месту в начале лабиринта. Она много раз сворачивала не туда. Без помощи Моры двигаться по лабиринту было очень сложно.

Стиснув зубы, она искала правильное направление. Она не хотела упускать этот шанс.

* * *

«Тридцатый... что ты делаешь?», — недалеко от входа был Четырнадцатый. Он уже терял терпение. От Тридцатого все еще не пришло вести. Он говорил, что свяжется, если Фреми погибнет. Но время шло, Тридцатый не показывался, посланник тоже не приближался.

Четырнадцатый начинал думать, что он провалил задание.

Адлет и Ролония. Пока что он управлял только ими. Тридцатый говорил убить только Фреми. Но двоих ему не хватало. Среди Героев было лишь двое с выдающейся силой.

Другого выбора у него не было. Четырнадцатый решился. Он хотел все исправить.

Но при этом ему было не по себе. Используя столько сил, он продержится не больше десяти минут. Но он хотел успеть убить Фреми.

Чамо Россо. Сильнейшая из девушек-Героев, ее сил может хватить для убийства Фреми.

Управлять еще одним человеком, кроме Адлета и Ролонии. Внедрить желание убивать. Это могло дорого обойтись, но Четырнадцатый использовал силу.

И он издал волны, вызывающие желание убивать.

* * *

— Это... — тихо сказала Чамо, пока искала Нашетанию. Она услышала вдали шум и отправила туда Джума. — ...Что же это?

Другой причины она не видела. Да и в этой причине она не видела смысла.

— Кот-сан, зря. Нашетания не так важна, если не убить Фреми.

Чамо созвала всех Джума. И изменила приказ. Теперь они должны были найти и убить Фреми. Джума расползлись по лабиринту.

* * *

Ипуская звук, Четырнадцатый думал:

«Чамо поддалась волне. Победа. Приказ седьмого будет выполнен».

Но Четырнадцатый не знал, что своими силами отодвигал смерть Фреми. О его способности уже знали. Он же об этом не догадывался, как и о том, что Тридцатый уже побежден.

Четырнадцатый прислушался и различил тихие шаги в коридоре. И на вершине лестницы появилась Фреми. И тут Четырнадцатый все понял. Уже было слишком поздно. Фреми что-то бросила.

Четырнадцатый заметил это и закрыл глаза.

* * *

Взрывы сотрясали весь перекресток. Фреми бросала множество бомб, они попадали по полу, стенам и потолку, взрываясь.

Враг прятался где-то здесь. Его не было видно. Потому его и не заметила Мора.

Но Фреми не тратила время на тщательные поиски. Она взрывала все, намереваясь так дойти и до врага.

— Вот...

На глазах Фреми обломки камней принялись медленно менять облик. И появился Кьема, похожий на огромного жука. Она его не знала.

«Раз он был в облике камня, Мора могла его и не заметить», — Фреми кашляла. Она посмотрела на Кьема свысока. Она не знала, был ли этот Кьема тем, что управлял Адлетом и Ролонией. Теперь оставалось только ждать.

* * *

И вдруг Адлет ощутил приступ головной боли.

— О, неожиданно.

Физическое состояние изменилось, у него закружилась голова.

Он уперся рукой в стену, вздохнул. Желание убить Фреми, захватившее его, полностью исчезло.

— Победили?.. — борьба была окончена.

Адлет тут же опомнился. Ханс все еще преследовал Фреми. И он не знал, есть ли еще враги.

— Фреми, я уже в пути! — крикнул Адлет и сорвался с места, полный решимости.

* * *

— ...О? — Ролония застыла и схватилась за голову. Она не могла понять внезапную перемену. Она была растеряна. И она побледнела, поняв, что творила совсем недавно.

«И почему я не заметила? Почему не поверила ему?».

Адлет и Фреми, даже Ханс говорили, что мной управляют. Но я их не слушала. Я думала, что они сошли с ума.

— Ролония. Что случилось, черт возьми? — пришла в себя Мора. — Они преследуют Фреми? Къема появились? Почему сражаются с Ханс и Нашетания? Зачем Адлет на меня напал?

— Э, оно... это... — Ролония была в панике. Она не могла ничего описать.

— ...Ладно, ты тоже не знаешь. Но нужно остановить сражение. Все, слушайте меня, — Мора слезла со спины Ролонии и использовала силу горного эха. — Сперва спрошу. Фреми, почему ты все еще жива?

* * *

Проем был заполнен дымом, и Фреми стояла одна посреди него. Не было видно ни Ханса, ни Ролонии. И Къема не нападали. Но тут раздалось эхо Моры.

— Фреми, ты жива? И даже невредима? — Мора была потрясена. Она еще не пришла в себя после столкновения с Адлетом.

— Мора, ситуация изменилась. Пока что я не собираюсь

умирать.

— Ты больше не Черный Пустоцвет?

— Не в том дело. Нужно все обсудить. Скажи всем, что нам нужно поговорить.

— Я начинаю думать, что ты боишься умирать.

— Нет. Перед тем, как вы примете решение, нужно все обсудить. И то, что с каждым случилось, и мнения каждого. Если все будут хотеть моей смерти, я подчинюсь. Если нет, последую этому решению.

После долгой паузы Мора сказала:

— Я свяжусь со всеми. Подожди меня.

Глава шестая

Верить в любовь

Часть первая

— Седьмой сможет довести Фреми до самоубийства, — сказал в темноте Тгуней.

Тринадцатый день после пробуждения Маджина. Барьер Тумана Иллюзий пал, и Нашетания была в бегах.

Слова Тгуinea слушал Къема-ящерица с тремя крыльями.

— Тревожусь ли я? Да, о том, будет ли успешным план. Эта тревога понятна. Ты ведь знаешь мою стратегию. И тебе она может показаться неполной.

Къема с тремя крыльями ничего не говорил.

— Я думал об этом. В мире не существует идеальной стратегии. Бесполезно даже пытаться ее сотворить. Предсказать полностью поведение врага можно, если знать, чего он хочет больше всего. Но дело не только во враге. Все могут повести себя непредсказуемо. Небольшая ошибка, внезапный союзник — и весь план тут же становится провальным.

— Это так, но...

— Враг всегда будет действовать, потому и нельзя создать идеальный план. Нельзя. Ты можешь случайно обронить семя, а оно взойдет. Оно приведет к новым ошибкам. И я долго думал, можно ли преодолеть эти бесконечные попытки. Было бы неплохо...

Къема с тремя крыльями не отвечал. Тгуней и не ждал ответа.

— И я решился создать план. Когда создаешь стратегию, нужно продумывать возможные отклонения от плана, оставлять место шансу, что что-то пойдет не так. Я верил, что это поможет. Что нужно попробовать.

— ...

— Теми, кто верит, просто управлять. Но одной веры в этом мире не хватает. Я знаю, что многие предают, но те, кто верят в меня, этого не сделают. И это лучше всего.

Тгуней многие верили. Это Къема с тремя крыльями знал.

Къема с тремя крыльями думал о прошлом. Тогда он стал телом для Тгуinea.

Тгуней начал создавать ребенка — Фреми, рожденную от человека и Къема. Он помогал ей расти сильным воином, но она предала его.

Тгуней говорил, что Фреми должна была стать настоящим Героем Шести Цветов, чтобы в нее можно было внедрить Черный Пустоцвет.

Къема с тремя крыльями мало знал о Святых инструментах, так что попросил тогда объяснить ему все подробнее.

Черный Пустоцвет был очень сильным Святым инструментом, но и очень сложным. Для его работы необходимо было соблюдение множества условий.

Во-первых, Черный пустоцвет нужно было вселить в тело Къема. Попытки внедрить Пустоцвет в тела пары десятков людей, жителей деревни, провалились. Тело человека менялось из-за Черного Пустоцвета, и люди при этом погибали, не выдерживая перемен. Успешными были попытки в теле Къема.

Тела Къема могли выдержать изменения, к которым приводило внедрение Черного Пустоцвета.

Но только в теле Къема Черный Пустоцвет не мог стать максимально сильным. Для этого нужно было, чтобы на теле была настоящая метка Героя.

Потому Пустоцвет не работал в телах обычных людей. И поглощать силу других меток он мог, когда обладал своей.

Тела Къема не могли получить метку. Это могла сделать только Фреми.

Но метку давали только тем, у кого было сильное желание уничтожить Маджина. Къема клялись в верность Маджину с момента рождения, потому никак не могли поклясться уничтожить его.

Для этого у Фреми должно быть тело человека, но разум Къема. Это узнал от Тгуinea Къема с тремя крыльями.

Но Тгуней сказал и то, что только внедрение Пустоцвета в тело Фреми не привело бы к победе. Дочери Къема Герои могли и не поверить.

И Фреми могла отчаяться, не отбиваться и погибнуть от их рук.

Потому Тгуней и пришел к выводу, что нужен человек, что защитил бы Фреми.

* * *

Мора созвала всех собраться в одном месте. И Фреми стояла безмолвно там. И она чувствовала не радость победы, а тревогу и смятение.

Она была Черным Пустоцветом, так что все еще поглощала силу меток, сама того не понимая. Къема, управляющий духом, точно пытался ее убить, Но еще не было ясно, к чему приведет ее смерть.

Адлет говорил, что ее гибель — ловушка Тгуinea, в результате которой погибнут все Герои.

— Это все твой план, Адлет. И ты пытаешься всех убить, нья, — заявил Ханс. И кто-то из них был прав, а кто-то врал. Кто-то из них мог оказаться седьмым, а могло быть и так, что ошибаются оба.

Потому судьба Фреми оставалась нерешенной.

— Почему ты еще жива? — спросила Чамо, появившись из лабиринта первой. Увидев Фреми, Джума, что были с ней, приготовились к сражению. Фреми тут же вскинула ружье. — Чамо была рада, услышав, что ты убьешь себя. Ты все-таки предала Героев?

— Ситуация изменилась, — ответила Фреми, глядя, как Къема заполняют проем. Она создала маленькую бомбу в левой руке. — Къема пытаются убить меня. Я не знаю, почему.

— Къема? О чем ты? Ты несешь бред.

— Разве я не просила прекратить сражения? — раздался голос Моры через ее эхо. Но голос было слышно и из одного из проемов.

— Я согласен с Морой. Нужно сначала разобраться, а потом сражаться. Мы даже не знаем, что происходит, — пришли Доззу и Голдоф. Чамо увидела Доззу и разозлилась.

— ...Чертов пес. Куда ушла принцесса? Что ты сказал ей делать?

— Я не знаю, где она и что замышляет.

— Врешь. Вы с принцессой что-то задумали, — заявила Чамо.

Доззу проигнорировал ее.

Голдоф тоже был удивлен, что Фреми жива. Но он не пытался сразу ее убить, в отличие от Чамо, наверное, потому что не понимал ситуацию.

— Мы принесли вещи. Не знаю, нужно ли это было? — Голдоф принес все ценное из комнаты, где была Святая Одного цветка.

«Какая забота», — подумала Фреми.

— Фреми — Черный Пустоцвет? Доказательства нашли?

— Боюсь, что нет. И ситуация становится только хуже.

Голдоф нахмурился. Чамо яростно смотрела то на Доззу, то на Фреми.

— Фреми! — услышав этот голос, Фреми ощутила облегчение и толику тревоги. Адлет, задыхаясь, пришел в зал, откуда отходили пять путей. Увидев Фреми, он с облегчением выдохнул. — Ты в порядке...

Фреми не могла смотреть на Адлета. Он был сильно ранен из-за нее.

— Прости.

— Ничего. Ты жива, так что извиняться не за что, — рассмеялся Адлет, словно все было в порядке. Но Фреми не могла на него смотреть, как и не могла понять его чувства.

Она была уверена, что он ненавидит ее. И из-за этой ошибки он пострадал.

— О, еще один, кого Чамо хочет убить, — проворчала Чамо. — Что-то стало слишком много тех, кого Чамо хочет убить.

— Адлет, я все еще думаю, что ты — седьмой.

— Голдоф, это еще не доказано, — сказала Фреми.

— ...Но я все равно ему не доверяю.

Фреми стояла с Адлетом. Голдоф и Чамо были против них. Наконец, появились задыхающиеся Ролония и Мора. Опираясь на плечо Ролонии, Мора все еще страдала от эффекта парализующего дротика.

— Адлет, зачем ты напал на меня? Объясни, — Мора не спешила

сражаться. Но и не скрывала враждебности к Адлету. — Я понимаю, что ты пытался защитить Фреми. И хотел всех убедить в этом. Но разве ты не перегнул?

Фреми вздохнула.

— И ты ему тоже не доверяешь.

— Все готово... — из-за Моря послышался звон меча. Задыхающаяся Нашетания выскочила в центр. На ее теле виднелись порезы, она все это время сражалась с Хансом. — Голдоф, помоги. На меня нападает Ханс-сан.

Ханс появился следом за Нашетанией, направил меч сначала на Адлета, потому на Нашетанию, а потом и на Фреми.

— Ханс, погоди. Сначала объясни, что происходит, — сказала Мора.

— Нья, я сделаю это после смерти Фреми.

Чамо тут же подвинула Джума. Адлет, Фреми и Нашетания вскинули оружие. И только Ролония в панике застыла на месте.

Мора, Доззу и Голдоф решили вмешаться.

— Разве я не обещала, что мы поговорим? Или вы можете слушать, только если связаны?

Ханс понял, что бой сейчас не поможет, и опустил мечи. Чамо остановила Джума.

— Хорошо, Ханс. Решим все словами, а не мечами, — улыбнулся Адлет, и Ханс ответил улыбкой.

— Идея не так и плоха.

Мора вздохнула и осмотрела собравшихся:

— Кто начнет первым?

* * *

Первым о случившемся рассказывал Адлет.

Ханс заявлял, что он седьмой, и Голдоф был с ним согласен, но Мора помешала спору. А Фреми никак не могла привыкнуть, что у

нее есть союзник.

Адлет продолжал объяснять причину своих поступков.

— Тгуней подготовил ловушку. И она сработает после смерти Фреми, потому седьмой пытается убить Фреми. Это можно доказать, ведь нами с Ролонией управляли. Какое-то время я даже поверил, что хочу убить Фреми. Но теперь... это прошло.

— Этого Кьема убила я. Судя по произошедшему дальше, этот Кьема и управлял духом, — сказала Фреми. Она описала, как нашла сожженного Кьема-жука.

— Ролония-сан, тобой тоже управлял Кьема? — спросил Доззу.

— Точно. Я внезапно захотела убить Фреми. И не было никаких сомнений в этом решении... Но я не могу доказать, что именно было виной этому, — отчаянно сказала Ролония.

— Кстати... — Чамо склонила голову. — Чамо вспомнила. Недавно Чамо вдруг подумала, что Фреми убить важнее, чем принцессу. Это не вышло с указаниями Кота-сана, но тогда Чамо не успела об этом подумать. Возможно, Чамо тоже управляли, — Чамо говорила неуверенно, но этого хватило, чтобы Мора, Голдоф и Доззу поверили.

— Враг пытался убить Фреми... Поверить не могу.

— Это точно принцесса, — сказала Чамо. Нашетания ответила со смешком:

— Прошу прощения за подозрительные действия. Но я не могла сидеть и ничего не делать. Я должна была найти доказательства того, нужно убивать Фреми-сан или нет. Только я могла с этим справиться.

— ...Как это понимать?

— Я установила контакт с Кьема, притворившись, что предала Героев, — объяснила Нашетания. Она рассказала, что, убежав от Чамо, искала врага. Хоть Мора и сказала, что в лабиринте никого нет, Нашетания верила, что враг может появиться внезапно и начать действовать. Враг точно был в лабиринте. И Нашетания решила установить с ним контакт.

Она встретила белого Кьема-ящерицу, который мог менять облик. Фреми отметила, что он был членом ее семьи, притворявшимся, что любит ее. Но она не знала о таких его умениях

менять облик.

Фреми жалела о своей слабости. Она могла убить этого Кьема полгода назад и несколько часов назад.

Кьема-ящерица собирался убить Фреми. Он попросил Нашетанию помочь. Он отдавал приказы Кьема, который управлял духом. И он приказал части Кьема напасть на Доззу и Голдофа и задержать, чтобы те не помешали убийству.

— Я знала цель врага. Потому помогла Фреми-сан.

Фреми же думала, что так легко верить словам и поступкам Нашетании нельзя было.

— ...Принцесса-сан. Ты думаешь, что Кьема тебе не соврал? — спросил Ханс. — Кьема не мог так легко выдать информацию врагу. Этот Кьема мог врать. И все это задумал Адлет, нья.

— Верно, они не хотели говорить правду. Потому говорили зашифровано, — продолжила рассказ Нашетания.

Доззу расшифровал часть кода, который использовали прихвостни Тгуней. Это открытие позволяло понимать, что задумал Тгуней.

— Вот так... и я поняла их слова, произнесенные шифром.

— Ясно.

— Но интереснее, что они собирались сделать что-то еще после смерти Фреми. Но что это — знает только седьмой.

Все пытались понять, что это означает. Нашетания подвела итог:

— Это все что ты слышала? У нас нет других зацепок насчет того, что они запланировали дальше? — спросил Адлет.

— Не проси невозможного. Я была не в той ситуации, чтобы узнать больше.

Фреми не знала, можно ли верить словам Нашетании. Но информация, о которой она рассказала, могла оказаться правдой. Потому можно было строить догадки.

— Возможно... после моей смерти сила Черного Пустоцвета перейдет кому-то еще. И продолжит поглощать силу меток Героев. И тогда план врага моей смертью не разрушить.

— Погодите, — сказала Чамо. — Бабуля, такое возможно?

Мора не скрывала потрясения от услышанного, она все еще кривилась от боли, потому ответила не сразу:

— Не могу сказать, что это невозможно. Мы уже зашли за пределы того, что я знаю. Знания Тгуinea о Святых письменах и Святых инструментах сильнее, чем у главы Храма.

— Доззу, Нашетания, что вы думаете? — спросил Адлет.

Доззу затруднялся ответить.

— Сложно понять, возможно ли это. Черный Пустоцвет был скрыт не просто так, но я не буду говорить то, чего не могу подтвердить.

— Седьмой пытается убить Фреми. Я все время говорил об этом. Кьема пытались убить Фреми, в этом нет сомнений. И хотя я не могу поверить Нашетании на слово, нельзя не забывать, что этот «следующий шаг» вполне может произойти. И вы все равно думаете, что нужно убить Фреми?

— Адлет, тогда кто седьмой? — спросила Мора. Адлет не отвечал, но смотрел на одного человека, который молчал.

— Ясно, нья... Адлет, значит, ты подозреваешь меня?

Глаза Чамо были огромными. Она смотрела то на Адлета, то на Ханса. Фреми подозревала, что Чамо даже не думала подозревать Ханса. Чамо странно доверяла ему, и Фреми не понимала причину. Может, он ей по-своему нравился.

— Что ты сказал, Адлет? — завопила Чамо.

— Молчи, Чамо, — рявкнул Адлет и повернулся к Хансу. — Ханс, не сказать, что я не понимаю твоих действий. В такой ситуации не удивительно, что ты подозреваешь меня и пытаешься убить Фреми. И остается шанс, что ты ошибся, сказав, что не видишь слова из света. Но ты слишком упрямый. Ты с самого начала решил, что будешь делать. Потому я и подозреваю тебя. Или ты можешь как-то объясниться?

Ханс вздохнул и, отвечая, почесал голову:

— Твои подозрения так и не изменились. Ты действуешь согласно намерениям Тгуinea. Или ты действуешь так, потому что, как

говорил Доззу, Тгуней управляет тобой, человеком, или ты поступаешь так по своей воле. Ты защищаешь Фреми, чтобы уничтожить нас. Ты соврал о словах из света, взял в заложники Мору, помешал Фреми убить себя. И даже то, что враг управлял Ролонией и Чамо, что он скормил принцессе ложную информацию, — было частью твоего плана не дать убить Фреми, нья.

Фреми слушала Ханса и смотрела на лицо товарищей.

Мора была потрясена. Голдоф и Доззу еще не решили, как относиться к ситуации. Чамо точно была на стороне Ханса. А вот Ролония и Нашетания приняли точку зрения Адлета. Фреми еще не определилась, кто прав.

— Адлет, ты должен кое-что объяснить, — сказал Ханс. — Ты не видел слова из света. И не только я, но и Мора считает, что это ложь, нья. Предположим на минутку, что ты не седьмой. Тогда ты ведешь себя очень странно. Ты указываешь доказательствами слова из света, которые не видел, и подозрения о второй ловушке. Зачем ты соврал всем про слова из света? И если ты не видел их, то откуда знаешь о ловушке? Если ты настаиваешь, что это — правда, то объясни нам это.

Фреми смотрела на Адлета. Он уже не улыбался. И было ясно, что ему нечем парировать после обвинений Ханса.

Часть вторая

Тринадцатый день после пробуждения Маджина. В темноте говорили два Къема.

— Тгуней-сама, ваши способности помогут легко справиться с Героями, — сказал Къема с тремя крыльями. Тгуней рассказал ему информацию, которую скрывал от остальных Къема. О скрытых способностях Тгуinea знали только Второй и Къема с тремя крыльями. Четырнадцатый замечал эту способность, но молчал.

Тгуней мог управлять людьми.

В прошлом Тгуней захватил под свой контроль Святую Одного цветка, а она запечатала себя силой своих рук. Он украл ее седьмую метку, поглотил силу из Храма судьбы и превратил человека в Черный Пустоцвет.

— Эй, а ты не перегибаешь? Я не всемогущ.

У способности Тгуня было много минусов. Если не достигались все условия, он не мог управлять человеком. Более того, на то, чтобы человек сдался его власти, уходил месяц.

Все вышло со Святой Одного Цветка, но Тгуней не мог применить способность на Героях. Пока она будет действовать, пока пройдет этот месяц, сражение уже закончится.

Зато он смог украсть у Святой Одного Цветка седьмую метку.

Он отдал ее подходящему человеку, которым заранее начал управлять, которого сделал фальшивым Героем. И хотя это было опасно, у него не было другого выбора.

Тгуню нужен был подходящий человек для защиты Фреми. И он выбрал достойного доверия человека, воспитал его и наделил силой, управляя им.

* * *

Опровержение слов Ханса пришло, откуда не ждали.

— Уверен, что Адлет-сан не видел слова из света? — спросила Нашетания и вытащила из брони камень. Большой рубин был разбит на куски. — Я нашла его в желудке Кьема-ящерицы, которого убила. В разбитом виде камень уже не работает, но это точно светящийся камень.

Ханс вздрогнул при внезапном появлении камня. Но мнения своего менять не собирался.

— ...Позволь посмотреть, — Мора взяла камень, чтобы исследовать. Подумав, она тихо сказала. — Там выгравировано священное слово. Камень разбит, так что я не могу прочесть его, но... он точно светился.

Адлет смотрел на камень и думал.

— Зачем Кьема-ящерица проглотил камень? — сказала Нашетания. — Адлет мог говорить именно о словах света от этого камня.

И хотя Фреми не верила, что Адлет — седьмой, она не верила и в

то, что были слова из света. И раз Адлет не смог возразить Хансу, значит, тот был не так уж и неправ.

— Адлет... Ты говорил правду?

Адлет ответил Фреми:

— Обидно. Разве я мог врать? Обидно, что ты мне не веришь.

* * *

Адлет знал, что соврал про слова из света, и Ханс не мог их видеть. Но Адлет не сомневался, что в животе Кьема-ящерицы Нашетания нашла камень.

Адлет продолжал играть. Он и не знал, что Нашетания принесет камень. И он старался не выдавать себя.

* * *

«Ядро... уцелело».

Тело Тридцатого лежало на полу в лабиринте, изрезанное Нашетанией. Если ядро не пострадало, он мог со временем создать новое тело.

Он боялся, что все разрушил. Он боялся, что мир останется без Маджина. Теряя сознание, Тридцатый просил, чтобы Тгуней победил.

Он размышлял, что когда его возродят, то могут прозвать героем. А могли убить за поражение. Он не знал, что будет, когда он проснется.

Об этом думал Тридцатый, теряя сознание.

* * *

Тридцатый слышал, как Мора расшифровала священные письма и рассказала другим о Черном Пустоцвете. Он чувствовал присутствие Святой Одного Цветка, присутствие Черного Пустоцвета. Он знал, что Пустоцвет — это Фреми.

Тридцатый был удивлен. Юные Кьема были козырем, чтобы убить Героев. Они с детства любили других Кьема, такими их растил Тгуней.

Но Тридцатый понимал, почему Фреми так ненавидела Кьема. Тгуней не отдавал приказа защитить ее, и Тридцатый тоже не понимал, почему. Как и не совсем понимал, что им делать.

Ханс и Чамо решили убить Фреми. Это Тридцатый слышал в тишине.

Четырнадцатый управлял желанием убить Фреми. Тридцатый понимал, что Тгуней не просто так приказал убить Фреми — Черный Пустоцвет. Если они ослушаются, они разрушат его план.

Нельзя было делать то, чего не приказывал Тгуней. Такой приказ отдавал он Кьема. Он ненавидел, когда что-то шло не так.

И приказом было прятаться. И они слушались Тгуinea.

Но Тридцатый не понимал, почему вдруг стало больно в груди.

Тридцатый был юным Кьема, он родился меньше двухсот лет назад. Он не участвовал в бою с прошлыми Героями. И отчаяние Маджина, которого одолели и запечатали, он не почувствовал сам, а лишь был наслышан.

Но Тридцатому казалось, что эта боль была похожей.

Адлет сказал, что увидел слова из света. Ханс заявил, что это ложь. Тридцатый слышал и этот разговор. Как и слышал звук, когда Адлет был среди мертвых Кьема. И тогда он начал подозревать, что Адлет врет.

Поведение Адлета было странным. Зачем в этой ситуации он защищал Фреми? Он не понимал, о чем Адлет думает. И как с этим связана Фреми.

До этого Фреми узнала его и промазала. Тридцатый думал тогда, что Фреми скрывает информацию. И Фреми казалась слабой.

Жалость. Этого не должны были чувствовать Кьема. Но у некоторых появлялись свои эмоции и своя воля. За последние годы это явление стало частым.

Казалось, что и у Тридцатого появлялись чувства. Он эволюционировал не так, как нужно было.

— ...Тридцатый. Помни о приказах.

Четырнадцатый не должен был говорить это. Подчиненные Тгуня должны были убивать всех, у кого проявлялась своя воля, сразу же.

И у него проявлялась своя воля. Это было несчастье и жалость. Он помнил, что эти слова относились к Фреми. Он многое вспоминал. И с болью думал, что Фреми нужна была Тгуню только как инструмент.

Она была вернее всех. И такие Кьема у Тгуня страдали больше всего. И Тридцатому казалось нечестным, что она не получает за страдания никакой награды.

Он хотел для Фреми лучшего. И хотел извиниться. И попросить вернуться.

Шестая не любила ее, пропала. Но Кьема, у которых были Номера, были связаны и с ней. И они знали, что она встретила собаку, что она дома.

Если Фреми нужна, чтобы победить Героев, то Тгуней не бросит ее. И тогда он это примет. Он долго думал об этом. И мысли стоило приглушить.

Если защищать Фреми, это будет идти против приказа Тгуня. Но у них и не было указания, что ее нельзя защищать. И Тридцатый был готов принять свое решение.

Тридцатый решился. Идти за своей волей, принимать свои решения. Если это не понравится Тгуню, то ему за это и погибать.

Среди Героев был седьмой. Тот, кого Тридцатый не знал. Потому нельзя было выходить на контакт. Седьмой точно действовал согласно намерениям Тгуня.

Фреми точно не была седьмой. Ее предали, и она не собиралась следовать за Тгунеем.

Адлет Майя. Был ли он седьмым? Тридцатый подозревал, что да. Настоящий Герой не стал бы врать своим товарищам.

* * *

Мора держала камень в руках. Глядя на нее, Адлет вспоминал, как Ханс обвинил его в том, что он седьмой, вспоминал, как убежал, прикрываясь Морой.

Он еще никогда не был в таком отчаянии. Но ему все еще нужно было остановить Чамо и помешать убить Фреми. Ситуация не изменилась.

Поверят ли ему товарищи? Фреми точно не поверила бы на слово, что он не седьмой. Адлет почему-то был уверен, что не сможет заслужить так доверия Фреми. Он не знал, как поступить, чтобы не дать ей убить себя.

Но другого выхода не было. И пару минут назад он даже ощутил надежду.

Когда Адлет бежал, он кое-что почувствовал. Он замер и посмотрел на камни, где на миг появились слова.

«Отдавай приказы. Два твоих союзника в лабиринте».

И буквы тут же пропали. Адлет прошел мимо, притворившись, что не видел слова. Он думал о смысле слов на бегу.

В лабиринте были спрятаны Къема. Второе зрение Моря не раскрывало их. Они ждали приказов. Они знали, кто седьмой, но по ошибке показали эти слова ему.

«Нет», — подумал Адлет, вспомнив слова Доззу. Къема, подопечные Тгуня, не знали, кто именно седьмой.

Они ошибочно подумали, что Адлет — седьмой.

Было легко сказать о них Море, вдвоем они одолели бы этих Къема. Но Адлет не сделал этого. Чтобы защитить Фреми, ему нужно было вывести всех из тупика. Этот момент мог стать его козырем.

— Мора, этим путем можно идти?

— Погоди, я проверю... Да, все в порядке.

Ответ Моря показал Адлету, что она не видела слова. Мора не проверяла местность вокруг Адлета. Если бы она увидела слова, она бы как-то отреагировала на их исчезновение. Потому Адлет думал, что может как-то использовать этих Къема.

Никаких колебаний. Он победит любой ценой. Так думал Адлет.

Адлет видел эти слова, но притворился, что их не было. И в этот миг Тридцатый решил, что Адлет — седьмой.

Часть третья

Мора обманула Адлета, и он зашел в тупик в лабиринте. Адлет внезапной атакой оглушил Мору и взял в заложники. Но нужно было действовать осторожно. Пока Мора была в опасности, Фреми думала не о самоубийстве.

Но он понимал, что только так Фреми не спасет. У Адлета оставалась последняя надежда. Он мог обмануть Кьема, которые решили, что он — седьмой, и использовать их.

Слова могли оказаться ловушкой врага. Но у Адлета не было другого выхода. Он держал Мору без сознания не только для того, чтобы она оставалась в заложниках, но и чтобы не использовала второе зрение.

— Я здесь...

Он немного подождал. Каменный пол задрожал и принял облик Кьема-ящерицы белого цвета. Адлет помнил его.

— Вот мои приказы. Слушайте молча, — Адлет осмелился говорить властным тоном. Так он мог заставить Кьема думать, что он седьмой.

— погоди. Ты и есть седьмой? — спросил Кьема-ящерица. Он не мог знать, кто седьмой, но Адлет не отрицал возможности, что седьмой уже мог связаться с Кьема.

Слова могли быть ловушкой, но отчаянный Адлет проигнорировал это.

— Думаете, я бы носил с собой доказательство того, что я седьмой? Чтобы Герои это заметили? Нет уж, — возмутился Адлет. — И кто вам сказал, что Кьема вашего уровня могут слышать тайный код, доказывающий, что я — седьмой?

Кьема-ящерица молчал. Адлет обрадовался. Может, код и существовал, но Адлет выдумал это.

Мора была без сознания, остальные не знали лабиринт и могли заблудиться. Вряд ли кто-то нашел бы место, где Адлет встретился с Кьема. Но он все же опасался, ведь на них могли наткнуться случайно. Адлету было не по себе.

— Если ты седьмой, то скажи: Тгуней Фреми нужна живой или мертвой?

«Они и этого не знают», — Адлет растерялся. Если бы они хотели убить Фреми, то не думали бы защищать ее.

Они могли притворяться, что не знают. Но Адлет был уверен, что таких Кьема он обмануть сможет.

Адлет мысленно улыбнулся. Скрытность Тгуней вышла ему боком. Он не говорил правду Кьема, а сами те рассуждать не могли.

«Я смогу их использовать», — был убежден Адлет.

— Тгуней хочет, чтобы Фреми жила. Но ситуация немного вышла из-под контроля. Понадобится ваша помощь.

— Ясно, — тут же сказал Тридцатый.

Как теперь его использовать? Адлет быстро размышлял над этим.

— Назови свои способности, — сначала приказал Адлет. Кьема рассказал об умении скрываться и хорошем слухе.

«Полезный», — отметил Адлет.

— Найдите где-то в лабиринте светящийся камень. В любом состоянии. Нужен топаз... желтый камень. И он должен не только светить, но и исполнять другие функции. Все. Найдете?

— Когда я осматривал храм, я слышал, что у входа есть камень, светящийся, когда приходит нарушитель.

Адлет готов был танцевать от радости. Он не знал, обманет ли камень Мору и остальных. Но так он сделает вид, что увиденные им слова не были ложью.

— Найдите камень. Разбейте и заберите с собой. А потом дайте Доззу и Героям понять, что камень у вас.

— Как?..

— Вам нужно все объяснять? Проглотите разбитый камень и

дайте одного из вас убить. Можете выплюнуть перед смертью или дать кому-то из Героев вспороть ваше брюхо.

Адлет, не мешкая, отдал жестокий приказ. Тон явно подходил подчиненным Тгунея.

— И так можно защитить Фреми?

— Вряд ли. Но у меня есть план, — Адлет все еще думал, но времени не хватало. Товарищи близко. Ему нужно что-то быстро решать. — ...Используйте Доззу или Нашетанию. Вступите с ними в контакт для сотрудничества. И передайте эту информацию.

— Что?

Адлет подумал и рассказал, как можно обмануть Доззу, Нашетанию, Мору и Фреми.

— ...Даже если Черный Пустоцвет убить, он продолжит поглощать энергию меток. Пусть думают, что это нужно седьмому. Можете говорить размыто. Намекнуть, что что-то будет дальше, чтобы они подумали, что Фреми убивать опасно.

— Доззу и его подопечные не поверят мне...

Вот и проблема. Но, подумав, Адлет решил рискнуть.

Адлет помнил ловушку у входа в храм. Она была неожиданной. Но Доззу помог в тот раз. Понял, что с Къема-ящерицей.

В тот раз ему было не по себе. Доззу знал больше них. Но все казалось не так и плохо, ведь он не собирался становиться врагом.

Доззу мог понимать, что собирается делать белая ящерица-Къема.

— Может, Доззу сможет понять ваш шифр, — сказал Адлет. Доказательств у него не было, но он верил в такую возможность. — Отдавайте приказы другим Къема с помощью кода. Расскажите им, что идут приготовления к следующему этапу Черного Пустоцвета. Сделайте вид, что им нельзя это знать. Может, Доззу понял ваш шифр. Тогда он решит, что знает важный секрет.

Къема-ящерица тревожился. Адлету тоже было не по себе. План строился только на догадках, шанс успеха был низким. Но у него не было другого варианта.

— Не знаю, станут ли Доззу и Нашетания действовать согласно

этому. Непонятно, что будет, потому доверяю действия тебе. Так что ты, белый, будешь в ответе, если что-то не выйдет.

Выражение морды Кьема не было похоже на выражение подопечного Тгуinea. Адлету стало его немного жаль.

— Ясно. Это все?

Адлет молчал. Кьема-ящерица собрался уходить.

— Есть еще кое-что, — остановил его Адлет. Самое важное. С этого надо было начинать, но у него не хватило смелости.

Он уже отдал два приказа, но они не могли защитить Фреми. За следующий приказ он мог попасть в ад.

— Нужно собрать всех Кьема, что есть поблизости, — Адлет продолжил после паузы. — И все они будут убивать Фреми.

Кьема-ящерица молчал.

— Не сдерживайтесь. Ни против Фреми, ни даже если подключусь я. Возможно, кого-то из вас я убью, но это будет необходимо.

Кьема-ящерица боялся. Ни по приказу Тгуinea, ни своей воле он не хотел убивать.

— Вы попытаетесь серьезно убить Фреми. Чтобы Герои поверили нам. А я заступлюсь за Фреми, и она перестанет думать о самоубийстве, — сказал Адлет. — Нападайте изо всех сил. Я не буду говорить причину, чтобы Герои не раскусили нас.

— Но тогда Фреми погибнет.

— Я защищу ее, — заявил Адлет. — Как бы вы ни напали, как бы ни поступили Герои, я смогу защитить Фреми. Не дайте никому помешать атаке. Иначе я не смогу защитить Фреми.

Внутри Адлет дрожал от страха. Ханс и Чамо не прекратят попытки убить Фреми. Она попытается убить себя. Еще и Кьема нападут.

«Как защитить Фреми?» — Адлет не знал, но понимал, что за этот план будет расплачиваться в аду.

— Понятно. Я использую другого Темного специалиста. Четырнадцатый может...

— Не нужно говорить о его силе. Нет, ты не должен говорить о нем.

Если бы Адлет знал, какая атака их ждет, он бы действовал неестественно. И, как бы сильно он ни старался, он не смог бы скрыть это.

Адлет приказал Кьема притвориться, что они хотят убить Фреми. Он не мог допускать ни малейшего шанса, что Фреми не будет защищена.

— У Четырнадцатого ужасающая сила. Если он использует свои способности, Фреми точно умрет. И защитить ее ты точно не сможешь.

— С каких пор ты так со мной говоришь? — рявкнул Адлет, пока давил свои страхи. Он напоминал себе, что он — сильнейший в мире. Он убережет Фреми. — И еще одно. Ни за что не пересекайтесь с Хансом. Нужно, чтобы все думали, что он — седьмой. Это последняя часть моего плана по защите Фреми. Если Ханс узнает о плане, то все провалится.

— Ясно... — ответил Кьема.

А Адлет думал:

«Верит ли этот Кьема, что я седьмой? Будет ли он выполнять приказы?».

Тридцатый был потрясен приказами Адлета. Но Адлет был седьмым. Он получал распоряжения лично от Тгуinea, он был выше Тридцатого. Он не мог не слушаться его приказов.

Тридцатый все же сомневался, седьмой ли перед ним. Он знал об иерархии в армии Тгуinea. И там не было и слова о седьмом. А теперь он не мог послушаться седьмого.

Адлет не думал о жизнях друзей. Судя по его приказам, он не собирался защищать никого, кроме Фреми. Кьема подозревал, что этот человек может пожертвовать остальными, чтобы защитить Фреми.

«Адлет точно был седьмым. Нужно верить в это. И Тгуней выбрал его», — думал Тридцатый.

Убить Фреми... Отдать приказы Четырнадцатому, установить контакт с Нашетанией и не рассказывать о плане Хансу.

И нужно было управлять Адлетом. Если он попытается убить Фреми, то ему будут верить.

Но Адлет мог и убить Фреми. Шансы были велики. Но у Тридцатого оставалась и надежда.

А еще нужно было управлять кем-то другим. Например, Чамо. Но если слишком долго управлять Чамо и Адлетом, то не удастся защитить Фреми. Тогда второй должна быть Ролония, а, может, Голдоф.

Тридцатый пытался понять, как поступить.

— И последнее. Напади на меня. Не изо всех сил, но чтобы урон был заметен.

— Ясно.

— Я буду отбиваться, но не бойся, я буду сдерживаться.

Из хвоста Тридцатого вылез шип, и он напал на Адлета.

* * *

— Адлет-сан, ты помнишь этот камень? — спросила Нашетания. Адлет смотрел на осколки камня из живота Къема-ящерицы.

— Не знаю... Помню, что видел свет. Но когда обыскал комнату с трупами, там не было ничего похожего.

— Значит, Адлет все-таки видел слова из света. Къема-ящерица нашел этот камень и показал слова Адлету, а потом проглотил камень. Он сделал так, чтобы я не смогла увидеть его. Так вполне могло произойти, — сказала Мора.

Слушая ее, Адлет думал:

«Хорошо сработано, белый Къема-ящерица. Благодаря тебе я смогу защитить Фреми. Отлично».

Къема вполне мог работать по своей воле, а не из-за приказа. Он хотел защитить Фреми. Адлет понял это. Фреми не была монстром, которого никто не любит. Даже среди Къема были те, кто хотел защитить Фреми. И Адлет был этому рад. Хоть и не мог пока что сказать это Фреми.

— Ханс-сан, ты точно не видел слова? Может, камень забрали из комнаты после того, как ушел Адлет-сан, но до того, как пришел ты, — обратилась к Хансу Нашетания.

Фреми и Ролония с подозрением смотрели на Ханса.

«Ханс явно удивлен», — думал Адлет. Он и не подумал бы приказать Къема, тем более, приказать им убить Фреми. Значит, он не связывался с Къема. То, что достали из живота Къема, опровергало его обвинения.

Возможно, Ханс думал, что Къема предали его. А, может, он не связывался с Къема, чтобы не выдать свою сущность седьмого. И это стало причиной его поражения.

Ханс мог и не быть седьмым, но Адлет уже не рассматривал этот вариант. Адлету оставалось только убить Ханса. Сил на это должно было хватить.

А все потому, что Ханс пытался убить Фреми. Он не мог простить того, кто вредил Фреми, даже если это был настоящий Герой.

— Я не видел этот камень. Адлет заставил Къема взять этот камень, чтобы мои обвинения были ложью.

Ханс все еще улыбался. Но парировал он уже не так энергично.

— Все равно что-то странное с тобой, Адлет. Когда Ролонией управлял Къема, почему ты смог какое-то время сохранять разум? А потому что ты притворялся, что тобой управляют. А когда понял, нья, что уже неестественно для тебя сохранять контроль над собой, ты и изобразил, что сдался Къема.

«Он все еще не сдался», — подумал Адлет. И Адлет и сам не знал, почему мог так долго противостоять воздействию Къема. Может, действие зависело от особенностей человека.

— Нет. Я боролся с воздействием. Голос в голове кричал убить Фреми. И я всеми силами боролся с ним. Но все же сдался и попытался убить Фреми, — парировал Адлет.

За него продолжила Фреми:

— Адлетом точно управляли. Он попытался напасть на меня, атака была серьезной. Он точно не притворялся. В его глазах не было разума, — все посмотрели на Фреми, она добавила. — В том бою я и

поняла, что Кьема пытаются убить меня. Это не притворство. Меня вполне могли убить. И пока вы решали, стоит ли мне жить, Кьема все решили за нас. И они пытались меня убить.

Ханс на миг потерял дар речи. А потом расхохотался.

— Нья. Нья. Нья. Нья-хи-хи!

Адлет приготовился. Ханс мог напасть в любой момент.

— Адлет, ты, может, и есть самый сильный в мире человек, нья. Ты стоящий противник. Нет, честно... я и не думал, что тебя нужно воспринимать серьезно.

Ханс был загнан в угол. Но смех его не был бравадой или отчаянием. Он радовался.

— Чтобы защитить Фреми, ты приказал Кьема убить ее. В такой ситуации только такой дурак как ты мог так поступить.

«Он знает», — подумал Адлет. Он подозревал, что Ханс сможет догадаться, что Адлет сделал. Но переубедить других Ханс не мог.

— Ханс, твои обвинения бессмысленны. Это нас не убедит, сколько ни старайся. Разве он мог, защищая Фреми, приказать убить ее? Она могла умереть здесь, — сказала Мора.

— Я верю Адлету-сану, хотя меня вряд ли послушают, ведь даже не считают союзником, — вторила Нашетания.

— Ханс, ты должен был видеть. Ролонией управляли, Адлет боролся, но стараниями Кьема он сдался и попытался убить меня. Он не притворялся.

Хансу верило все меньше людей. Адлету было важнее то, что Фреми уже не думала, что должна умереть.

— Значит, интуиция меня не подвела, нья, — радостно сказал Ханс. — Я говорил, что если не убью тебя, то погибну сам, нья. Но бой не был бы таким интересным, если бы все не пошло так.

Ханс радовался. В такой ситуации. Он снова реагировал ненормально.

— Ханс-сан, у нас нет доказательств, что ты — седьмой. Но после все, что случилось, нам приходится подозревать тебя, — сказала Нашетания. — И, должна признать, твои мысли опасны для нас.

— Нашетания, ты веришь Адлету-сану? — спросил Доззу.

— Так я решила. Доззу, ты доверяешь мне? — ответила уверенно Нашетания. Доззу, подумав, сказал:

— Ладно. Я доверюсь твоему решению. Мы поверим Адлету-сану. И не дадим убить Фреми-сан, пока не найдем новые доказательства.

— Но что нам делать? — спросила Мора. — Черный Пустоцвет продолжает поглощать наши силы.

В ответ Адлет зло закричал:

— Разве не очевидно? Есть только один способ остановить Черный Пустоцвет. Нужно уничтожить Тгуinea. Мы покинем храм и нападём на Тгуinea. Убьём его до того, как угаснут силы наших меток.

Остальные молчали. Не знали, доверять Адлету или Хансу. Они не знали, можно ли одолеть Тгуinea.

— Я верю тебе, Ад-кун, — сказала Ролония. — Ад-кун точно не может быть седьмым. Не знаю, может ли быть седьмым Ханс-сан... но пока что я не могу ему верить.

— Чамо знала, что все вы идиоты. Бабуля, принцесса, Ролония — дуры. Чамо не доверяет Адлету! Он точно враг! И Чамо убьёт всех, кто посмеет обвинять Кота-сана, что он — седьмой!

Чамо собиралась спустить Джума, но Ханс схватил её за плечо и остановил.

— Погоди, нья. Если будем сражаться здесь, то все погибнут.

— Но!

— ...У меня есть план, — сказал Ханс, глядя на Адлета. Чамо замерла.

— Принцесса и Адлет сотрудничают. Они хотят поймать Ханса и обмануть нас. Так мне кажется, — сказал Голдоф и направил копье на Фреми.

Ролония схватилась за хлыст. Адлет заслонил собой Фреми от Голдофа.

— Ты говорил, что будешь защищать меня, но все еще не доверяешь мне, — вдохнула Нашетания.

— Голдоф, Чамо, хватит. Вы не слушали? Соберитесь. Враг хочет убить Фреми, а Адлет пытается ее защитить, — вмешалась Мора, но Герои уже разделились.

— ...И потому взял в заложники? — ответил Голдоф.

На миг казалось, что Мора не знает, как ответить.

— Я тоже чуть не убила товарища. Он действует так же, как я. Это не доказывает, что Адлет враг.

«Плохо дело, — подумал Адлет. — Мы только на середине пути в защите Фреми. Нужно было одолеть Тгунея и остановить Черный Пустоцвет. Но если Герои будут так разделены, мы точно не справимся с этим».

— Есть новости похуже, — сказала Мора. — К этой горе приближается несколько летающих Къема. Основные силы Тгунея уже близко.

Все напряглись. Сейчас они не могли сражаться с Тгунеем. Адлет был ранен, остальные тоже были не в лучшей форме. А еще у них не было плана, чтобы бороться с Тгунеем.

— Ханс, уладим все позже. Нужно убираться отсюда, — Адлет схватил свой железный ящик и побежал прочь из лабиринта.

Остальные, похоже, решили, что этот вариант самый подходящий, потому схватили свои вещи и направились к выходу из лабиринта.

Снаружи было уже темно, наступила ночь. К счастью, врагов не было видно.

Следуя указаниям Мора, они спустились по горе, но вскоре Ханс взбунтовался и замахнулся мечом на Фреми.

— Так и думала, что ты что-то попробуешь, — сказала Фреми, отбивая атаку ружьем.

Адлет бросил ядовитый дротик, но Ханс откатился. Он нападал напрямую.

— Ханс-сан, не время для этого. Нужно бежать отсюда, — предупредил Доззу.

— Не могу, нья. Если мы будем так уходить, то попадем в ловушку Адлета, — ответил Ханс и направил мечи на Фреми.

— Сдавайся. Я не дам тебе убить меня, — сказала Фреми.

— Нет, нья. Вы меня не убедили, так что мне придется убить тебя. И тогда мы точно поймем, есть ли это «дальше», о котором говорила Нашетания.

Мора посмотрела на Адлета в поисках совета.

— Задержите Ханса, но не убивайте.

И тут же вылетели мечи Нашетании, молния Доззу попала в Ханса. Но он защищался деревьями и камнями, отвернулся от товарищей и убежал.

— Ханс! погоди! — крикнула ему Мора.

Адлет хотел преследовать Ханса, но сейчас важнее был Тгуней.

— Чамо! Голдоф! За мной! — кричал на бегу Ханс.

— Ясно... Чамо верит Коту-сану, — Чамо побежала за Хансом. Адлет не мог ее остановить. Чамо не стала бы его слушать.

— Голдоф, что ты собираешься сделать? — спросила Нашетания. — Я решила верить Адлету-сану, и я буду сражаться рядом с ним с Тгунеем. А ты пойдешь с Хансом?

— Я не могу верить Адлету. Но не могу и подвергать опасности принцессу.

— Так будем сражаться вместе. Не волнуйся. У тебя сила тысячи людей, — Нашетания рассмеялась и побежала за Адлетом.

Голдоф остался, и это уже было небольшой победой. Но терять Чамо не хотелось. Им и всем вместе было бы сложно противостоять Тгуней.

Адлет и остальные спускались по склону холма. Фреми подставила Адлету плечо.

— Фреми.

— Нет времени говорить... — Фреми говорила холодно, как и всегда. Она вернулась. Опершись о ее плечо, Адлет сказал:

— Мы переживем это.

Фреми все еще не разобралась, где правда. Она не знала, седьмой ли Ханс. Мог ли Адлет ошибиться? Разве она не должна была умереть? Не попали ли все они в ловушку Тгуinea? Ничего не было ясно, и правда казалась невероятно далекой.

— Могу сказать только одно, — сказала Фреми. — Я отомщу, убив Тгуinea. Если я не смогу этого сделать, то и жить мне незачем. Этого не изменить.

— О, это я понимаю.

— И ты все еще хочешь сделать меня счастливой?

Адлет был потрясен этим ответом.

— Конечно, — сказал он.

Фреми заметила выражение его лица и только сильнее убедилась, что он не врал. Он был уверен. Он хотел убить Тгуinea и Маджина не ради себя или остальных, а ради Фреми.

Фреми отогнала все сомнения. Он не мог быть седьмым. Он не мог исполнять приказы Тгуinea.

— Я ненавидела тебя, — сказала Фреми. — Из-за тебя я хотела жить. Потому ненавидела. Все это время я хотела умереть, но из-за тебя у меня возникали сомнения.

— А теперь? — в голосе Адлета слышалось одиночество. Фреми на миг растерялась.

— Теперь... я не думаю, что ненавижу тебя. С тобой я хочу жить, но это хорошо.

Фреми была впереди, так что не видела выражение лица Адлета. Но она была уверена, что он широко улыбался.

* * *

В углу лабиринта лежал едва живой Къема. Тело Темного специалиста Номер Четырнадцать разрушили бомбы Фреми.

Он едва цеплялся за жизнь. Но вдали слышал разговоры Героев.

Четырнадцатый не понимал только одного:

«Почему мои способности не сработали на Адлете? — на него

сила повлияла куда меньше, чем на Ролонию и Чамо, и это было странно. — Неужели... Неужели Адлетом уже управляет другой Къема?»

Но у Четырнадцатого не было времени подтвердить подозрения. Он беззвучно издал последний выдох.

* * *

Рассвет тринадцатого дня после пробуждения Маджина. В тесной комнате под землей Тгуней и Къема с тремя крыльями продолжали долгий разговор:

— Хмм, в чем дело? Тебе все еще мало моих объяснений? — сказал Тгуней. Къема с тремя крыльями кивнул.

— ...Прошу прощения за грубость, но я не могу не беспокоиться. Я ничего не могу сказать о том, кого вы выбрали, чтобы внедриться в виде Героя, но...

— Седьмой защитит Фреми. Я всем рискую на основе этого. Так почему ты тревожишься?

Не было причины для Къема с тремя крыльями беспокоиться. Если Фреми умрет, сила Черного Пустоцвета рассеется. И если Герои все же решат ее убить, план Тгуней рухнет.

Но он слышал, что Тгуней подготовился к смерти Фреми, он не мог не продумать этот вариант.

Погибнув, Фреми могла убить всех Героев силой Черного Пустоцвета. Ее товарищи точно пострадали бы. Но сила Героев могла, наверное, изменить Черный Пустоцвет. Добавить эту силу себе.

Но Черный Пустоцвет уже был сложным, вряд ли к нему могли добавиться новые функции. Тгуней рассказывал об этом.

У Черного Пустоцвета была функция, что активировалась после смерти.

Только так можно было объяснить то, что Тгуней позволил так рисковать планом.

Тгуней хотел насладиться гибелью Фреми.

Смерть Фреми сделает ненужным седьмого. И весь план лопнет, как мыльный пузырь, и Тгуней придется уничтожать Героев грубой силой.

Если погибнет седьмой, это не отразится на лепестках меток Героев. Фреми могли подозревать. Но если умрет седьмой, некому будет защитить Фреми, и Тгуней будет загнан в угол.

Седьмой. Из-за него Кьема тревожился сильнее всего, хотя Тгуней эти тревоги не разделял.

— Седьмой... может ли он защитить Фреми? Об этом я беспокоюсь, да, но больше всего меня тревожит... — Кьема с тремя крыльями замолчал, подбирая слова. — Больше всего меня тревожит, будет ли он ее защищать?

Тгуней посмотрел на Кьема с разочарованием во взгляде.

Кьема с тремя крыльями знал многое, ведь был телом Тгуinea при выборе седьмого. Он знал, что седьмой не осознает, что он — пешка Тгуinea. Потому мог и не разделять желания Тгуinea. Он верил, что он — истинный Герой, что они пришел на Территорию воющих демонов, чтобы убить Тгуinea и Маджина.

Седьмой не бросит Фреми. Но разве он не выберет защиту человечества и убийство Маджина вместо нее? Если так, то зачем вообще было посылать седьмого к Героям?

Это тревожило Кьема с тремя крыльями больше всего.

— Почему вы не отдаете седьмому приказы? — спросил Кьема с тремя крыльями. — Ваши способности позволяют управлять разумом человека. И вы можете заставить седьмого сотрудничать с нами, сделать так, чтобы он не позволил Фреми умереть. Почему же не сделали? Как это защитит Фреми?

— Разве я не говорил раньше? — рассмеялся Тгуней. — Я верю в силу любви.

— Любовь?

Кьема с тремя крыльями знал, что способность Тгуinea скрывалась почти ото всех Кьема. Способность не была поглощающей, на ее применение уходило время, действовала она только на одного человека за раз. Ею нельзя было управлять Кьема, да и на людей она оказывала разную степень влияния. Так

способность можно было считать незначительной.

Но Тгуней, несомненно, верил, что его способность — самая сильная в истории.

Тгуней управлял сердцами людей.

Управлял их любовью.

Способность Тгуinea заставляла жертву полюбить кого-то. И Тгуней мог легко выбрать, кого именно жертве любить.

И когда жертва этой способности видела улыбку любимого, ей тоже становилось лучше, а если любимый был печален, то и счастье жертвы исчезало. Она боялась смерти любимого больше собственной, она бы сделала все, чтобы избавиться от угрозы любимому.

И чем больше была опасность для любимого, тем больше была любовь, которой мог управлять Тгуней. Он мог сделать так, что жертва думала лишь о том, кого любит. И если любимый был при смерти, жертва могла сойти с ума.

Тгуней применил эту силу к Святой Одного Цветка. Он заставил ее полюбить его, чтобы она открыла ему барьер вокруг себя. Он услышал от нее о случившемся в прошлом, забрал оставшуюся силу и получил метку седьмого.

И теперь этой же способностью Тгуней управлял седьмым.

— Да, я мог заставить седьмого любить меня и слышать мои желания. Я мог бы заставить его сотрудничать с нами, завести Героев в ловушку. Так было бы проще заставить его защитить Фреми, — недовольно процедил Тгуней. — Но я не верю в такую грубую стратегию. Я верю в любовь куда сильнее, чем в свои ограниченные познания.

Къема с тремя крыльями безмолвно слушал Тгуinea.

— Куда важнее чувства Фреми. Уязвленная и желающая отомстить Фреми... Что же она сделает? Она не будет думать о себе, а попытается убить меня. А если узнает о Черном Пустоцвете или о том, что ею управляли, как она поступит? Фреми решит убить себя. И если так произойдет, все пропало. Я не смогу помешать ей убить себя. Но, несмотря на такой шанс, я все еще не сомневаюсь в своей победе. Потому что любовь творит чудеса.

В голосе Тгуinea не было сомнений.

— Лживые слова не тронут сердце Фреми. Если бы я приказал кому-то притвориться, что он любит Фреми, она бы не поверила. Повлиять на нее может лишь тот, кто будет любить ее всем сердцем. Потому что она ненавидит фальшивую любовь, но больше всего ищет именно истинную любовь. Поддельная любовь не сработала бы. Она не может творить чудеса.

— ...

— Любовь чудесна. Только из-за любви происходит что-то невероятное. Я много раз это видел. Потому, какими бы ни были сложности у Фреми, я не сомневаюсь в своей победе. Любовь седьмого к Фреми точно заставит чудо случиться, спасет Фреми. Я верю в любовь. Больше ни во что я не могу так верить. В этом полном лжи мире только любовь спасает.

Тгуней приоткрыл глаз, словно чего-то ждал.

— Я верю в парня, которого выбрал. Он защитит Фреми. Уверен, силой любви он заставит случиться чудо. Потому что тот, кого я выбрал, — сильнейший в мире человек.

Къема с тремя крыльями увидел мысленно лицо седьмого. Лицо юного воина, не подходившего на роль Героя. Странного парня, провозгласившего себя сильнейшим в мире человеком, не сомневавшегося в этом.

Он видел лицо Адлета Майи.

— Думаю, Фреми уже украла его сердце. И теперь он отчаянно пытается защитить ее. Как бы ни пытались Доззу и остальные помешать ему, беспокоиться не о чем. Сильнейший в мире человек не проиграет им. А Фреми уже могла открыть ему сердце. Или собирается довериться ему. Она точно будет слушать все, что он говорит, потому что глубоко в сердце хочет, чтобы ее любили. Этого она хочет больше всего в жизни.

Тгуней в облике инжира широко улыбнулся.

— Разве это не будет чудесно?

— О чем вы?

— О лице Фреми, когда она поймет, что человек, который любит ее всем сердцем, единственный, которому она может доверять, управляется мной. Как думаешь, что будет делать Фреми, когда

поймет, что любовь, которую она искала и нашла, хоть и скрывала это желание, лишь часть моего плана?

Тгуней радостно рассуждал об этом.

— Фреми точно убьет себя. И у нее будет прекрасное лицо, которое я не смогу забыть. Адлет доведет ее до самоубийства. И на лице Фреми будет высшая степень отчаяния! Но я хочу увидеть не только это. Я хочу увидеть и лицо Адлета. Его лицо, когда он поймет, что любовь, из-за которой он рисковал жизнью, женщина, которую он поклялся защищать, были мыслями, которые я внедрил в его голову. Ах, представить не могу! Я хочу увидеть эти лица! Эти прекрасные лица! Почему ты просто стоишь, как дурак? Ты не думаешь, что это будет чудесно?

— Ну... — пролепетал Кьема с тремя крыльями.

— Ах, ясно... Тебе не интересно. Прости.

Тгуней пошевелился, словно пожимал плечами, понимая, что его занесло. А потом он успокоился и продолжил:

— Пока что мы эти лица не увидим. Придется немного подождать.

Словно устав от разговора, Тгуней открыл книгу на столе, на котором он сидел, и принялся читать. Пока он читал, чтобы отвлечься от скуки, Кьема с тремя крыльями стоял на месте и безмолвно ждал прибытия Героев.

— Загадочна, — внезапно сказал Тгуней через какое-то время. — Любовь загадочна. Ведь и Маджин проиграл Святой Одного Цветка из-за любви.

Кьема с тремя крыльями поместил Тгуinea в свою пасть, и его тело перешло под контроль Тгуinea. И вместо инжира теперь говорил Кьема с тремя крыльями:

— Мы дважды проиграли Героям из-за силы любви, поддерживавшей их. Но в третий раз все будет иначе. В этот раз любовь уничтожит Героев.

«Герои будут участвовать в этом сражении. И бой будет долгим, — думал Кьема с тремя крыльями, пока его телом управляли. — Может, погибнут не все. Но победить они уже не смогут».

Фреми Спиддроу. Адлет Майя. Два воина, которыми управлял Тгуней. Пока они были живы, Героев ждал только ад.

* * *

— Что с Чамо и Хансом? — спросил Адлет, но Мора покачала головой.

— Они уже покинули гору. Я не вижу их вторым зрением.

— Я беспокоюсь, что будет с Чамо-сан, если Ханс-сан — седьмой. Может, нам вернуть их? — спросил Доззу.

«Слишком поздно», — подумал Адлет.

— Сейчас не время думать о Чамо. Она так легко не умрет. Сейчас важнее Тгуней, — сказал Адлет.

И без второго зрения Моры они слышали, что армия Тгуinea приближается сюда.

Адлет пытался составить план. Если они не одолеют Тгуinea, Герои погибнут, и Адлет не сможет защитить Фреми. Но он не мог забывать и о других угрозах, кроме Тгуinea. Ханс мог попытаться снова убить Фреми. И Чамо явно не собиралась стоять в стороне и молчать. Доззу с Нашетанией могли что-то задумать, и оставалась неизвестной роль Каргикка. А еще Голдоф не доверял Адлету, а еще могло что-то произойти, и Ролония с Морой перестанут верить Адлету.

Угроз было очень много.

«Я все преодолею, — решил Адлет. — Возможно, придется убить Ханса. И Чамо, если не смогу ее убедить. Доззу, Нашетания и все, кто захотят навредить Фреми, будут убиты».

Адлета не волновало, погибнут ли они.

Не волновало, будет ли разрушен мир.

Пока Фреми жива, ему больше ничего не было нужно.

И вдруг под звездным небом Адлет задумался:

«Погодите, это не странно? Что должно для меня быть важнее — мир или Фреми? Как понять? Я считал всегда, что мир важнее, или

думал, что важнее Фреми? Разве я думал так всегда? Я — это я?»

Но мысли быстро исчезли из головы Адлета.

«Конечно, это я. И нет ничего в этом странного. Фреми важнее всего, потому что больше у меня ничего нет. Так что все в порядке, со мной ничего не произошло. Я убью всех, кто угрожает Фреми. Это все, что я должен сделать».

Эпилог Беглецы

— Кот-сан, что теперь делать? — спросила Чамо тревожным

голосом, пока они сбегали по склону.

Они уже были далеко от Адлета и остальных, оставшись вдвоем.

— Адлет обманул их всех. Чамо не верит ему. Чамо понимает, почему Фреми, бабуля и тупая корова поверили ему. Они глупые. Но принцесса...

Къема не было видно поблизости. Но не было ясно, сколько они смогут бежать.

— Так они все умрут. И как бы Чамо и Кот-сан ни старались, двое...

Ханс не отвечал. Он бежал и думал.

— Точно, — вдруг пробормотал Ханс. — Вот, где я ошибся. Изначально Адлет не знал, что он... седьмой. И я не зря подозревал его в барьере Тумана Иллюзий, нья. Если бы я поверил первым инстинктам...И Тгуней... был уверен, что Адлет защитит Фреми. Иначе говоря...

— О чем ты думаешь, Кот-сан? — тревожно спросила Чамо. Ханс, бежавший первым, обернулся, ответив:

— Нья, Чамо, думаешь, что я проиграл?

Чамо не знала, как ответить.

— Да, так я и думал, нья. Эндшпиль Адлета был слабым. Он не смог сочинить доказательства, что я — седьмой. И это станет фатальной ошибкой Адлета. Он не смог убедить тебя или Голдофа. А еще... — Ханс улыбнулся. — Он все еще не убил меня.

Чамо настроения Ханса не разделяла.

— Но что теперь делать?..

— Не волнуйся. У меня есть план, — уверенно сказал Ханс. — Стратегия Тгуней меня удивила. Он не лишен воображения. Стратегия была нелогичной и опасной. Хотя теперь мы и знаем, что он сделал, мы все еще не знаем, почему. Эта дыра в его стратегии нам и нужна.

Чамо безмолвно ждала, пока Ханс продолжит.

— Готовься, Чамо, нья. Впереди тяжелый бой. Но, нья, мы вдвоем справимся. Я понял, как разрушить план Тгуней. Но если я

ошибусь, всем нам конец, нья.

Ханс рассмеялся. Он не скрывал радости.

— Вот. Вот, нья, бой, которого я ждал. Потому я и стал Героем.

Чамо улыбнулась и взяла Ханса за руку.

— Чамо не знает, что ты будешь делать, но Чамо верит. Чамо защитит Кота-сана, мир и дурочек, поверивших Адлету. Хотя Фреми Чамо, пожалуй, убьет.

Ханс кивнул. Джума вокруг них отреагировали на что-то. Ханс выхватил мечи, Чамо выпустила оставшихся Джума. Силы Тгуней нашли их.

Чамо и Ханс, защищая друг друга, шли к врагу.

* * *

«Героев нашли».

Услышав это, Тгуней в облике волка замер.

— Вот и близок конец Героев. Это теперь лишь вопрос времени. Нам осталось лишь решить, как мы покончим с ними. Или их уничтожит мой план, или вы убьете их, — заявил Тгуней своей армии с усмешкой на морде. — Да начнутся соревнования!

После крика Тгуней Кьема тут же бросились к горе.

Послесловие

Давно не виделись! Это Ямагата Ишио. Простите, что заставил ждать.

Вот и пятый том, надеюсь, вам он понравился.

* * *

Недавно сломал правую руку, упав на дороге. Теперь восстанавливаюсь.

А на пол в квартире купил ковер. Недорогой и не самый лучший, но зато теперь есть ковер.

А еще я хорошо сходил в караоке. Одному туда ходить даже лучше.

И у меня есть привычка говорить с собой по пути. В последнее время привычка стала даже хуже.

* * *

Благодарности.

Иллюстратору Мияги за смелые идеи большое спасибо.

Спасибо за заботу и редакцию мистеру Т.

И всем читателям спасибо. Увидимся в следующем томе!